

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Петрова Марина Викторовна

**РЕЧЕВАЯ КОНТРАМАНИПУЛЯЦИЯ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВИДЕОБЛОГАХ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание научной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Копнина Галина Анатольевна

Красноярск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КОНТРМАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ.....	15
1.1 Речевое воздействие как объект лингвистического исследования.....	15
1.1.1 Речевое воздействие: вопрос об определении понятия.....	15
1.1.2 Лингвистические аспекты изучения речевого воздействия: краткая характеристика.....	18
1.2 Понятие речевой манипуляции: дискуссионные вопросы трактовки.....	22
1.2.1 Проблема определения лингвистического статуса речевой манипуляции.....	22
1.2.2 Речевая манипуляция в аспекте соотношения со смежными понятиями.....	30
1.3 Речевая контрманипуляция: дискуссия об объеме и содержании понятия	35
1.3.1 Речевая контрманипуляция и ответная речевая манипуляция: проблема разграничения.....	35
1.3.2 Речевая контрманипуляция, контраргументация и контрсуггестия: соотношение понятий.....	43
1.4 Метаязык описания стратегии речевой контрманипуляции.....	45
1.4.1 Речевая стратегия – речевая тактика – речевой ход: лакунарность цепочки.....	45
1.4.2. Проблема терминологии и классификации составляющих стратегии речевой контрманипуляции.....	54
1.5 Политический видеоблог в системе жанров политического интернет-дискурса.....	56
1.5.1 Политический интернет-дискурс: понятийная и жанровая	

характеристика.....	56
1.5.2 Политический видеоблог: определение понятия и специфика.....	59
Выводы по главе 1	62
ГЛАВА 2. СУБСТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОЙ КОНТРАМАНПУЛЯЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВИДЕОБЛОГАХ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ.....	65
2.1 Субстратегия речевого контрманипулятивного сопротивления и реализующие ее тактики.....	65
2.1.1 Тактика обнажения намерения манипулятора.....	68
2.1.2 Тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора.....	70
2.1.3 Тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов).....	73
2.1.4 Тактика приведения контраргумента(-ов).....	81
2.1.5 Тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону.....	86
2.2 Субстратегия речевого контрманипулятивного маневрирования и реализующие ее тактики.....	88
2.2.1 Тактика повтора слов манипулятора.....	88
2.2.2 Тактика мнимого согласия с манипулятором.....	90
2.2.3 Тактика указания на правомерность личной позиции / мнения ...	93
Выводы по главе 2.....	94
ГЛАВА 3. РЕЧЕВАЯ СИНТАКТИКА В КОНТРАМАНПУЛЯТИВНОМ СЦЕНАРИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВИДЕОБЛОГА...	97
3.1. Контрманипулятивный коммуникативный сценарий и речевая синтактика: определение и соотношение понятий.....	97
3.2 Контрманипулятивные речевые стратагемы.....	106
3.2.1 Контрманипулятивные речевые стратагемы бинарного типа..	106
3.2.2 Контрманипулятивные речевые стратагемы тернарного типа..	112
Выводы по главе 3.....	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	118

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	122
ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК ИСТОЧНИКОВ РЕЧЕВЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.	144

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертационная работа посвящена лингвопрагматическому исследованию стратегии речевой контрманипуляции в русскоязычных политических видеоблогах.

Объектом исследования является стратегия речевой контрманипуляции, используемая в русскоязычных политических видеоблогах; **предметом** – реализующие ее речевые субстратегии и тактики, а также особенности их речевого оформления.

Актуальность изучения речевой контрманипуляции объясняется востребованностью лингвистических данных о ней современной наукой и практикой речевого общения прежде всего в связи с эскалацией информационно-психологического противоборства в политической коммуникации, основу которого составляет манипулирование общественным сознанием: «Рост манипулятивного воздействия порождает поиск способов выявления манипулятивных технологий и противодействия им» [Карасик, 2015, с. 219].

Исследование противодействия речевой манипуляции важно для решения проблем эффективной коммуникации и подготовки риторически грамотного специалиста в высших учебных заведениях: «Если исходить из того, что риторическая культура, или – шире – культура речевого общения, заключается не только в эффективном использовании языка для передачи информации и воздействия на адресата в нужном для ратора направлении, но и в адекватной реакции адресата на эту информацию и это воздействие, то нужно признать, что наша система филологического образования, игнорируя проблематику языкового насилия (включающего речевую манипуляцию. – *М.П.*) обедняет подготовку риторически грамотного слушателя и читателя» [Сковородников, 1997, с. 14] – слова, на наш взгляд, по-прежнему актуальные. Изучение речевой контрманипуляции открывает возможности для разработки нового направления

научных исследований в рамках лингвистической теории речевого воздействия, связанного с изучением противостояния языковому насилию.

Актуальность предпринятого исследования объясняется также популярностью политических видеоблогов как средства информирования населения о происходящих событиях в стране, возрастающим потенциалом их манипулятивного воздействия и в то же время недостаточной изученностью этого жанра. Известно, что «системы манипулирования через социальные сети позволяют мобилизовать миллионы подписчиков на участие в флэшмобах, политических акциях. <...> Задания, которые блоггеры дают своим подписчикам, могут быть безобидны, но та форма зависимости и сам характер реальности, которые при этом возникают, способны превратить видеочеллендж и другие видеоблоги в эффективный инструмент манипулирования людьми» [Петренко, 2017, с. 193]. Но, несмотря на повышение внимания исследователей к политическим блогам в последние годы (см., например, работы: [Диасамидзе, 2010; Бабитова, 2017; Фокина, 2017; Зуйкина, 2017]), их использование в контрманипулятивных технологиях не подвергалось изучению.

Степень разработанности темы характеризуется наличием достаточно прочного теоретического базиса исследования манипуляции, в том числе языковой (речевой), и в то же время недостаточным вниманием ученых к изучению способов противодействия ей.

В отличие от контрманипуляции, феномен манипуляции достаточно хорошо изучен исследователями в области *психологии* [Бессонов, 1971; Шиллер, 1980; Buss, 1987; Шостром, 1992; Доценко, 1993; Ермаков, 1995; Шейнов, 1996, 2004, 2014; Панкратов, 2001; Григорчук, 2008; Назаре-Ага, 2014; и др.], *философии* [Шипова, 2007; Баукин, 2007; Пую, 2010; Князева, 2011; Дик, 2011; Кузин, 2012; Barnhill, 2014; Wood, 2014; Mills, 2014; Manne, 2014; Long, 2014; Cave, 2014; Baron, 2014 и др.], *социологии* [Грачев, 1999; Мачина, 2003; Филатов, 2006; Чайкин, 2011; Нуриджанов, 2013; Сергеева, 2013], *политологии* [Goodin, 1980; Riker, 1986; Цветков, 1996; Елева, 2003; Копичникова, 2005; Богачева, 2006; Кара-Мурза, 2009; Горбачев, 2011; Королев, 2013 и др.], *экономики* [Карабекян, 2012;

Акерлоф 2017]. Обращают на него внимание и лингвисты, описывая стратегии, тактики и приемы манипулятивного речевого воздействия [Бережная, 1986; Уокоуама, 1988; Быкова, 1998, 1999, 2000; Денисюк, 2003; Завьялова, 2003; Михалева, 2004; Чернявская, 2006; Копнина, 2010; Антонова, 2011; Карымшакова, 2016; Балахонская, 2016 и др.].

Вербальные и невербальные действия, ответные манипулятору и направленные на защиту от его воздействия, получили частичное описание в научных и научно-популярных работах по психологии, в которых даются советы по защите от манипуляции [Доценко, 1993; Грачев, 2000; Панкратов, 2000; Шейнов, 2001, 2014; Сидоренко, 2004; Гласс, 2004; Литвак, 2006; Левин, 2007; Руськина, 2009; Эдмюллер, 2011; Назаре-Ага, 2014; Непряхин, 2014]. Некоторые наблюдения над контрманипуляцией, осуществляемой с помощью речи, встречаются в отдельных публикациях лингвистов [Седов, 2011; Копнина, 2018], однако объектом специального исследования в языкознании она еще не становилась, несмотря на востребованность теорией коммуникации и речевой практикой.

Целью работы является комплексная (функционально-типологическая и языковая) характеристика речевых субстратегий и тактик, реализующих стратегию контрманипуляции в русскоязычных политических видеоблогах.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

1) рассмотреть проблему определения речевой контрманипуляции в аспекте ее соотношении со смежными лингвистическими понятиями (речевое воздействие, речевая манипуляция, речевая контраргументация, речевая контрсуггестия);

2) представить метаязык описания стратегии речевой контрманипуляции;

3) выявить составляющие контрманипулятивной речевой стратегии в русскоязычных политических видеоблогах и представить их функционально-типологическое описание (классификацию);

4) выявить и описать языковые / речевые средства, характерные для контрманипулятивных речевых субстратегий и тактик в русскоязычных политических видеоблогах.

Гипотеза исследования заключается в следующем: стратегия речевой контрманипуляции в русскоязычных политических видеоблогах реализуется преимущественно при помощи таких речевых тактик, которые в совокупности направлены на разоблачение манипулятора, опровержения сказанного им для привлечения на свою сторону аудитории (подписчиков).

Политический видеоблог определяется нами как гипержанр политического интернет-дискурса, представляющий собой ленту располагающихся в обратном порядке видеороликов, автор которых в режиме асинхронного диалога дает свой комментарий к тем или иным политическим событиям, высказывает свое мнение о них. **Материалом** исследования послужили скриптованные фрагменты речи блогеров, репрезентирующие контрманипулятивные тактики, из следующих пяти популярных* политических видеоблогов: 1) видеоблог журналиста Анатолия Шария с одноименным названием; 2) видеоблог с обзором политических событий в России и за рубежом «ANNA NEWS», рубрика «Антифейк» с ведущим Сергеем Павловым; 3) видеоблог «Политика сегодня», показывающий политические расследования, с ведущим Олегом Неретиным; 4) видеоблог «AfterShock.news» с ведущим Сергеем Брекотиным и 5) видеоблог «PolitRussia», рубрика Романа Романова. Общий объем проанализированного звучащего текста 21 час 37 минут (в скриптованном варианте 107955 печатных знаков).

Методологической базой исследования послужили труды в области теории речевого воздействия прежде всего таких ученых-лингвистов, как Л. В. Балахонская, А. А. Горячев, Л. М. Дегтярева, Е. В. Денисюк, М.Г. Дудина, М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Е. В. Ключев, Т. С. Комисарова,

* О популярности названных видеоблогов свидетельствует число подписчиков. По данным на 12.02.2020 г. видеоблог журналиста Анатолия Шария имеет 2 миллиона 280 тысяч подписчиков; видеоблог «ANNA NEWS» (рубрика «Антифейк» с ведущим Сергеем Павловым) – 245 тысяч; видеоблог «Политика сегодня» с ведущим Олегом Неретиным – 253 тысячи; видеоблог «AfterShock.news» с ведущим Сергеем Брекотиным – 114 тысяч; видеоблог «PolitRussia» (рубрика Романа Романова) – 651 тысячу подписчиков.

Г. А. Копнина, С. Н. Леденева, А. А. Мендыгалиева, О. Л. Михалева, О. Ю. Найденов, П. Б. Паршин, Ю. К. Пирогова, Н. А. Помырляну, К. Ф. Седов, Е. В. Сергеева, А. П. Сковородников, И. Р. Степкин, И. А. Стернин, В. Е. Чернявская, Е. В. Шелестюк. Методологически значимыми для нас являются основные положения политической лингвистики (о возможности широкого понимания политической коммуникации; о манипулятивной составляющей «борьбы за власть» в политике, о внимании лингвистики информационно-психологической войны к технологиям защиты от манипулятивного воздействия), отраженные в работах Э. В. Будаева, О. И. Воробьевой А. А. Романова, М. С. Тихоновой, А. П. Чудинова. Поскольку контрманипуляция является объектом междисциплинарного исследования, принимались во внимание также публикации специалистов из других областей знаний, прежде всего – психологии (Х. Брейкер, Л. Гласс, В. Левин, М. Литвак, И. Назаре-Ага, Н. Непряхин, А.А. Осипова, В. Н. Панкратов, Е. В. Сидоренко, В. П. Шейнов, А. Эдмюллер).

В процессе исследования использовались следующие **методы**: аналитико-описательный метод, включающий приемы наблюдения за структурой и речевым воплощением контрманипуляции, интерпретацию результатов лингвистического наблюдения, обобщение и описание выявленных особенностей реализации в речи контрманипулятивной цели; коммуникативно-прагматический анализ речевой ситуации, с помощью которого выявляется иллюкутивная направленность речевой контрманипуляции в политическом видеоблоге; метод дискурс-анализа, позволяющий идентифицировать речевые манипуляцию и контрманипуляцию. Применялся также количественный подсчет как метод математической обработки собранного материала.

Дискурс-анализ осуществлялся по разработанной нами методике в три этапа. Первый этап предполагает внимательный просмотр видеоролика, его параметризацию (выделение участников общения, содержательной, сценарной, социально-интерактивной и других составляющих [Леонтович, 2015, с. 186]) и выдвижение гипотезы о реализации в нем контрманипулятивного намерения. На

втором этапе осуществляется лингвистический анализ того интернет-источника, к которому апеллирует контрманипулятор, на предмет выявления в нем речевой манипуляции по определенным критериям: сокрытие основной цели воздействия (может выражаться в декларировании второстепенных задач, ложного намерения, общей речевой цели), использование некооперативных стратегий и тактик дискредитирующего характера и специализированных речевых манипулятивных приемов (паралогических приемов, речевых приемов сокрытия информации, использование «нагруженного языка» и мн. др., описанных в лингвистической литературе по проблемам манипулятивного воздействия). Третий шаг включает повторный анализ ответных манипулятору реплик с целью подтверждения или опровержения гипотезы о наличии контрманипулятивной интенции (интенции нейтрализации манипулятивного воздействия), затем следует идентификация реализующих ее контрманипулятивных тактик и речевых приемов, их определение и типологизация. Использование описанной методики вызвано тем, что речевая контрманипуляция в российских политических видеоблогах имеет отложенный по времени характер: видеоблогер вырезает отрывок видеоролика или вербального текста с замеченной им манипуляцией, вставляет ее в свой видеоролик и комментирует, продолжая коммуникацию с использованием речевой контрманипулятивной стратегии, в результате чего у аудитории складывается ощущение сопричастности к общению двух видеоблогеров и появляется возможность сопоставления разных точек зрения.

Научная новизна исследования заключается, во-первых, во введении в научный оборот понятия «стратегия речевой контрманипуляции», дополняющего систему лингвопрагматических терминопонятий, и его определении; во-вторых, в систематизации контрманипулятивных речевых тактик политического дискурса, некоторые из которых лингвистически охарактеризованы впервые (тактика обнажения намерения манипулятора, тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов)); в-третьих, в выявлении контрманипулятивных речевых маркеров – речевых единиц, сигнализирующих о намерении нейтрализовать манипулятора.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней заложены основы для разработки теории речевой контрманипуляции. Диссертация вносит вклад в лингвопрагматику путем заполнения лакуны в исследовании стратегий речевого воздействия, упорядочения терминологического аппарата, связанного с изучением речевой контрманипуляции; в медиалингвистику, поскольку выявлен особый тип политического видеоблога, который можно назвать контрманипулятивным; в русистику путем выявления свойственных русской речи слов и оборотов, маркирующих контрманипулятивное воздействие.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут использоваться в процессе преподавания дисциплин речеведческой направленности (лингвопрагматика, теория речевой коммуникации, риторика, политическая лингвистика и др.) и в написании учебных пособий по этим дисциплинам. Кроме того, результаты диссертации будут востребованы в подготовке и проведении тренингов по защите от речевой манипуляции с целью воспитания риторически грамотных носителей русского языка.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Речевая контрманипуляция представляет собой стратегию речевого воздействия, направленную на нейтрализацию манипулятора с помощью прямого речевого противостояния (сопротивления) ему и/или уклонения от его воздействия (речевого маневрирования). Соответственно, она осуществляется с помощью двух речевых субстратегий: субстратегии речевого контрманипулятивного сопротивления, представляющей собой совокупность речевых тактик, направленных на разоблачение манипулятора путем обнажения (вербализации) манипулятивной цели, тактики и/или приема(-ов) или на опровержение его слов; субстратегии речевого контрманипулятивного маневрирования, состоящей в уклонении от влияния манипулятора путем привлечения внимания адресата к манипулятивным речевым действиям без его прямого разоблачения и тем самым предоставления адресату возможности более критического осмысления ситуации.

2. Стратегия речевой контрманипуляции в русскоязычных политических видеоблогах реализуются с помощью определенных речевых тактик: субстратегия прямого речевого сопротивления манипулятору – с помощью тактики обнажения намерения манипулятора, тактики постановки вопроса о намерениях манипулятора, тактики обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов), тактики приведения контраргумента(-ов) и тактики отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону; субстратегия контрманипулятивного маневрирования – с помощью тактики повтора слов манипулятора, тактики мнимого согласия с манипулятором и тактики указания на правомерность личной позиции / мнения.

3. В русскоязычных политических видеоблогах наиболее частотна субстратегия контрманипулятивного сопротивления, позволяющая ведущему блога разоблачить манипулятора и представить своим подписчикам иную точку зрения, склонить их на свою сторону.

4. В политических видеоблогах используются речевые контрманипулятивные стратагемы – такие реализации контрманипулятивной стратегии, которые характеризуются строгой последовательностью речевых тактик, позволяющей объекту манипуляции оптимальным образом нейтрализовать влияние манипулятора. Выявлены два типа речевых контрманипулятивных стратагем: 1) стратагемы бинарного типа (тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика обнажения намерения манипулятора; тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика постановки вопроса о намерении манипулятора; тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора => тактика обнажения намерения манипулятора; тактика мнимого согласия => тактика обнажения манипулятивной тактики / приема(-ов)) и 2) стратагемы тернарного типа («тактика повтора слов манипулятора => тактика приведения контраргументов => тактика обнажения намерения манипулятора»; «тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) <=> тактика приведения контраргументов <=> тактика обнажения намерения манипулятора»; тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) =>

тактика повтора слов манипулятора => тактика указания на правомерность личной позиции/мнения).

5. Характерной особенностью речевой контрманипуляции в русскоязычном политическом видеоблоге является наличие контрманипулятивных маркеров – речевых единиц, выполняющих функцию актуализации намерения контрманипулятора в пределах той или иной применяемой им речевой субстратегии или тактики, сигнализирующих об этом намерении.

Апробация результатов исследования осуществлялась на международных научных конференциях в форме очного участия: «Русская речевая культура и текст» (Томский государственный педагогический университет, г. Томск, 2016 г.); «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томский государственный университет, г. Томск, 2016 г.); «Молодежь и наука: Проспект свободный–2016» (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, 2016 г.); «Русский язык и русская литература как фактор культурной интеграции Русского мира» (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, 2016 г.); «Язык в координатах массмедиа» (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 2017 г.); «Проспект Свободный-2018» (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, 2018 г.); «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, 2019 г.).

По теме диссертации опубликовано 8 научных работ, из них три – в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертационных исследований, одна – в издании, включенном в международную базу данных Scopus.

Логика решения исследовательских задач обусловила **структуру диссертации**.

Диссертационная работа включает три главы. В первой главе «Теоретико-методологические основы изучения речевой контрманипуляции в политическом интернет-дискурсе» рассматриваются основные проблемы теории речевого воздействия: проблема определения речевой контрманипуляции в аспекте ее

соотношения со смежными понятиями (речевое воздействие, речевая манипуляция, речевая контраргументация и речевая контрсуггестия) и проблема метаязыка лингвопрагматического описания речевой контрманипуляции; определяется статус политического видеоблога в системе жанров политического интернет-дискурса. Вторая глава «Субстратегии и тактики речевой контрманипуляции в русскоязычных политических видеоблогах: опыт классификации» посвящена функционально-типологическому описанию речевых субстратегий и тактик, реализующих контрманипулятивную стратегию: представлены их дефиниции и иллюстративный материал; характеризуются речевые приемы, выполняющие функции актуализаторов контрманипулятивного намерения. В третьей главе «Речевая синтактика в контрманипулятивном сценарии русскоязычного политического видеоблога» представлено описание строгого и нестрогого типов сочетаемости речевых тактик контрманипулятивного воздействия (то есть их речевая синтактика), дается обоснование понятия «контрманипулятивная стратагема».

В Заключении излагаются результаты проведенного исследования.

Список использованной литературы включает 213 источников, из которых 19 на английском языке.

В Приложении дается список источников иллюстративного материала, который состоит из 59 библиографических описаний политических видеороликов.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КОНТРАМАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

1.1 Речевое воздействие как объект лингвистического исследования

1.1.1 Речевое воздействие: вопрос об определении понятия

Поскольку в процессе манипуляции и контрманипуляции большую роль играют язык и речь, необходимо рассмотреть вопрос о содержании и объеме понятия «речевое воздействие», который «нельзя признать до конца решенным» [Шелестюк, 2014, с. 29].

Как пишут исследователи, термин «речевое воздействие» был впервые введен в научный оборот психолингвистами в начале 1970-х годов и рассматривался как использование «...психолингвистических методов и категорий в теории и практике массовой коммуникации, устной пропаганды и т.п.» [Леонтьев, 1972, с. 5]. Т.М. Надеина отмечает, что основная мысль исследований, которые являются концептуальными основами психолингвистики речевого воздействия, заключается в том, что «речевое воздействие есть преднамеренная перестройка смысловой сферы личности» [Надеина, 2004, с. 89], – добавим – непосредственно влияющей на ее поведение. Именно этот характер речевого воздействия подчеркивается во многих его определениях, предложенных представителями различных лингвистических направлений. Приведем некоторые из них.

Речевое (языковое) воздействие определяют как (далее выделение курсивом наше. – М.П.) «психологически самостоятельный акт» [Леонтьев, 1974, с. 34], направленный на «*определенную организацию деятельности человека, или объекта воздействия*» [Там же, с. 36]; как «*управление человеческим поведением посредством речевой информации*» [Киселева, 1978, с. 3]; «*...регуляция деятельности одного человека другим человеком при помощи речи*» [Тарасов, 1990, с. 3]; «*регуляция психической деятельности адресата и отправителя, их*

социальной деятельности в акте речевой коммуникации через изменение установок, вызываемое в результате восприятия/порождения текста» [Найденов, 2000, с. 18]; «влияние на личность и поведение человека с целью формирования и регулирования его поведения» [Дегтярева, 2008, с. 39]; как «изменения смысловых структур, оценок, поведенческих моделей и психофизиологических процессов реципиента в результате речевого действия субъекта коммуникации» [Шелестюк, 2009, с. 42]; как «...целенаправленное речевое общение, предполагающее наличие субъекта и объекта воздействия с целью изменения сознания и/или управления поведением объекта со стороны субъекта» [Мальцева, 2011, с. 24].

Таким образом, целевой характер речевого воздействия всегда определяется с позиций одного из субъектов речевого общения (взаимодействия). Это подчеркивается и в следующем, более широком, определении анализируемого понятия: речевое воздействие – «...любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиций одного из коммуникантов» [Иссерс, 2009, с. 22].

Объём понятия речевого воздействия определяется различно в зависимости от того, включается в него использование невербальных средств общения или нет. Сравните (выделение курсивом наше. – М.П.): речевое воздействие – это «особое *речевое формулирование*, нацеленное на внедрение в сознание другой личности определенных оценок, мнений, отношений [Комиссарова, 2008, с. 27]; «...воздействие человека на другого человека или группу лиц *при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств* для достижения поставленной говорящим цели – изменения поведения адресата, его установок, намерений, представлений, оценок и т.п. в ходе речевого взаимодействия с ним» [Рубанова, 2006, с. 13]; «...воздействие человека на другого человека или группу лиц *при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств* для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин, 2012, с. 45]; «речевое воздействие в узком смысле слова есть влияние, оказываемое субъектом на реципиента *с помощью лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических*

символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые могут предполагать индуцирование определенных действий со стороны собеседника, изменение его отношения к тому или иному объекту, перестройку его мировоззрения, изменение его эмоционального либо психофизиологического состояния» [Шелестюк, 2014, с. 38].

Полагаем, что для процесса использования не только речи, но и невербальных семиотических систем с целью регулирования психической и поведенческой деятельности адресата, больше подходит термин «коммуникативное воздействие». И.М. Дзялошинский определяет его как «намеренное (спланированное) воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для инициатора коммуникации направлении» и подчеркивает, что этот термин «не конкретизирует характер и способ воздействия» [Дзялошинский, 2012, с. 20–21]. Подтверждением этому являются работы, в которых коммуникативным воздействием называют воздействие как вербальное, так и не вербальное, например: [Пирогова, 2001, с. 543; Шунейко, 2008, с. 6; Шевченко, 2012, с. 81; Никифорова, 2013, с. 12].

Обратим также внимание, что в последнем приведенном выше определении речевого воздействия (в определении Е.В. Шелестюк) в качестве родового используется термин «влияние». Это связано с тем, что «понятие "воздействие" охватывает только такие формы влияния, которые предполагают заранее поставленную цель» [Дзялошинский, 2012, с. 14]. Тем самым в определении речевого воздействия Е.В. Шелестюк подчеркивается его сознательный, направленный характер. Б.Н. Головин пишет, что ненаправленное влияние не ставит специальной задачи добиться определенного результата от объекта этого влияния [Головин, 1998, с. 58].

Подводя итоги, отметим, что дифференциальными для понятия речевого воздействия являются следующие признаки: 1) сознательный (предполагающий наличие цели) и 2) направленный (связанный с намерением повлиять на адресата)

характер воздействия, 3) результатом которого являются изменения в когнитивной и/или поведенческой деятельности адресата. При этом под когнитивной деятельностью мы понимаем «деятельность, в результате которой человек приходит к определенному решению и/или знанию, т.е. мыслительная деятельность, приводящая к пониманию (интерпретации) чего-либо» [Демьянков, 1996, с. 51–52]. Названные признаки отграничивают речевое воздействие как направленное влияние от ненаправленного речевого влияния.

На основании отмеченного выше в качестве рабочего примем следующее определение речевого воздействия: **речевое воздействие – это такое осуществляемое в процессе речевого общения влияние субъекта речи на адресата (человека, группу людей, общество в целом), которое имеет целью изменение его когнитивной и/или поведенческой деятельности.**

1.1.2 Лингвистические аспекты изучения речевого воздействия: краткая характеристика

Многие лингвистические исследования речевого воздействия выполнены «на стыке» различных направлений: лингвистики текста и теории перевода [Кулешова, 1990, с. 186-199]; теории дискурса и когнитивной лингвистики [Иванова, 2003, с. 3]; психолингвистики, прагматики и функциональной стилистики [Кожедуб, 2009], психолингвистики, лингвистики текста, прагмалингвистики, неориторики и филологической герменевтики [Шелестюк, 2014, с. 2], лингвистики текста, прагмалингвистики и психолингвистики [Кучеренко, 2013, с. 4-7], прагмалингвистики, психолингвистики, теории дискурса [Мальцева, 2011, с. 4-5], «с позиций интеграции лингвистики и логики» [Дудина, 2000, с. 119.] и т.д. Тем не менее в современном языкознании можно выделить несколько **основных аспектов изучения речевого воздействия**. Представим их краткую характеристику, не претендуя на полный обзор исследований.

Психолингвистический аспект

В одной из первых работ по психолингвистике, посвященной речевому воздействию, делается попытка построения наиболее общей теоретической модели воздействия [Леонтьев, 1974]. Ученый считает, что речевое воздействие – это «форма сознательного воздействия на личность» [Там же, с. 35], «речевое воздействие, как правило, не бывает самодовлеющим <...> Чаще всего речевое воздействие является частью более сложной деятельности, средством достижения какой-то внеречевой задачи» [Там же, с. 34], «направлено на сдвиг в системе ценностей» [Там же, с. 37]. В работе описываются формы речевого воздействия (убеждение, информирование) и отмечается его цель – определенная организация деятельности человека – объекта воздействия [Там же, с. 36]. Эти основные положения, несомненно, важны для осмысления феномена речевой контрманипуляции, являющейся сознательным сопротивлением манипулятору с помощью речи.

Психолингвистические исследования речевого воздействия направлены прежде всего на изучение проблемы понимания текста как условия речевого воздействия [Степкин, 2001, с. 21], его восприятия, в частности восприятия рекламного текста [Найденов, 2000, с. 7]; на выявление и описание различных средств оптимизации речевого воздействия (фонетических [Потапова, 1990] и др.); на решение проблемы оценки эффективности речевого воздействия [Петренко, 1990], в том числе рекламного [Леденева, 2004, с. 148].

Лингвопрагматический аспект

Лингвистическая прагматика (лингвопрагматика) определяется как «раздел языкознания, изучающий употребление языковых знаков в их отношении к участникам и обстановке общения» [Матвеева, 2010, с. 187]. Специалисты в этой области изучают т.н. прагмемы (языковые и речевые единицы, имеющие прагматическую значимость [Киселева, 1978]), например, информативные и прагматические свойства глагольных слов, а также их функционирование в качестве средства речевого воздействия в материалах на международные темы [Тропина, 1985, с. 14].

Однако лингвопрагматика исследует и более широкий круг явлений, связанных с речевым воздействием: формы и разновидности речевого воздействия в различных сферах деятельности (политическая пропаганда, реклама, сфера образования, судебная практика и др.) [Паршин, 2000] и жанрах (например, памятках для населения, изданных правоохранительными органами России и Германии [Дегтярева, 2008]); стратегии и тактики речевого воздействия [Денисюк, 2003; Горячев, 2010; Мищук, 2013 и др.]; прагматические установки [Бубнова, 2012, с. 164]; «коммуникативно-прагматические механизмы политического речевого воздействия и их языковой презентации в речи тех или иных лингвоперсон» [Комисарова, 2008, с. 4]. Таким образом, лингвопрагматика в ее широком понимании предстает как лингвистическая теория речевого воздействия – междисциплинарная область научного знания, изучающая процесс и результат целенаправленного речевого регулирования деятельности и/или состояния адресата (человека, группы людей, общества). Ее наблюдения над стратегиями и тактиками речевого общения значимы для осмысления объекта нашего исследования.

Лингводискурсивный аспект

Термин «дискурс» понимается лингвистами в широком и узком смыслах. В широком смысле дискурс есть «комплексное коммуникативное действие, которое включает несколько социальных акторов, обычно принимающих роли говорящего / пишущего и слушающего / читающего (допустима также роль наблюдателя) в коммуникативном действии, которое происходит в определенное время, в определенном месте и при определенных обстоятельствах и опирается на определенный контекст» [Dijk, 1998, p. 193–194]. Это коммуникативное действие может осуществляться устно или письменно, и, что характерно для устной коммуникации, обычно включает как вербалику, так и невербалику (жесты и др.) [Там же, p. 194]. В узком понимании дискурс представляет собой разговор или текст: «В этом смысле «дискурс» относится к завершённому или происходящему в настоящий момент "продукту" коммуникативного действия, а именно, его письменному или устному результату» [Там же].

О. А. Леонтович обращает внимание на то, что интерес исследователей дискурса главным образом направлен на единицы коммуникации, к которым относятся, например, речевая ситуация, речевое событие, речевой акт, коммуникативный ход и т.д. [Леонтович, 2011, с. 110–111]. Исследования речевого воздействия в дискурсивном аспекте охватывают формы речевого воздействия (прогнозы, планы, сценарии, программы и т.д.) [ван Дейк, 2013, с. 58]; специфику воздействия на адресата экспрессивных средств языка [Скрипак, 2008]; технологии речевого воздействия на сознание социальных групп [Мендыгалиева, 2011, с. 3]; речестратегические средства воздействия [Хобракова, 2003, с. 5].

Исследование речевой контрманипуляции подразумевает анализ всей ситуации речевого взаимодействия, то есть учет дискурсивной составляющей коммуникативного взаимодействия.

Лингвориторический аспект изучения речевого воздействия связан с решением проблемы его эффективности / неэффективности [Безменова, 1990; Рождественский, 1997; Стернин, 2012; Колесникова, 2014 и др.].

В зависимости от широкого или узкого понимания риторики как науки исследователи сосредотачивают внимание на общих условиях обеспечения эффективного речевого воздействия [Стернин, 2012: 55], на исследовании аргументации и убеждения [Анисимова, 2004, с. 64–66], реализации риторической функции (метаболы) языка в речи [Дюбуа, 1986], проблеме соотношения спонтанной и культивированной речи [Колесникова, 2014] и некоторых других вопросах. Лингвориторика основное внимание уделяет языковой стороне высказывания [Магера, 2005; Сальникова, 2011; Хачецукова, 2007]. Лингвориторические исследования аргументации и убеждения также учитывались нами в исследовании контрманипулятивного воздействия, хотя задача определения критериев эффективности / неэффективности контрманипулятивного воздействия нами не ставилась.

Таким образом, проблемы речевого воздействия входят в круг интересов целого ряда научных направлений, основными из которых являются

психолингвистика, лингвопрагматика, лингвориторика, лингводискурсология (лингвистическая теория дискурса). Актуальными признаются исследования проблем речевого воздействия, выполненные на стыке двух и более лингвистических дисциплин. Наше исследование, хотя и выполнено на стыке лингвистической прагматики и политической лингвистики, учитывает основные достижения всех названных областей научного знания.

1.2 Понятие речевой манипуляции: дискуссионные вопросы трактовки

1.2.1 Проблема определения лингвистического статуса речевой манипуляции

Классическим можно считать определение манипуляции, данное Е.Л. Доценко: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1997, с. 59]. Это определение Е.Л. Доценко дал с учетом признаков манипулятивного воздействия, выделенных разными исследователями. К этим признакам относятся: психологический характер воздействия; отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей; скрытый характер воздействия (как факта воздействия, так и его направленности); побуждение, мотивационное привнесение и мастерство (сноровка) в осуществлении манипулятивных действий [Там же, с. 58]. Некоторые исследователи описывают эти признаки детализировано, подчеркивая, например, введение «адресата в заблуждение относительно целей манипулятора и характера подаваемой ему информации»; «непризнание одним человеком равной ценности личности другого индивида по сравнению с собственной», осуществления воздействия «без каких-либо эмоциональных затрат» [Денисюк, 2003, с. 23]; то, что «конечная цель манипулятора адресату неизвестна» [Владимирова, 2011, с. 125].

Названные выше признаки учитываются и в определениях языковой (речевой) манипуляции (языкового (речевого) манипулирования), лингвистический статус которой в теории речевого воздействия определяется исследователями по-разному: как способ, вид, тип или разновидность речевого воздействия, метод речевого воздействия или стратегия речевого воздействия, – что связано с недостаточно дифференцированным использованием этих терминов, а также отсутствием общепринятой классификации типов (видов) и стратегий речевого воздействия. Рассмотрим разные точки зрения на определение статуса феномена речевой манипуляции в лингвистических работах более подробно.

Манипуляция как способ (метод) речевого воздействия рассматривается в целом ряде научных публикаций, однако в большинстве из них не дается определение родовому понятию «способ (речевого) воздействия».

По мнению Е.В. Шелестюк, «способ речевого воздействия можно определить как совокупность приемов или операций практической деятельности, определяемой иллюкутивными целями воздействующего субъекта и подчиненных решению его конкретных задач» [Шелестюк, 2014, с. 43]. В этом определении на первый план выходят технологическая сторона воздействия и учет иллюкутивных целей адресанта. Способами речевого воздействия исследователь считает убеждение, внушение (суггестию) и побуждение (волеизъявление) [Там же, с. 55]. По мнению других ученых, «наряду с убеждением можно выделить почти столь же значимый способ речевого воздействия – манипулирование (манипуляцию)» [Балахонская, Сергеева, 2016, с. 10]. В кругу различных способов воздействия манипуляцию описывают и в других работах: [Хазагеров, 2009, с. 19; Помырляну, 2013, с. 72; Вусик, 2015].

Языковое манипулирование рассматривается как «метод языкового воздействия» [Любимова, 2006, с. 30], наряду с риторикой, пропагандой, языковой демагогией и брейнуошингом [Там же], четкие критерии разграничения которых, на наш взгляд, в литературе не сформулированы.

Манипуляция как тип (вид, разновидность) речевого воздействия

Понятия вида, типа и разновидности речевого воздействия используются в лингвистических исследованиях, как правило, в качестве взаимозаменяемых и далеко не всегда дефинируемых. Как тип (вид, разновидность) речевого воздействия манипуляция рассматривается в работах: [Пирогова, 2001, с. 222; Голубева, 2009, с. 14; Копнина, 2010, с. 24; Стернин, 2012, с. 56]. Она выделяется на основании наличия у понятий «речевое воздействие» и «манипуляция» общих признаков, например: «установка на воздействие и его односторонность», «комплекс используемых речевых приемов» и «расчет на определенную реакцию адресата» [Бубнова, 2012, с. 80].

Типы речевого воздействия Е.В. Шелестюк определяет как «обобщенные группы прагматических видов высказываний (речевых актов), выделяемых на основании единой коммуникативной функции» [Шелестюк, 2014, с. 55]. В отличие от коммуникативной стратегии, тип речевого воздействия, по ее мнению, «...соотносится не с коммуникативной целью говорящего в какой-либо ситуации общения, а с прагматической функцией, общей для тех или иных высказываний. Иными словами, типы РВ – это своеобразная номенклатура сходных по прагматической функции высказываний» [Там же, с. 55–56]. Например, принуждение как тип речевого воздействия, по мнению исследователя, включает такие виды высказываний, как угроза, запугивание, волевой нажим и т.д. [Там же, с. 58]. К типам речевого воздействия, выделенным Л.Л. Федоровой (социальные воздействия, волеизъявления, оценочные и эмоциональные действия, разъяснение и информирование [Федорова, 1991, с. 48]), Е. В. Шелестюк добавляет воздействие художественными образами, психическое программирование и др. [Там же, с. 58–59]. По мнению исследователя, существуют определенные закономерности в распределении способов речевого воздействия (убеждения, внушения и побуждения) в тех или иных типах речевого воздействия. Так «с убеждением соотносятся преимущественно, хотя и не исключительно, такие типы речевого воздействия и соответствующие им прагматические виды высказываний, как доказывание, аргументация (в том числе

манипулятивная), информирование, рассказ...» [Там же, с. 59]. Представленность манипуляции в различных типах речевого воздействия исследователь не анализирует.

Как разновидность речевого воздействия рассматривает манипуляцию Л.Г. Навасартян. Особое внимание она обращает на такие признаки манипуляции, как «искусное владение словом и психологическими навыками». По ее мнению, манипуляция – это также «особая речевая организация текста, способствующая возникновению заблуждений в сознании собеседника» [Навасартян, 2017, с 35].

Изначально манипуляция изучалась и продолжает изучаться в психологии (например, [Шейнов, 2004; Панкратов, 2000; Сидоренко, 2004, с. 30]). Когда лингвисты обратились к исследованию этого феномена, то стали определять его вслед за психологами как «вид психологического воздействия» [Чернявская, 2006, с. 16]. Очевидно, поэтому манипуляции не нашлось места в различных классификациях видов (типов) речевого (!) и – шире – коммуникативного воздействия (см., например, [Почепцов, 1987, с. 91; Федорова, 1991, с. 48]). Тем не менее большинство ученых манипуляцию, осуществляемую с помощью речи, рассматривают именно как тип (вид, разновидность) речевого / языкового / коммуникативного воздействия на основе характера цели, достигаемой субъектом воздействия.

Определяя манипуляцию как психологический феномен, исследователи акцентируют внимание на психических структурах личности, которые служат мишенью воздействия; когда же говорят о речевой манипуляции, то внимание переносится на языковые / речевые средства ее осуществления. Принципиальным является и то, что в содержании понятия речевой (языковой) манипуляции важными оказываются не только средства воздействия, но и его скрытый характер. Оба эти признака представлены в различных определениях речевой манипуляции, например: «речевое воздействие, направленное на неявное, скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий; как скрытое внедрение в его сознание желаний, отношений, установок, служащих осуществлению интересов отправителя сообщения, которые необязательно

совпадают с интересами адресата» [Чернявская, 2006, с. 19]; «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2010, с. 24]; «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи» [Данилова, 2011, с. 12]; «вид скрытого коммуникативного воздействия адресанта на адресата (на его знания, представления, отношения, цели) с целью изменить его намерения в нужном для адресанта направлении вопреки интересам адресата» [Пирогова, 2001, с. 222].

Манипуляция как технология коммуникативного воздействия

Манипуляцию трактуют и как некую технологию коммуникативного, а значит, и речевого, воздействия. И. М. Дзялошинский под понятием «технология» понимает «совокупность способов (методов) деятельности, прошедших практическую и научную проверку, доведенных до совершенства и представленных в виде такого алгоритма, который может быть многократно использован для решения сходных задач, достижения заданных результатов» [Дзялошинский, 2012, с. 78]. Автор пишет: «Если речь идет об общественном сознании, о политике, хотя бы местного масштаба, то, как правило, к разработке акции привлекаются специалисты или хотя бы специальные знания, почерпнутые из литературы или инструкций. Поскольку манипулирование общественным сознанием стало технологией, появились профессиональные работники, владеющие этой технологией (или ее частями). Возникла система подготовки кадров, научные учреждения, научная и научно-популярная литература» [Там же, с. 423]. Таким образом, технологическая сторона манипулятивного воздействия представляет особый интерес для практиков, заинтересованных в воздействии на общественное сознание. Когда манипуляцию определяют как технологию коммуникативного воздействия, то акцентируют внимание на одной из сторон (технологической стороне) этого воздействия.

Манипуляция как коммуникативный поступок

В. И. Карасик рассматривает манипуляцию как «двуплановый коммуникативный поступок с демонстрируемой интенцией принести благо кому-либо и скрываемой интенцией получить выгоду – противопоставляется в структурном плане одноплановым, в функциональном отношении – полиинтерпретируемым и моноинтерпретируемым целостно-маркированным действиям» [Карасик, 2015, с. 232]. Декларирование одной интенции вместо другой, скрываемой, – один из признаков манипулятивного воздействия, который учитывается нами в процессе идентификации речевой манипуляции.

Термины «коммуникативный поступок» и «речевой поступок», на наш взгляд, не вполне приложимы к речевым действиям манипулятора, даже если он декларирует в речи благородные цели, поскольку речевым поступком признается такое сознательное речевое действие, которое отражает «нравственную позицию коммуниканта», нравственную сторону его речевого поведения («клеточку нравственной деятельности») в кризисных ситуациях общения [Курцева, 2013, с. 7]. Если манипуляцию, вслед за целым рядом психологов, отграничивать от скрытого управления с благими намерениями, то нужно признать, что нравственная сторона деятельности манипулятора интересует его не в первую очередь.

Манипуляция как стратегия речевого воздействия

Стратегия – это «своеобразная "сверхзадача" коммуникации» [Балахонская, Сергеева, 2017, с. 10], поэтому есть те, кто называет манипуляцию «специфической стратегией речевого воздействия» [Там же]. Среди нефилологов манипуляцию к «одним из типов коммуникационных стратегий», наряду с презентацией и конвенцией, относит, например, С. А. Дацюк [Дацюк, 2006].

Понимание речевой манипуляции как стратегии речевого воздействия считаем возможным и оправданным в силу следующих соображений.

Речевое действие или комплекс речевых действий преследует определенную цель. Дж. Диллард и его коллеги в 1989 году предложили подразделять цели в межличностном общении на первостепенные

и второстепенные [Dillard et al. 1989]. Целью они называют желаемое положение дел в будущем («desired future states of affairs») [Dillard et al., 1989, p. 19]. Первостепенной целью, то есть целью, определяющей ситуацию межличностного общения и суть самого взаимодействия, исследователи называют желание вызвать изменение в поведении у адресата [Там же, p. 20–21]. Второстепенные цели подразделяются на пять типов: 1) цели самоидентификации, которые опираются на этические, моральные и личные нормы, вытекающие из принципов и ценностей коммуникантов; 2) цели управления общением, связанные с самопрезентацией; 3) цели управления отношениями (они проявляются в ценностях, которые коммуниканты видят в желаемых социальных и личных отношениях); 4) цели личностных ресурсов, которые отражают физические, материальные и мирские проблемы коммуникантов, возникающие из желаний улучшить или сохранить физическое благосостояние, финансовую ситуацию и т.д.; 5) цели управления эмоциями, отражающие желания сохранить предпочтительные эмоциональные состояния [Dillard, 2008, p. 67–69]. Эта идея выделения первостепенных и второстепенных целей нам кажется продуктивной, поскольку подтверждает возможность выделения не только стратегий, но и субстратегий речевого воздействия.

Манипуляция в конечном итоге (в так называемой дальней прагматике) всегда направлена на изменение поведения адресата, то есть в основе ее идентификации лежит определение первостепенной цели, имеющей скрытый характер.

Продуктивной считаем идею И.М. Дзялошинского о том, что «всякая манипуляция сознанием основана не просто на коммуникативном воздействии, а на коммуникативном взаимодействии» [Дзялошинский, 2012, с. 425], каждый участник которого преследует определенные цели.

Манипулятивная цель всегда соотносится с некооперативными стратегиями, в основе которых, как пишет Н. Н. Кириллова, «лежит авторитарная модель, желание инициатора общения доминировать, быть лидером, подчинять себе окружающих, создавать иерархию в системе социальных отношений»

[Кириллова, 2012, с. 28]. Некооперативными (конфликтными) стратегиями ученые называют такую стратегию, цель которой – «собственная победа и поражение оппонента. К искомому результату они стремятся, используя все возможные средства – корректные и некорректные, любые аргументы <...>, любые уловки, в том числе заведомо ложные и непроверенные факты, подтасованные статистические данные и прочее» [Михальская, 2011, с. 428]. Другими словами, манипулятор нарушает принцип кооперации: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс, 1985, с. 222]. Как отмечает ученый, в кооперации должна присутствовать общая цель, вклады участников должны быть согласованы и должно иметься некоторое соглашение (имплицитное или эксплицитное) относительно взаимодействия участников [Там же, с. 225].

Как мы показали, лингвистический статус речевой манипуляции определяется по-разному: как тип (вид, разновидность), способ (метод), стратегия, технология коммуникативного, в том числе речевого, воздействия, коммуникативный поступок.

Соглашаясь с точкой зрения Л. В. Балахонской и Е. В. Сергеевой, опираясь на дефиниции речевой манипуляции, приведенные выше, и учитывая необходимость актуализации некоторых признаков, предложим следующее рабочее определение этого термина: **речевая манипуляция представляет собой такую некооперативную стратегию организации речевого воздействия и взаимодействия, которая преследует скрытую (не эксплицируемую) цель изменения когнитивной и поведенческой деятельности адресата в нужном манипулятору направлении и основана на искусном использовании ресурсов языка, участвующих в оформлении специализированных речевых тактик и приемов.**

1.2.2 Речевая манипуляция в аспекте соотношения со смежными понятиями

Рассмотрим соотношение речевой манипуляции со смежными понятиями «убеждение», «внушение», «аргументация» и «скрытое управление».

Речевая манипуляция и убеждение

Убеждение рассматривается как «способ словесного влияния, который включает в себя систему доводов, построенных по законам логики и обосновывающих какое-либо выдвигаемое говорящим или пишущим положение, и который ориентирован на осмысленное принятие адресатом каких-либо сведений или идей» [Балахонская, Сергеева, 2016, с. 10]. Убеждение обращено к «собственному критическому суждению» личности [Шелестюк, 2014, с. 43; Желтухина, 2004, с. 64], обязательно предполагает использование логических аргументов (подкрепленных фактами) [Крысько, 1999], основано на сознательном принятии слушателем предлагаемых идей и предполагает возможность допуска слушателя к независимым источникам информации [Хазагеров, 2003, с. 53]; истинная цель убеждения не скрывается от адресата и осознается им [Владиминова, 2011, с. 45]. По мнению Ю. А. Шерковина, убедить кого-то в чем-то подразумевает достижение не только согласия убеждаемого с точкой зрения убеждающего за счет логического обоснования аргументов, но и такого измененного сознания убежденного, чтобы он был готов «защищать эту точку зрения и действовать в соответствии с нею» [Шерковин, 1969, с. 30]. Сказанное характеризует один из подходов к пониманию убеждения, который можно назвать рационально-логическим (убеждение по сути приравнивается к доказательству, или рациональной аргументации, как системе приведения рациональных аргументов (доводов) в поддержку тезиса).

Другой подход (назовем его аргументативно-риторическим) представлен в работах по риторике, где отмечается, что в процессе убеждения «оратор обращается к разуму, но влияет и на чувства аудитории, апеллирует как к истине, так и к мнению слушателей, показывает все возможности, выгоды

и преимущества своего варианта решения проблемы» [Анисимова, 2004, с. 64]. Тем самым убеждение представляется как некая комбинация логических доводов и психологического воздействия на аудиторию: «...убеждение обязательно имеет две стороны: показ истинности тезиса и создание эмоционального отношения к нему. <...> Даже выбор тех или иных аргументов среди логических в воздействующей речи зависит от взглядов оратора, от задачи речи и оказывается субъективным» [Там же, с. 64–65].

Таким образом, отличительными признаками убеждения является прежде всего то, что цель убеждения всегда является открытой, в убеждении используются логические аргументы и факты, у слушателя есть возможность самому критически оценить поступающую информацию, однако не исключается и субъективный аспект – подбор аргументов и создание эмоционально-оценочного отношения к тезису. В отличие от убеждения, в результате манипуляции «у адресата сохраняется иллюзия самостоятельного принятия решения» [Балахонская, Сергеева, 2016, с. 34].

Существует мнение, что убеждение имеет корректный, этически безупречный характер только тогда, когда говорящий сам искренне верит в разумность того, в чем хочет убедить слушателя, в противном случае это будет являться «спекулятивной формой убеждения» [Анисимова, 2004, с. 64], граничащей с манипуляцией.

Речевая манипуляция и аргументация

Термин «аргументация» в широком понимании используется как синоним «убеждению» (например, в [Сидоренко, 2004, с. 74]) в связи с возможностью выделения риторического аспекта ее осмысления: в русле риторики она понимается как «возможность речевого воздействия на сознание человека» [Анисимова, 2004, с. 58–61].

Поскольку исследователи солидарны в том, что аргументация лежит в основе убеждения, под аргументацией мы традиционно понимаем приведение аргументов в пользу выдвигаемой идеи для воздействия на адресата. Если в аргументации сознательно используются логические уловки для введения

адресата в заблуждение, она манипулятивна. В таком случае «манипулятивные приемы направлены не на усиление аргументации, а на замену ее» [Бубнова, 2012, с. 75].

Таким образом, манипуляция отличается от аргументации не только характером цели, но и технологической стороной.

Речевая манипуляция и внушение

Если «словесное убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, то внушение – путем непосредственного прививания психических состояний, т.е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике. Оно влияет прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица. Внушение может быть вводимо в психическую сферу или мало-помалу, путем постоянных заявлений одного и того же рода и уговора, или же сразу, наподобие повелительного приказа» [Владимирова, 2011, с. 47].

Несмотря на теоретические различия внушения и убеждения, исследователи пишут о трудности их различения на практике. Например, Т. В. Анисимова считает убеждение комбинацией внушения и доказательства [Анисимова, 2004, с. 64]. «Убеждение и внушение отнюдь не разделены непроходимой стеной, а действуют совокупно, в одном направлении, дополняя друг друга и повышая в конечном итоге эффективность процесса пропагандистского воздействия», – пишет Ю.А. Шерковин [Шерковин, 1969, с. 36]. Он говорит о возможном сочетании убеждения и внушения: «...эффект внушающего воздействия регулярно возрастает, если императивное предоставление информации подкрепляется логизированным доводом в его пользу. Возникает смешанный тип внушающего и убеждающего воздействия в одном коммуникационном акте, где внушение выступает как структурный элемент убеждения» [Шерковин, 1973, с. 201].

Более сложным является вопрос о соотношении внушения (= суггестии [Владимирова, 2011, с. 45; Черепанова, 1995, с. 11; Головин, 2005, с. 94; Куликов, 1976, 1978] и др.) и манипуляции. Внушение понимается как «психологическое

воздействие, которое осуществляется с помощью речи и неречевых средств и отличается сниженной аргументацией» [Куликов, 1978, с. 26]. Его отличительной чертой является побуждение собеседника принять на веру то, что ему говорят без какого-либо обдумывания и критического осмысления [Стернин, 2012, с. 50]; другими словами, для него характерно отсутствие контроля со стороны сознания адресата или ослабленный контроль при получении и обработке им информации [Чернявская, 2013, с. 35]. На некритическое и часто неосознанное восприятие информации в процессе внушения указывают многие ученые [Крысько, 1999, с. 270; Куликов, 1978, с. 26; Головин, 2005, с. 94 и др.]. М. Б. Владимирова так описывает внушение: «...в нашу психическую сферу, например в состоянии рассеянности, когда волевое внимание поглощено какой-либо работой, могут входить разнородные впечатления без нашего внимания к ним и, следовательно, помимо нашего "я". Это и есть то, что называют внушением» [Владимирова, 2011, с. 46].

Е. В. Денисюк пишет, что в понятие «внушение» в большей степени заложена характеристика результата, а не процесса воздействия. Внушение не может «противопоставляться убеждению, доказыванию и аргументированию <...> так как в основе последних понятий лежит не результат, а способ этого воздействия – посредством выдвижения аргументов того или иного рода» [Денисюк, 2003, с. 21–22]. Хотя Т. В. Анисимова отмечает, что «внушение обращено к аудитории и ставит целью путем воздействия на чувственную и эмоциональную сферы человека заставить принять предлагаемые идеи и руководствоваться ими в практических делах» [Анисимова, 2004, с. 62-63], то есть процесс (форма) во внушении также имеют свои особенности.

Суммируя сказанное выше о внушении, отметим общее в его понимании: наличие психологического воздействия на чувственную и эмоциональную сферу собеседника, сниженный уровень аргументации или ее отсутствие, некритическое восприятие адресатом получаемой информации (или низкий уровень осознанности при ее восприятии). Если убеждение характеризуется открытостью цели и наличием логических доводов (аргументации) для достижения

поставленной цели, то внушение реализуется за счет некритического и неосознанного восприятия информации, принятия ее на веру, и не требует логического обоснования сказанного.

Существуют разные точки зрения на соотношение внушения и манипуляции. Например, В. Н. Панкратов пишет: «Цель внушения <...> заключается в том, чтобы заставить твердо поверить во что-либо или кого-либо, не слишком задумываясь над истинностью аргументов, безоговорочно принять доводы, приводимые оппонентом. Внушение призвано сформировать безоговорочную веру во что-либо. С этической точки зрения внушение во многом является манипулятивным воздействием на психику человека» [Панкратов, 2004, с. 14]. Однако есть мнение, что внушение не является основополагающей характеристикой манипулятивного воздействия [Денисюк, 2003].

Цель внушения, а именно заставить кого-то во что-то поверить, принять на веру, не всегда скрывается; в случае с манипуляцией – объекту воздействия истинная цель неизвестна и тщательно от него скрывается. Поэтому внушение и манипуляция – понятия пересекающиеся.

Речевая манипуляция и скрытое управление

Психолог В. П. Шейнов пишет: «Скрытое управление человеком против его воли, приносящее инициатору односторонние преимущества, мы называем манипуляцией. <...> Таким образом, манипулирование — это вид скрытого управления, определяемый эгоистическими, неблагоприятными целями манипулятора, наносящего ущерб (материальный или психологический) своей жертве» [Шейнов, 2004, с. 3–4]. Неманипулятивным видом скрытого управления является скрытое управление с благими намерениями (например, управление поведением ребенка с целью отлучения его от плохой компании).

Вслед за В. П. Шейновым Л. В. Балахонская и Е. В. Сергеева считают манипуляцию типом скрытого управления. Они пишут: «Манипуляция – скрытое управление человеком против его воли, приносящее манипулятору односторонние преимущества» [Балахонская, Сергеева, 2016, с. 92]. Подобной точки зрения придерживаются многие ученые, в том числе М. Таирова, которая

пишет, что инициатор воздействия выбирает, каким образом он будет влиять на собеседника – он может выбрать открытое управление или «скрытое воздействие, т. е. замаскировать управляющее воздействие так, чтобы оно не вызвало возражения адресата с помощью заражения, уподобления, расположения, манипуляции, при этом сама цель управления оказывается скрытой» [Таирова, 2011, с. 8]. Таким образом, одним из признаков манипуляции является скрытый характер управления адресатом, намерения которого не принимаются во внимание, в интересах адресанта-манипулятора.

Итак, манипуляция, в отличие от рациональной аргументации, убеждения и внушения (суггестии), всегда имеет цель некооперативного характера, скрываемую от объекта воздействия. Технологически она может включать элементы аргументации, приемы суггестии, строиться на использовании эмоционально-оценочных средств убеждения, что не позволяет рассматривать ее в одном логическом ряду с этими типами речевого воздействия.

1.3 Речевая контрманипуляция: дискуссия об объеме и содержании понятия

1.3.1 Речевая контрманипуляция и ответная речевая манипуляция: проблема разграничения

По нашим наблюдениям, одним из первых использовать термин «контрманипуляция» стал психолог В.П. Шейнов. Контрманипуляцию он описывает так: «...сделать вид, что не понимаешь, что тобой пытаются манипулировать, начать встречную игру и завершить ее внезапным вопросом, показывающим манипулятору Ваше психологическое преимущество» [Шейнов, 1996, с. 119]. Более широкая трактовка этого термина представлена у И. Назаре-Ага: «Если вербальное и невербальное поведение невосприимчивого человека позволяет избежать страданий от натиска манипулятора, значит, эта техника

эффективна. Мы наблюдали за ней, проводили эксперименты, воспроизводили, оценивали и дали название: контрманипуляция» [Назаре-Ага, 2014, с. 117].

Отметим, что в работах специалистов по психологии используются и другие наименования интересующего нас явления: «ответное влияние», «противостояние манипуляции / влиянию» [Сидоренко, 2004, с. 103], «защита от манипуляции» [Эдмюллер, 2011, с. 5], «вербальная самозащита» [Гласс, 2004, с. 134], «контрконтроль» [Braiker, 2004, p. 171–172]. Роберт Левин пишет о «защите от убеждения», при этом «убеждение» он рассматривает как «психологическую динамику, вынуждающую людей меняться так, как они никогда бы не изменились без влияния на них извне» [Левин, 2007, с. 20–21].

Термин «контрманипуляция» в филологических трудах практически не используется. Он встретился нам в работах К. Ф. Седова, который пишет: «...наиболее эффективной техникой контрманипуляции нам представляется "психологическое айкидо, разработанное и описанное в книгах по практической психотерапии М. Литваком". В отнесенности к межличностному общению автор трансформирует понятие психологического айкидо в "коммуникативное айкидо"» [Седов, 2011, с. 229]. Программный характер имеет публикация Г.А. Копниной [Копнина, 2018], в которой намечаются перспективы исследования речевой контрманипуляции в лингвистическом аспекте.

Чаще всего для определения феномена ответного воздействия на манипуляцию используются понятия «защита» и «противостояние». Попытаемся соотнести эти понятия с использованием метода ступенчатой идентификации, предложенного в работах Э.В. Кузнецовой. Суть данного метода заключается «в последовательном сведении слов через идентификаторы к словам с предельно обобщенным характером» [Кузнецова, 1989, с. 36], при этом «идентификатор содержит в себе указание на наиболее общие, родовые признаки того понятия, которое выражено в определяемом слове» [Там же]. Процедура ступенчатой идентификации продолжается до тех пор, пока в сопоставляемых толкованиях не возникает ситуация «взаимной идентификации». Произведем процедуру

ступенчатой идентификации на основе «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова.

Защитить – «оградить от посягательства, нападения, неприязненных и враждебных действий; оборонить» [Большой толковый словарь 2000, с. 359]; оградить – «с помощью каких-л. мер защитить от чьих-л. посягательств, нападков, от какой-л. опасности» [Там же, с. 698]; оборонять – защищать, отражая нападения противника, врага [Там же, с. 680]. Наблюдается взаимная идентификация глаголов «защитить» и «оградить», «защищать» и «оборонять».

Противостоять – «сохранять устойчивое положение под действием, напором чего-л.; оказывать сопротивление чему-л.» [Там же, с. 1032]; сопротивляться – противодействовать насильственным действиям, нападению, натиску, воздействию кого-, чего-л., не поддаваться, не подчиняться, противостоять кому-, чему-л.» [Там же, с. 1237]; противодействовать – оказывать противодействие, сопротивление; препятствовать» [Там же, с. 1031]; препятствовать – мешать что-л. делать, служить препятствием или ставить препятствия кому-, чему-л. [Там же, с. 966]; мешать – быть, являться помехой, препятствием в чем-л. [Там же, с. 539]. Видим взаимную идентификацию глаголов «противостоять» и «сопротивляться», «препятствовать» и «мешать». Однако глаголы «защищать» и «противостоять» не находятся в отношениях взаимной идентификации.

Защита от манипуляции заключается в том, чтобы оберегать (охранять) себя от возможного воздействия манипулятора, по сути – не допустить его влияния. Противостояние манипуляции, исходя из семантики глагола, от которого образовано существительное из приведенной цепочки, сводится к тому, чтобы сопротивляться (противодействовать, препятствовать) манипулятору достичь его цели, то есть предполагает более активный характер действия. Полагаем, что понятие защиты шире противодействия. Защита может включать в себя и профилактические меры (например, избегание встречи с манипулятором), а противостояние – это всегда борьба (сопротивление), направленная на то, чтобы манипулятор не достиг поставленной цели.

Термин «контрманипуляция», на наш взгляд, предпочтительнее терминов «защита» и «противостояние», поскольку одна из составляющих частей слова «контрманипуляция» – приставка «контр», заимствованная из латинского языка – «образует имена и глаголы со значением направленности против чего-нибудь, противодействия чему-нибудь» [Ожегов, 2006, с. 291], «означает противодействие, противопоставление, противоположность; соответствует рус. противо-, греч. анти- (ἀντί)» [Быков, 2008, с. 32]. Кроме того, этот термин органично вписывается в терминологическую систему теории речевого воздействия, сравните: «манипуляция» и «контрманипуляция», «суггестия» и «контрсуггестия», «аргументация» и «контраргументация».

Встречается также понятие «антиманипуляция» («анти-манипуляция»), которое рассматривается как защитная мера от манипуляции [Волков, 2005; Шишлянников, 2011; Голев, 2014; Семенов, 2018]. Семантика частицы «анти» включает в себя значение «противоположности» и «враждебности» [Ожегов, 2006, с. 25], означает «направленность против чего-либо, <...> соответствует рус. *противо-*, лат. *контр(а)-*» [Быков, 2008, с. 48]. Наше предпочтение термину «контрманипуляция» объясняется тем, что термин «антиманипуляция» нарушает органичность системы терминопонятий теории речевого воздействия, приведенных выше. В психологии используется термин «контрманипуляция», а не «антиманипуляция»; по нашим наблюдениям, термин «контрманипуляция» впервые встречается в психологической литературе в середине 90-х годов в [Шейнов, 1996, с. 119].

В политическом видеоблоге ведущий не всегда преследует цели противостоять манипулятору, он может использовать манипулятивную ситуацию для ответной манипуляции – контрманипуляции в том смысле, который вкладывают в него психологи, в частности В.П. Шейнов. Однако, на наш взгляд, эти понятия необходимо разграничивать.

В.П. Шейнов пишет, что контрманипуляция как «наиболее сильная из защит» представляет собой «ответную манипуляцию со стороны адресата, в которой используются обстоятельства, созданные первоначальным

манипулятивным воздействием» [Шейнов, 2014, с. 160] (курсив наш. – *М.П.*). Автор отмечает сходство действия контрманипуляции с действием айкидо: «Контрманипуляция как прием психологического единоборства имеет аналог в единоборствах физических. Это – японская борьба айкидо: в ней не противостоят удару, а продляют его. Противник теряет равновесие и оказывается повержен» [Там же]. К. Ф. Седов, используя термин «коммуникативное айкидо» в качестве техники контрманипуляции, подобным образом описывает это действие: «похожим способом дурная энергия собеседника в коммуникативном конфликте направляется против агрессора или вампира» [Седов, 2011, с. 229].

Чтобы избежать тавтологии (манипулятивная контрманипуляция), для обозначения манипулятивной стратегии взаимодействия с манипулятором предлагаем использовать термин «ответная манипуляция». В ответ на манипулятивное воздействие его объект может использовать стратегии двух типов: речевую стратегию ответной манипуляции, и тогда возникает ситуация «битвы манипуляторов»; речевую стратегию контрманипуляции, которую мы, в отличие от психологов, понимаем как неманипулятивное ответное противодействие.

Речевую контрманипуляцию Г.А. Копнина определяет как «стратегию речевого поведения, которая направлена на защиту от манипулятивного влияния и основана на использовании речевых тактик и приемов, реализующих задачи уклонения от влияния манипулятора (скрытого маневрирования) или открытого противодействия ему» [Копнина, 2018, с. 8]. На наш взгляд, они соотносятся с двумя выделяемыми в психологии типами защит от манипуляции: пассивной, то есть не разоблачающей намерение манипулятора, и активной, разоблачающей манипулятора (у В. П. Шейнова с возможностью ответного нападения, противодействия). В психологии отмечается, что активная защита (разоблачение манипулятора) нежелательна в ситуациях, когда объект манипуляции находится в зависимом от манипулятора положении (например, по статусу), поэтому у него остаются только две возможности: либо подчиниться манипулятору, либо искать пути, которые позволят ему уйти от влияния манипулятора, не давая понять, что

факт манипуляции замечен (то есть скрывая факт разоблачения), и не создавая конфликтной ситуации. Обратим внимание, что для идентификации манипуляции важен не только факт сокрытия цели, но и характер этой цели.

Представим рабочие определения рассматриваемых понятий.

Речевая контрманипуляция – стратегия речевого воздействия, направленная на нейтрализацию манипулятора (недостижение им скрытой цели) с помощью прямого речевого противостояния (сопротивления) ему и/или уклонения от его воздействия (речевого маневрирования).

Применительно к исследовательскому материалу ответная речевая манипуляция – стратегия речевого воздействия, характеризующаяся применением таких речевых тактик и приемов, которые направлены на реализацию скрытой цели, связанной с дискредитацией манипулятора и привлечением на свою сторону его аудитории.

Представим предложенное разграничение речевой контрманипуляции и ответной речевой манипуляции на конкретных примерах.

Рассмотрим фрагмент одного из видеоблогов С. Павлова. Videоблогер комментирует опубликованную несколькими информационными ресурсами новость о том, что три российские подлодки вышли из строя в Сирии из-за того, что в них были установлены старые советские батареи вместо импортных. Имплицитно внедряется ложный тезис о том, что власть закрывает глаза на проблемы с вооружением. В комментарии к новости С. Павлов использует тактику приведения контраргументов.

С. Павлов: Напомню содержание новости // Дежурящие у берегов Сирии подлодки не могут выполнять свои прямые боевые задачи // Об этом / ссылаясь на собственные источники / в своем Телеграм-канале сообщает издание «Подъем» // (показывает скриншот страницы с новостью) Речь идет о подлодках «Старый Оскол» / «Ростов-на-Дону» и «Новороссийск» // Из-за действующих в отношении РФ санкций вышеперечисленные подлодки получили вместо импортных батарей старые советские // Если с батареями зарубежного производства российские подлодки могли находиться под водой до пяти суток /

*то с советскими максимум трое / пишет издание // <...> Давайте разберемся / что там случилось // **Во-первых** / подлодки в Сирии сменяют друг друга / то есть происходит ротация // (показывает скриншот с новостью «Началась ротация носителей "Колибров" – подводных лодок черноморского флота, базирующихся в Тартусе» с сайта «News3Day») С чего вдруг они бы прибыли туда втроем? // **Во-вторых** / кто служил на флоте пусть поправит меня / если я ошибаюсь / но перед выходом в море на корабле и на подлодке проверяют все // <...> **В-третьих** / срок годности свинцовых аккумуляторов до пяти лет // (показывает скриншот статьи «Аккумуляторы для подводных лодок» с сайта «<https://chem21.info>») Так что никаких советских аккумуляторов / насколько я понимаю / давно не существует // **И наконец** / аккумуляторы на российских подводных лодках используются только отечественные <...> Никаких импортных батарей там быть в принципе не может // (показывает скриншот статьи «Вице-адмирал опроверг проблемы российских подлодок из-за импортных батарей» с сайта «Национальная служба новостей») [30].*

Как видим, С. Павлов опровергает тезис о невозможности выполнения подводными лодками у берегов Сирии стоящих перед ними боевых задач путем приведения фактических контраргументов (ссылка на ротацию подводных лодок, на проверку оборудования перед выходом в море, указание срока годности аккумуляторов) и отсылки к авторитету (слова вице-адмирала), развенчивая миф о слабости военно-морского флота России. Таким образом, видеоблогер реализует стратегию прямого контрманипулятивного сопротивления, которая включает тактики приведения контраргументов.

Перейдем к стратегии ответной речевой манипуляции. Рассмотрим для этого фрагмент политического видеоблога с ведущим С. Брекотиным. Он комментирует обвинения, которые выдвигает В. Гарсия-Берналь, в адрес правительства РФ в том, что оно не тушит пожары в Сибири.

С целью дискредитации правительства РФ В. Гарсия-Берналь использует тактику приписывания ему ложных утверждений о разорении страны в случае тушения пожаров, а также тактику обвинения правительства в нежелании

действовать иначе, которая оформлена с помощью косвенного высказывания (*Проявить благоразумие / пойти людям на уступки / осознать ошибочность своих действий / это невыполнимый и нереальный сценарий для тех / кто сейчас сидит в Кремле*).

В. Гарсия-Берналь: *«Разорятся они! // Это в стране с таким количеством миллиардеров / это в стране с профицитным бюджетом // Они разорятся / если будут тушить лес // <...> Проявить благоразумие / пойти людям на уступки / осознать ошибочность своих действий / это невыполнимый и нереальный сценарий для тех / кто сейчас сидит в Кремле //»*.

С. Брекотин: *«Вот так вот сразу // Все / кто сидит в Кремле / неблагоразумные // А вот Виктория вся такая в коричневом / благоразумная // Тупая / не осознающая ошибочность своих действий! (Имеет в виду власть в Кремле. – М. П.) // А вот Виктория-то все знает / вся такая в коричневом сидит и рассказывает // А все кто в Кремле / они все такие неправильные // А вот она / Виктория / вся такая классная / в коричневом сидит / она-то все знает! //»*.

В комментарии С. Брекотин, с одной стороны, указывает на манипулятивное противопоставление выступающего правительству, с другой – обсуждение темы подменяет иронической характеристикой личности оппонента (*вся такая в коричневом*; антифразисы: *благоразумная, вся такая классная, она-то все знает*).

Далее В. Гарсия-Берналь использует манипулятивный прием неопределенного референтного индекса (*кое-кто решил пошевелить*). С. Брекотин, обвиняя оппонента в манипуляции, переходит на упреждающую аргументацию – тактику перехвата инициативы, позволяющей приписать оппоненту то, что он не говорил, но что, по его мнению, собирается сказать.

В. Гарсия-Берналь: *«И вот / спустя две недели / кое-кто решил пошевелить своей задницей и начать что-то делать //»*.

С. Брекотин: *«Ну конечно / для того / чтобы успокоить народ / которыми такие как Виктория манипулировали / государство спалило сколько-то денег на*

пожары // а могло ведь в больнице поставить оборудование / или дороги построить / а нет / спустили на пожары //» [5].

Таким образом, С. Брекотин в ответ на речевую манипуляцию пытается сам манипулировать аудиторией: использует тактику иронической характеристики личности оппонента, оформленную с помощью антифразисов, и тактику упреждающей аргументации, воздействие которой усиливается эмоционально-оценочными словами и оборотами, или аффективами (иронической фразой *Ну конечно*; разговорными *спалило* и *спустили*).

Специфика речевой контрманипуляции в политических видеоблогах заключается в том, что ведущий стремится защитить от манипулятивного воздействия прежде всего аудиторию (зрителей); в случае ответной манипуляции воздействие также направлено на аудиторию – подписчиков видеоблога, которых он пытается склонить на свою сторону, но уже с использованием манипулятивных приемов.

1.3.2 Речевая контрманипуляция, контраргументация и контрсуггестия: соотношение понятий

Контраргументацию определяют как «набор утверждений, которые опровергают определенное заключение» [Барбина, 2011, с. 109]; обоснование ложности позиции противника, опровержение его мнения [Пучкова, 2006, с. 36–39]; «отрицание высказанного или имплицитно выраженного аргумента, а также отрицание упомянутого факта и констатации противоречия» [Чапаева, 2010, с. 118] и т.п. Характеризуя принцип действия контраргументации, выделяют «отношение противительности, отрицания какого-либо аргумента» [Нешева, 2008, с. 110], а также «опровержение точки зрения пропонента» и «обоснование противоположной точки зрения» [Барбина, 2012, с. 82].

Контраргументация как отрицание и/или опровержение тезиса говорящего с последующим обоснованием собственной (отличающейся) точки зрения может выступать как часть технологии контрманипулятивного речевого воздействия.

Контрсуггестия понимается как «защита от негативного, разрушительного воздействия, которое оказывается на человека извне» [Владиминова, 2011, с. 66]. Она является разновидностью психологической защиты, которая, в свою очередь, понимается как употребление субъектом психологических средств устранения или ослабления ущерба, угрожающего ему со стороны другого субъекта [Там же, с. 66–67]. В.Н. Куликов рассматривает контрсуггестию как «обратные воздействия суггерента на суггестора, имеющие своей целью повлиять на внушение последнего: заставить прекратить внушения, снизить суггестивную активность, даже парализовать его суггестивные силы и способности» [Куликов, 1976, с. 54]. Автор отмечает важную функцию контрсуггестии – она способствует формированию положительных качеств личности, так как препятствует действию отрицательных взглядов, отношений, мнений и т.д. [Там же, с. 51]. Похожим образом трактует контрсуггестию Б. Ф. Поршнев, именуя ее психической самозащитой личности от неограниченного действия суггестии (внушения) [Поршнев, 1972]. Существуют также понимания контрсуггестии как «защитного средства ограничения суггестивного воздействия» [Субботина, 2002, с. 147] и «сопротивления внушению, отдаления, разъединения» [Лебедева, 1997, с. 49].

Итак, контрманипуляция, контрсуггестия и контраргументация имеют общую иллюкативную направленность: они имеют целью защиту от оказываемого воздействия, противодействие ему. Однако контрманипуляция не является синонимом названным двум понятиям, поскольку контраргументация может выступать как составляющая контрманипулятивной технологии – как одна из её речевых тактик.

1.4. Метаязык описания стратегии речевой контрманипуляции

1.4.1 Речевая стратегия – речевая тактика – речевой ход:

лакунарность цепочки*

Под метаязыком описания стратегии речевой контрманипуляции мы понимаем систему терминов, служащую цели описания речевой контрманипуляции как явления, связанного с функционированием языка в ситуации противостояния манипулятору или ухода от его воздействия.

Отметим, что в политическом видеоблоге используется как вербальная, так и невербальная составляющая общего сценария коммуникативного воздействия. Термин «метаязык» может применяться для характеристики и той, и другой стороны текста в его широком понимании. Имеются работы, в которых этот термин признается важным для проведения лингвистической экспертизы комбинированных текстов, то есть текстов с разными способами визуализации информации (рисунками, графиками, схемами и т.д.): [Баранов 2018; Баранов, Паршин, 2018]. Наше исследование ограничено характеристикой вербального (речевого) компонента политического видеоблога.

Описывая речевое воздействие, исследователи, как правило, оперируют такими терминами, как «речевая стратегия», «речевая тактика», «речевой ход» (шире – «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика», «коммуникативный ход»). В лингвистике сложилось более или менее общепринятое понимание речевой стратегии, в основе которого – опора на реализацию общей коммуникативной цели / задачи / интенции адресанта речи. Приведем несколько показательных в этом плане определений: речевая стратегия – это «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [Иссерс, 2009, с. 109]; «общий

* В параграфе использованы материалы статьи автора: Петрова М. В. Речевая контрманипуляция как объект лингвистического исследования: проблемные вопросы / М.В. Петрова // Мир культуры, науки, образования. 2016. – №4 (59). – С. 210–214.

мыслительный план, или общая психологическая линия речевого поведения, определяемая интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации...»» [Сковородников, 2017, с. 66]; «это, скорее, структурированная последовательность речевых действий, а если точнее – способ структурирования речевого поведения в соответствии с коммуникативной целью участника общения [Денисюк, 2003, с. 118–119].

Не входя в противоречие с общепринятым пониманием речевой стратегии, определим это понятие как **общий план, совокупность речевых действий (речевых субстратегий, тактик и ходов), определяемых намерением адресанта оптимальным для него образом достичь поставленной коммуникативной цели.**

Исследователи выделяют общие и частные стратегии. «В зависимости от степени “глобальности” намерений речевые стратегии могут характеризовать конкретный разговор с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить и т.п.), но могут быть более общими – направленными на достижение более общих социальных целей (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой и т.д.)» [Иссерс, 2008, с. 105]. Различие между общими и частными стратегиями объясняют и так: «общие стратегии оказываются в одном синонимическом ряду с такими терминами, как суперстратегии, родовые стратегии, генеральные стратегии, глобальные стратегии, базовые стратегии; а частные стратегии синонимизируются с вспомогательными» [Сковородников, 2017, с. 67]. Учитывая разграничение стратегий двух типов, **речевую контрманипуляцию считаем генеральной стратегией организации коммуникативного воздействия в политической сфере общения.**

Речевую тактику вслед за А.П. Сковородниковым понимаем как «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа»

[Сковородников, 2017, с. 66]. Если речевая тактика воплощается в одном речевом акте, то, на наш взгляд, она совпадает с речевым ходом, который О.С. Иссерс определяет как «прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Иссерс, 2009, с. 117].

На наш взгляд, приведенное выше определение речевого хода не позволяет отграничить его от речевого приема. В соответствии с одним из определений речевой прием – это также «элемент коммуникативно-речевой тактики, один из способов ее реализации», он «осуществляется с помощью совокупности определенных средств коммуникативно-речевого стиля» [Педагогическое речеведение, 1998, с. 87]. Более конкретизированное определение этого понятия предлагает Г. А. Копнина: речевой (риторический) прием – это «прагматически мотивированное отклонение от нормы в ее широком понимании», которое может служить способом реализации речевой тактики [Копнина, 2010, с. 65]. Таким образом, не каждый речевой ход является речевым (риторическим приемом). Речевой прием – это такой способ речевого оформления тактики, который основан на прагматически мотивированном отклонении от той или иной нормы (в ее широком осмыслении).

В процессе анализа речевого материала ощущается лакуна в цепочке наиболее часто используемых терминов «речевая стратегия – речевая тактика – речевой ход». Ее заполняет термин «субстратегия», использующийся в последние годы в отдельных работах (см., например: [Залегдинова, 2013; Радевич, 2014; Малышев, 2016; Горностаева, 2018]). В них отмечается, что термин «субстратегия» синонимичен «частной стратегии» и занимает подчиненное положение по отношению к стратегии [Горностаева, 2018, с. 44], но при условии, что под частными стратегиями понимаются «видовые реализации какой-либо общей (родовой) стратегии» [Сковородников, 2017, с. 67]. В качестве рабочего приема следующее определение этого термина: **речевая субстратегия представляет собой частную стратегию, подчиненную по отношению к главной и представляющую один из планов ее реализации.**

В науке существует еще одно понятие, которое оказывается полезным для изучения речевой контрманипуляции, – понятие стратагема (стратегемы). Оно используется в работах, посвященных описанию военного искусства [Тридцать шесть стратагем, 2000; Зенгер, 2004], проблемам экономики, политики и бизнес-управления [Бирштейн, 2002; Шамгунова, 2006; Сарычев, 2009], а также в работах по психологии [Воеводин, 1998] и культурологии [Шихалиева, 2014].

Термин «стратагема» происходит от древнегреческого слова *stratagema*, обозначающего военное дело или военную хитрость [Воеводин, 1998, с. 3], [Зенгер, 2004, с. 18]. Отмечают, что «в непосредственно прикладном варианте он обозначает военную хитрость или хитрость, уловку в политической, экономической, преступной деятельности, частной жизни» [Воеводин, 1998, с. 3]. «Словом "стратагема" в европейской литературе принято переводить китайский термин "цзи", обозначающий некий план, расчет, но также и уловку, военную хитрость. Этому термину близок по смыслу знак "фа" — "прием", "способ", "метод"» [Тридцать шесть стратагем, 2000, с. 4]. Одно из значений этого термина приводится в толковом словаре «The Oxford English Dictionary»: «изобретательность в поисках выхода; хитрость, изворотливость» [Там же].

Х. фон Зенгер, исследуя 36 китайских стратагем, замечает, что в Китае термин «стратагема» упоминается в древнейшем в мире руководстве по военному делу – в «Трактате о военном искусстве», где «воинское искусство определяется как искусство введения в заблуждение» [Зенгер, 2004, с. 21]. Исследователь отмечает различный (речевой и неречевой) характер стратагем: он пишет, что «имеются стратагема различной степени утонченности, обман на словах и в действиях, специальные военные хитрости и уловки, которые с тем же успехом можно применять в политической и частной жизни» [Там же, с. 22]. Стратагема универсальны в том смысле, что используются в различных сферах: «Стратагема подобны невидимым ножам, которые спрятаны в человеческом мозгу и сверкают, только когда их вздумаешь применить. Применяют их военные, но также и политики, и купцы, и ученые. Тот, кто умеет применять стратагема,

может мгновенно превратить в хаос упорядоченный мир или упорядочить хаотический мир» [Там же, с. 24].

В лингвистических работах понятие стратагемы встречается крайне редко. Оно используется, например, в работах С.В. Сидоркова, посвященных изучению функционально-семантических аспектов языковой стратагемности. Исследователь считает стратагемы лингвистически оформленными, клишированными формами (выражениями), которые не присущи лишь одному конкретному (китайскому) языку; это «лингвистические универсалии, конкретно-языковая специфика которых относится к более частным аспектам, связанным с особенностями их внутренней формы, а также структурного или модально-прагматического представления» [Сидорков, 1997, с. 5]. Причем выражения со стратагемной семантикой в одном языке не обязательно будут представлены как лингвистические единицы в другом языке [Там же, с. 3–5]. «Например, выражению делать из мухи слона (или поднимать бурю в стакане воды), <...> соответствует стратагема 7 (извлечь нечто из ничего), предписывающая раздувание незначительного с целью диффамации, мистификации, введения в заблуждение противника» [Там же, с. 33].

Лингвистический анализ стратагемной семантики, предпринятый в работе С.В. Сидоркова, сконцентрирован, главным образом, на фразеологических выражениях и отдельных лексемах. С.В. Сидорков выводит также принципы, на которых основываются стратагемные действия:

1) принцип введения в заблуждение (сокрытие планируемого направления нанесения удара или способа действия; разыгрывание роли глупца или симуляция сумасшествия в целях маскировки действия и др.);

2) принцип экономии усилий (экономия собственных сил за счет провоцирования расхода сил о стороны противника; вовлечение противника в невыгодную для него позицию и др.);

3) принцип малой жертвы (жертвование чем-то или кем-то с целью сохранения чего-то или кого-то более нужного и др.);

4) принцип интриги (сеяние раздора, нестабильности в рядах противника и др.) [Там же, с. 39–40].

Особый интерес представляет наблюдение С.В. Сидоркова о том, что стратагема могут рассматриваться как «отражение в языке манипулятивного поведения людей». К языковой манипуляции, по мнению исследователя, относятся принципы, реализующиеся «посредством вербальных актов: лести, захваливания, комплимента, подстрекательства, клеветы, обмана и др. (принципы "интриги", "введения в заблуждение", в меньшей мере "экономии усилий" или "малой жертвы", хотя последние также могут реализовываться в вербальных действиях)» [Там же, с. 56]. Принцип экономии усилий и принцип малой жертвы, по нашему мнению, могут быть с успехом перенесены на реализацию речевой контрманипуляции. Особенно он актуален для такого адресата-подчиненного, на которое оказывает воздействие манипулятор-руководитель. Для предотвращения конфликтной ситуации объект манипуляции может использовать стратегию маневрирования – ухода от противостояния с манипулятором, причем существуют некие отработанные последовательности тактик, позволяющие достичь поставленной цели и не связанные с обманом или введением в заблуждение. Поэтому термин «стратагема» может использоваться в расширенном понимании.

Предлагаем переосмыслить термин «стратагема» таким образом, чтобы он не дублировал термин «стратегия». **Под речевой контрманипулятивной стратагемой будем понимать такую реализацию контрманипулятивной стратегии, которая характеризуется строгой последовательностью в расположении речевых тактик, позволяющей объекту манипуляции оптимальным образом уйти от влияния манипулятора. Другими словами, это определенным образом упорядоченная стратегия.**

Речевые формулы, свидетельствующие «...о попытках говорящего идентифицировать свои речевые действия в плане коммуникативных намерений» в ситуациях их возможного неоднозначного прочтения адресатом, называют «речевыми маркерами коммуникативных стратегий» [Иссерс, 2009, с. 184].

Существуют научные работы, посвященные выявлению речевых (вербальных) маркеров манипуляции [Колмогорова, 2016; Горностаева, 2018], в которых термин «вербальный маркер» понимается как языковая единица, с регулярностью коррелирующая с ментальными процессами, регулирующие производство и интерпретацию текста [Колмогорова, 2016, с. 195]; как «вычленимая, подлежащая формализации и дальнейшей параметризации языковая единица, указывающая на присутствие в тексте некоторого более сложного, не поддающегося параметризации явления. При этом общая для всех типов маркеров функция – появляться в тех же контекстах, что и некое искомое исследователями явление» [Горностаева, 2018, с. 83].

Наш материал показывает, что могут быть выделены речевые маркеры не только речевых стратегий, но и некоторых речевых тактик контрманипуляции. Для их обозначения предлагаем использовать термин «контрманипулятивный речевой маркер».

В нашем исследовании под **контрманипулятивным речевым маркером** понимается **речевая единица (слово, словосочетание, речевая конструкция), выполняющая функцию актуализации намерения контрманипулятора в пределах той или иной применяемой им речевой субстратегии или тактики, сигнализирующая об этом намерении.**

Приведем пример использования блогером контрманипулятивного маркера, указывающего на стратегию речевого сопротивления манипулятору. С. Брекотин опровергает бездоказательные утверждения, используемые в одной из передач ток-шоу «Пусть говорят», посвященной широко обсуждаемому проекту закона о профилактике домашнего насилия в РФ. Блогер показывает отрывок из фильма «Джентльмены удачи», в котором герой С. Крамарова Федя Ермаков (Косой) произносит фразу «*Брехня!*», а далее приводит контраргумент. Тем самым фраза *Брехня!* выполняет роль контрманипулятивного маркера, поскольку сигнализирует об интенции обличить манипулятора.

А. Малахов задает вопрос: «*И почему в России до сих пор нет закона / который защищает жертв домашнего насилия?//*». В процессе обсуждения

вопроса гостя на телешоу утверждает: *«Вот эта цифра / 14 тыщ / которая собрала под флешмобом / она к сожалению с 91 года повторяется по количеству убитых женщин в домашнем насилии //»*. Тут С. Брекотин показывает фрагмент с фразой *«Брехня!»*. Гостя продолжает: *«Но эта цифра работает только тогда / когда скорая едет уже на убитую женщину // Если она скончалась через день / через год / женщина не попадает туда //»*. С. Брекотин снова показывает фрагмент с фразой *«Брехня!»* и восклицает: *«Вот эти цифры у нее в голове / откуда? // <...> Всего было убито в России в 2018 году 8 тысяч 600 человек //»* (показывает таблицу «Число зарегистрированных преступлений по видам» с сайта «Росстат»). [2]. Блогер указывает аудитории на отсутствие у манипулятора ссылки на источник информации (тактику умолчания) и приводит контраргумент.

Приведем еще один пример использования контрманипулятивных маркеров другим видеоблогером. С. Павлов использует контрманипулятивный маркер (*легенда эта*) сразу в начале своей речи, сигнализируя о недостоверности информации, которую опровергает. Резюмирующий синонимический повтор в конце речи (*выдумка*) создает в речи кольцевую композицию. Цель блогера – нейтрализовать манипуляцию Л. Кравчука, который в прямом эфире телепрограммы «60 минут по горячим следам» утверждает, что начало Второй мировой войны было спровоцировано тем, что Сталин и Гитлер секретно встретились после нападения Германии на Польшу и подписали военное соглашение, которое развязало руки Гитлеру, вместо того, чтобы попытаться заключить перемирие сторон.

С. Павлов говорит: *«Легенда эта появилась не вчера / и судя по всему даже не на Украине // Еще в далеком 2011 году эту версию озвучил Эдвард Радзинский (показывает скриншот статьи «Эдвард Радзинский: “В национальном архиве США я увидел фотокопию документа о тайной встрече Сталина и Гитлера во Львове”» с сайта «Факты») // Почитаем интервью с ним //»* (Зачитывает отрывок: *"В 1972 году во Львове старый железнодорожник рассказал мне о поезде, который прибыл в город в октябре 1939 года, об охране, никого не пропускавшей на привокзальную площадь, об остановке движения поездов. Он*

даже помнил число — 16 октября... Я с изумлением вспомнил об этой дате, когда увидел фотокопию сенсационного документа, найденного в Национальном архиве США") // Интересно / кто бы пустил его в этот архив? // Но ни фотокопию / ни тем более оригинал этого документа нам не покажут // <...> Радзинский цитирует дальше (Читает то, что цитирует Радзинский: "После немецкого и русского вторжения в Польшу и ее раздела Гитлер и Сталин тайно встретились во Львове 17 октября 1939 года. На этих тайных переговорах Гитлер и Сталин подписали военное соглашение взамен исчерпавшего себя пакта... Искренне ваш Дж. Эдгар Гувер") // Подпись знаменитого шефа ФБР. На документе — пометки о рассекречивании в декабре 1979 года. Даже поверив в его подлинность, я, естественно, продолжал сомневаться в истинности информации. Все-таки решил перечитать рассказ железнодорожника, записанный в моем дневнике. Там тоже был указан октябрь!

— Совпадение?

— Я понимал, что вряд ли удастся это проверить — несомненно, все документы, все следы той встречи должны быть заботливо уничтожены Сталиным. Решил обратиться к неожиданному источнику — журналу регистрации посетителей Сталина, его страницам за октябрь 1939 года... 16 октября Сталин был в своем кабинете в Москве. И 17 октября у него длинный список посетителей").

// Стоп / стоп / но если 17 октября у Сталина были посетители в Кремле / то как в этот день он мог быть во Львове? // Никак // Получается / что это все выдумка //» [34].

Речевое сопротивление манипулятору осуществляется с помощью тактики приведения контраргумента (факта пребывания Сталина в названное время в Кремле).

Таким образом, для описания речевой контрманипуляции нами задействуются такие понятия, как речевая стратегия, речевая субстратегия, речевая тактика, речевая стратагема и речевой маркер.

1.4.2. Проблема терминов и классификации составляющих стратегии речевой контрманипуляции*

Для описания контрманипулятивных действий психологи оперируют различными понятиями, такими как «техника», «технология», «методика», «стратегия», «тактика», «прием». Например, явление многократного повтора фразы (так называемая «заезженная пластинка») квалифицируется то как методика [Назаре-Ага, 2014], то как техника [Эдмюллер, 2011]; «игнорирование» называется и техникой [Эдмюллер, 2011], и стратегией [Осипова, 2010]; высказывания, направленные на раскрытие цели манипулятора, также трактуются по-разному: как стратегия [Осипова, 2010], тактика [Непряхин, 2014] и как разновидность «техники информационного диалога» [Сидоренко, 2004]. К. Ф. Седов вслед за психологом М. Е. Литваком для описания контрманипуляции также оперирует понятием «техника»: «Наиболее эффективной техникой контрманипуляции нам представляется «коммуникативное айкидо», разработанное и описанное в книгах по практической психотерапии М. Е. Литваком» [Седов, 2011, с. 229]. Таким образом, существуют разногласия в родовом наименовании контрманипулятивных действий или их совокупности.

Кроме того, наблюдается терминологический разнобой в наименовании однотипных явлений. Например, Е. Сидоренко выделяет «технику испорченной пластинки», которая заключается в «многократном повторении одной и той же емкой фразы, содержащей в себе важное сообщение нападающему или манипулятору, всякий раз с одной и той же интонацией» [Сидоренко, 2004, с. 110]. В работах других авторов это же явление именуется как «заезженная пластинка» [Эдмюллер, 2011, с. 11; Назаре-Ага, 2014, с. 241–245]. Контрманипулятивные действия, состоящие в «выражении согласия с какой-либо частью высказывания партнера или с тем, что то, на что он обратил внимание,

* В параграфе использованы материалы статьи автора: Петрова М. В. Речевая контрманипуляция как объект лингвистического исследования: проблемные вопросы / М.В. Петрова // Мир культуры, науки, образования. 2016. – №4 (59). – С. 210–214.

действительно важно, представляет интерес <...> или даже соответствует истине» [Сидоренко, 2004, с. 109] называется «наведением тумана» [Там же], а также техникой «туманности» [Назаре-Ага, 2014, с. 176].

Наименования некоторых тактик (у авторов – техник) считаем неудачными. Например, техника переспрашивания у А. Эдмюллера и Т. Вильгельма «нацелена в первую очередь на лучшее понимание высказываний собеседника, а также на приглашение его к более точному формулированию или же критическому пересмотру своих мыслей» [Там же]. Название этой техники противоречит значению слова «переспрашивать», а именно «спросить еще раз (обычно не расслышав или не поняв)» [Ожегов, 2006, с. 510]. Стратегия «изгнание» А. Осиповой рассматривается как «увеличение дистанции, которое заключается в удалении манипулятора или агрессора»; данная стратегия может предполагать также «увольнение человека с работы <...> осуждение, насмешку <...> частичное уничтожение какой-либо части агрессора: его привычки, характера, внешности и т.д.» [Осипова, 2010]. Как видим, эта стратегия включает в себя как физическое удаление манипулятора (собственно изгнание), так и использование осуждения, насмешки, имеющих речевое оформление и реализующих стратегию, которая в лингвистике рассматривается в рамках «стратегии на понижение» [Михалева, 2004, с. 58–88].

Таким образом, проведенный анализ литературы показывает отсутствие общепринятых наименований контрманипулятивного воздействия и наличие терминологического разнобоя в наименовании однотипных явлений. Исходя из этого, в работе далее предлагаются некоторые авторские наименования речевых контрманипулятивных тактик, отличающиеся терминологической прозрачностью и неметафоричностью. Классификация составляющих стратегии речевой контрманипуляции строится далее с учетом предложенного нами термина «контрманипулятивная субстратегия».

1.5. Политический видеоблог в системе жанров политического интернет-дискурса

1.5.1 Политический интернет-дискурс: понятийная и жанровая характеристика

Согласимся с тем, что для изучения средств речевого оформления жанровой интеракции больше подходит термин «дискурс» [Седов 2007, с. 10]. Тем более что он активно используется в анализе компьютерно-опосредованной коммуникации [Щипицина, 2009, с. 17]. Не останавливаясь на дискуссионных вопросах трактовки этого термина (обзор разных точек зрения представлен, например, в [Детинко, Куликова, 2017, с. 17–20]), отметим, что, как и многие другие исследователи, под дискурсом мы вслед за Н.Д. Арутюновой понимаем «связный текст в совокупности с экстралингвистическими <...> факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их познания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1998, с. 136–137].

Политический дискурс в узком понимании «ограничивается институциональными формами общения» [Шейгал, 2004, с. 23], его предназначение – «выступать средством борьбы за политическую власть» [Карамова, 2013, с. 82]. В широком понимании, которого мы придерживались в исследовании, политический дискурс включает «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 23].

Лингвисты отмечают, что в настоящее время наблюдается тесное взаимодействие политического дискурса и интернет-коммуникации, позволяющее выделить политический интернет-дискурс [Горошко, Павлова, 2015; Харебова, 2016 и др.]. Его определяют как «синкретичный феномен, модернизирующий и трансформирующий функции политической коммуникации посредством возможностей Интернета» [Сиркия, 2018, с. 164], «синкретичный продукт,

возникший в результате слияния двух дискурсов – политического и собственно Интернет-дискурса» [Тагильцева, 2006, с. 18]. **Политический интернет-дискурс – это политические интернет-тексты (в широком понимании текста), взятые в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, идеологическими и др.) факторами их создания и функционирования.**

Отмечают следующие основные особенности политического интернет-дискурса:

– политическая тематика (признак, «унаследованный» интернет-дискурсом от собственно политического дискурса) и характерные для нее языковые средства;

– повышенная степень субъективности: в качестве субъекта речи выступает индивид как представитель общества, интерпретирующий те или иные политические явления, события и свободно выражающий свое мнение;

– критический пафос, вытекающий из задачи интернет-текстов – давать оценку действиям власти;

– эмоционально окрашенный, воздействующий характер текста;

– наличие обратной связи, сокращающей дистанцию между коммуникантами и меняющей фактор адресата: у адресата появляется возможность вступить в контакт с адресантом, высказать свое отношение к той или иной проблеме, написав в блог, на форум, ответив на комментарий, выложив фото, видео и др. способами [Сиркия, 2018, с. 166; Тагильцева, 2006, с. 19].

Е. М. Пак пишет, что «коммуникативное пространство Интернета стало своеобразной жанропорождающей средой, которая способствовала как более интенсивному развитию жанроведения в целом, так и возникновению новых, свойственных только данной информационной среде жанров» [Пак, 2014, с. 33]. Необходимость описания и непротиворечивой классификации этих жанров привела к возникновению «теории виртуального жанроведения».

Политический интернет-дискурс отличается разнородностью текстов (в их широком понимании), применительно к которым используется термин «жанр». Вслед за Л. Ю. Ивановым Ю. Р. Тагильцева все сетевые жанры считает

возможным подразделить на три различных группы: 1) жанры других функциональных разновидностей языка, действующих в сети без видимых изменений (научные, публицистические тексты, художественные произведения); 2) традиционные, адаптированные в сети и представленные в измененной форме; 3) исконно сетевые жанры (чаты, опросы, анкеты, дискуссионные группы и т.д.). Блог исследователи называют исконно сетевым жанром, или интернет-жанром [Трофимова, 2009, с. 145–150; Колокольцева, 2016, с. 98–99]. Интересующий нас видеоблог как разновидность блога является, соответственно, исконно сетевым жанром.

По мнению Л. Ю Щипициной, жанры «представляют собой наиболее удобную единицу анализа различных сфер общения, в том числе компьютерно-опосредованной коммуникации» [Щипицина, 2009, с. 15]. На основе комплекса параметров (оформление жанра, мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, синхронность, количество и эксплицированность коммуникантов) жанры компьютерно-опосредованной коммуникации она классифицирует на информативные, социальные, директивные, презентационные, эстетические и развлекательные [Там же, с. 78]. Жанр видеоблога (веблога) исследователь относит к презентационным жанрам: презентационная функция этого жанра, по ее мнению, заключается в том, что «веб-страница способствует представлению сетевого СМИ во Всемирной сети» [Там же, с. 177], хотя блоги имеют не только СМИ.

Как отмечают исследователи, на сегодняшний день не существует общепринятой классификации видеоблогов [Текутьева, 2016, с. 108]. Выделяют развлекательный, познавательный [Демченков, 2015, с. 60], информационный типы видеоблогов. К последнему типу относят политический видеоблог [Лушиков, 2018, с. 59], который считают инструментом политической борьбы [Кудимова, 2019, с. 47], средством манипулятивного воздействия [Зуйкина, 2017, с. 37], хотя существуют отдельные видеоролики и даже блоги, направленные на развенчание манипуляторов.

Из сказанного выше следует, что политический видеоблог лингвисты относят к информационным исконно сетевым жанрам политического интернет-дискурса, однако развернутой аргументации в пользу его трактовки как жанра они не приводят. Считаем, что необходимо обосновать коммуникативный статус политического видеоблога и представить лингвистическое определение этого понятия.

1.5.2 Политический видеоблог: определение понятия и специфика

Блог не считают «СМИ в полном смысле данного слова», и общепринятая точка зрения на его коммуникативный статус отсутствует [Кудимова, 2019, с. 46]. О.С. Кудимова называет его риторической площадкой и приравнивает к «древнегреческой *агора*: автор высказывается по интересным ему темам, приглашая аудиторию произвольного размера – всех, кому это интересно, – с возможностью обратной связи (комментариев)» [Там же, с. 50].

Политический блог – это «разновидность веб-блога, т.е. одного из видов социальных медиа, представляющая собой регулярно-обновляемую ленту публикаций в форме текста, фото, видео, мультимедиа, располагающихся в обратном порядке, автор которых специализируется на освещении политических вопросов (политические блогеры), связанных как с внутренней политикой на разных уровнях (локальном, федеральном), так и с внешней» [Зуйкина, 2017, с. 22]. Как видим, в качестве родового в дефиниции используется понятие «социальные медиа»; политический видеоблог является разновидностью политического блога.

Коммуникативный статус видеоблога определяется по-разному (далее курсив наш. – М.П.): как «*интернет-явление*, включающее в себя создание и выкладывание в сеть видеоматериалов на ту или иную тему в выбранном автором формате, соответствующем жанру» [Текутьева 2016:107]; как одна из «специфических *разновидностей новых медиа*» [Демченков 2015: 58]; «способ

передачи визуальной информации» [Абросимова 2018: 26]; как «новая *форма коммуникации*» [Рогожина 2012: 104].

Для определения коммуникативного статуса политического видеоблога обратимся к современной теории жанров, в которой рассматривается вопрос соотношения понятий: *речевой / коммуникативный жанр, речевое / коммуникативное событие, речевой / коммуникативный сценарий*.

Термин «жанр» со времен М. М. Бахтина претерпел существенное переосмысление, связанное с трансформацией понятия «текст». Признается наличие комбинированных текстов (каковым и является, на наш взгляд, видеоблог) как текстов, состоящих из собственно вербальных и невербальных компонентов [Баранов, 2018, с. 9]. Появился термин «гипержанр» («гипержанровая форма»), дефинируемый как «объединение всех жанровых многообразий, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации и объединяют в своем составе несколько жанров» [Пак, 2014, с. 34].

Наиболее часто блог рассматривается лингвистами как жанр интернет-коммуникации «на основании того, что блоги представляют собой единый рамочный формат, обладают прагматической направленностью и чётким дискурсивным характером, схожей структурой и вариативностью содержания» [Кириллов, 2017, с. 262], как гипержанр (или сверхсложное жанровое макрообразование, макрожанр), поскольку он «объединяет различные форматы, будучи как раз той самой "виртуальной" жанровой оболочкой...» [Там же]. Блог как (гипер)жанр представляет собой «интернет-журнал одного или нескольких авторов с размещением в нём различных видов текстов (включая креолизованные) в обратной хронологической последовательности» [Там же].

Дискуссионным является вопрос о соотношении понятий «(гипер)жанр» и «речевое / коммуникативное событие». Он подробно рассматривается в книге В. В. Дементьева «Теория речевых жанров» [Дементьев, 2010, с. 137–153]. Не вступая в дискуссию, присоединимся к точке зрения исследователей, считающих (гипер)жанр текстовой реализацией речевого (шире – коммуникативного) события (например, в [Казакова, 2007]). Под речевым (у нее = коммуникативным)

под которым понимают «ограниченный в пространстве и времени целостный социально осмысленный и принявший определенную форму процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Матвеева 2010: 390–391]. Такое соотношение понятий оправдывает использование термина «жанр коммуникативного события».

Коммуникативное событие осуществляется по определенному коммуникативному сценарию, под которым понимают (вслед за Р. Шенком и Р. Абельсоном) «цепочку действий, которые описывают часто встречающиеся ситуации» и в последовательности которых используется «принцип каузальной связи» [Васильева, Дускаева, 2016, с. 4]; «обусловленная самоорганизацией информационной среды и возникающей в её результате коммуникативной ситуацией стандартная (инвариантная) последовательность информационных процессов и речевых действий, подчиненных какой-либо типовой целевой установке, лежащей во внеязыковой сфере и выраженной посредством взаимодействия тем в информационном пространстве и конкретных участников (инициатора, реагента, наблюдателя) в коммуникативном пространстве» [Шунейко, Авдеенко, 2010, с. 58].

Таким образом, политический видеоблог является гипержанром, отражающим взаимодействие подписчика(ов) с блогером как коммуникативное событие, которое осуществляется по определенному сценарию.

Спецификой видеоблога, в том числе политического, является его личный характер («один на один»), который «позволяет блогеру установить максимально тесный контакт с аудиторией, <...> что в свою очередь существенно повышает эффективность достижения желаемого прагматического результата» [Рогожина 2012: 105]; «публичность и доступность любому Интернет-пользователю в любой точке планеты», нелокализованность по времени [Там же: 107], интенция блогера «поделиться с людьми определенными сведениями или взглядами с надеждой вызвать понимание со стороны зрителей [Там же: 108].

Исходя из отмеченного выше, **политический видеоблог понимается нами как гипержанр политического интернет-дискурса, представляющий собой ленту располагающихся в обратном порядке видеороликов, автор которого**

в режиме асинхронного диалога дает свой комментарий к тем или иным политическим событиям, высказывает свое мнение о них.

Анализ собранного материала исследования позволяет говорить о существовании политического видеоблога особого типа, который назван нами контрманипулятивным: в нем блогер, используя как вербальные, так и невербальные (мимика, интонация, жесты, видео и аудиоряд) способы воздействия, стремится нейтрализовать влияние какого-либо манипулятора на широкую интернет-аудиторию. Предметом обсуждения контрманипулятивных видеоблогов становятся действия или личность какого-либо политика либо комментирующего ту или иную политическую ситуацию человека, что сопровождается развенчанием их манипулятивной сущности. Videоблогеры, разоблачающие манипуляцию, вырезают отрывок видеоролика или текста с замеченной ими манипуляцией, вставляют его в свой видеоролик и продолжают коммуникацию, используя контрманипулятивные тактики и приемы, в результате чего у аудитории складывается ощущение неразрывности коммуникации двух людей, как будто они напрямую общаются друг с другом в реальном времени.

Таким образом, анализ литературы позволил нам квалифицировать политический видеоблог как жанр интернет-коммуникации, анализ же материала исследования – выявить его разновидность – контрманипулятивный видеоблог.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Анализ научной литературы по лингвистической теории речевого воздействия позволяет сделать следующие выводы.

1. Объем понятия речевого воздействия определяется различно в зависимости от того, включается в него использование невербальных средств общения или нет. Нами речевое воздействие понимается как осуществляемое в процессе речевого общения влияние субъекта речи на адресата (человека, группу людей, общество в целом), которое имеет целью изменение его когнитивной и/или поведенческой деятельности. Проблемы речевого воздействия

широко изучаются как в русле отдельных научных направлений в языкознании (психолингвистика, прагмалингвистика, лингвориторика, лингводискурсология), так и на стыке двух и более лингвистических дисциплин.

2. Лингвистический статус речевой манипуляции учеными определяется по-разному: как тип (вид, разновидность), способ (метод), технология, стратегия воздействия и как коммуникативный поступок. В данной работе речевая манипуляция определяется как такая некооперативная стратегия организации речевого воздействия и взаимодействия, которая преследует скрытую (не эксплицируемую) цель изменения когнитивной и поведенческой деятельности адресата и основана на искусном использовании ресурсов языка, участвующих в оформлении специализированных речевых тактик и приемов.

3. Термин «контрманипуляция», с нашей точки зрения, имеет преимущество по сравнению с синонимичными ему «защита от манипуляции», «противостояние манипуляции / влиянию», «вербальная самозащита», «защита от убеждения», «антиманипуляция», «контрконтроль», поскольку он органично вписывается в систему терминопонятий теории речевого воздействия – таких, как контраргументация, контрсуггестия.

4. Речевая контрманипуляция представляет собой стратегию речевого воздействия, направленную на нейтрализацию манипулятора (недостижение им скрытой цели) с помощью прямого речевого противостояния (сопротивления) ему и/или уклонения от его воздействия (речевого лавирования). Ответная речевая манипуляция не является контрманипулятивным воздействием, она представляет собой стратегию речевого воздействия, характеризующуюся применением таких речевых тактик и приемов, которые направлены на реализацию скрытой цели, связанной с дискредитацией манипулятора и привлечением на свою сторону его аудитории.

5. Описание речевой стратегии контрманипуляции целесообразно осуществлять с использованием не только термина «речевая контрманипулятивная тактика» (речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой контрманипулятивной стратегии

и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа), но и «речевая контрманипулятивная субстратегия» (частная стратегия, подчиненная по отношению к главной и представляющая один из планов ее реализации), «речевая контрманипулятивная стратагема» (такая реализация контрманипулятивной стратегии, которая характеризуется строгой последовательностью в расположении речевых тактик, позволяющей объекту манипуляции оптимальным образом нейтрализовать влияние манипулятора) и «контрманипулятивный речевой маркер» (речевая единица, выполняющая функцию актуализации намерения контрманипулятора в пределах той или иной применяемой им речевой субстратегии или тактики, сигнализирующая об этом намерении).

6. Политический видеоблог представляет собой гипержанр политического интернет-дискурса, представляющий собой ленту располагающихся в обратном порядке видеороликов, автор которого в режиме асинхронного диалога дает свой комментарий к тем или иным политическим событиям, высказывает свое мнение о них. В контрманипулятивном видеоролике политического видеоблога ведущий, используя как вербальные, так и невербальные (мимика, интонация, жесты, видео- и аудиоряд) способы воздействия, стремится нейтрализовать влияние какого-либо манипулятора на широкую интернет-аудиторию.

ГЛАВА 2 СУБСТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОЙ КОНТРМАНИПУЛЯЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВИДЕОБЛОГАХ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

Используемые в русскоязычных политических видеоблогах речевые контрманипулятивные тактики реализуют две субстратегии: 1) субстратегию прямого речевого противодействия манипулятору, или контрманипулятивного сопротивления и 2) субстратегию речевого контрманипулятивного маневрирования. Рассмотрим каждую из этих речевых субстратегий и соответствующие им тактики.

2.1 Субстратегия речевого контрманипулятивного сопротивления и реализующие ее тактики

Субстратегия речевого контрманипулятивного сопротивления – это совокупность речевых тактик, направленных на разоблачение манипулятора или опровержение его слов, за счет чего достигается нейтрализация манипулятивного воздействия.

Субстратегия контрманипулятивного сопротивления, по сравнению со стратегией контрманипулятивного маневрирования, в наибольшей степени характерна для русскоязычных политических видеоблогов, поскольку составляющие ее тактики в процентном отношении преобладают: они составляют 88,1% от общего числа употреблений контрманипулятивных тактик; 11,9% составляют тактики субстратегии контрманипулятивного маневрирования (см. диаграмму 1). В абсолютных показателях: 238 употреблений тактик речевого сопротивления и 32 употребления тактик субстратегии речевого маневрирования. Всего проанализировано 270 фактов использования контрманипулятивных тактик.

Диаграмма 1. Частотность употребления контрманипулятивных речевых субстратегий (в %)

В речи на субстратегию речевого сопротивления могут указывать такие контрманипулятивные речевые маркеры, как *разберем миф; я расскажу, как создают фейки*. Встречается также употребление конструкций, указывающих на действия манипулятора и построенных по модели X (фамилия/имя манипулятора или местоимение, указывающее на него) + глагол, указывающий на его действия: *он добивается; он играет на (чувствах); Алексей (этого) не показывает; Навальный пропирарился; Гоффман (никаких доказательств) не приводит, предлагает поверить (на слово)* и т.п. Для названной субстратегии характерно также использование лексем, входящих в лексико-семантическое поле «ложь, обман»: *миф, фейк, фейк-история, фейк-новости, легенда, выдумка, брехня*.

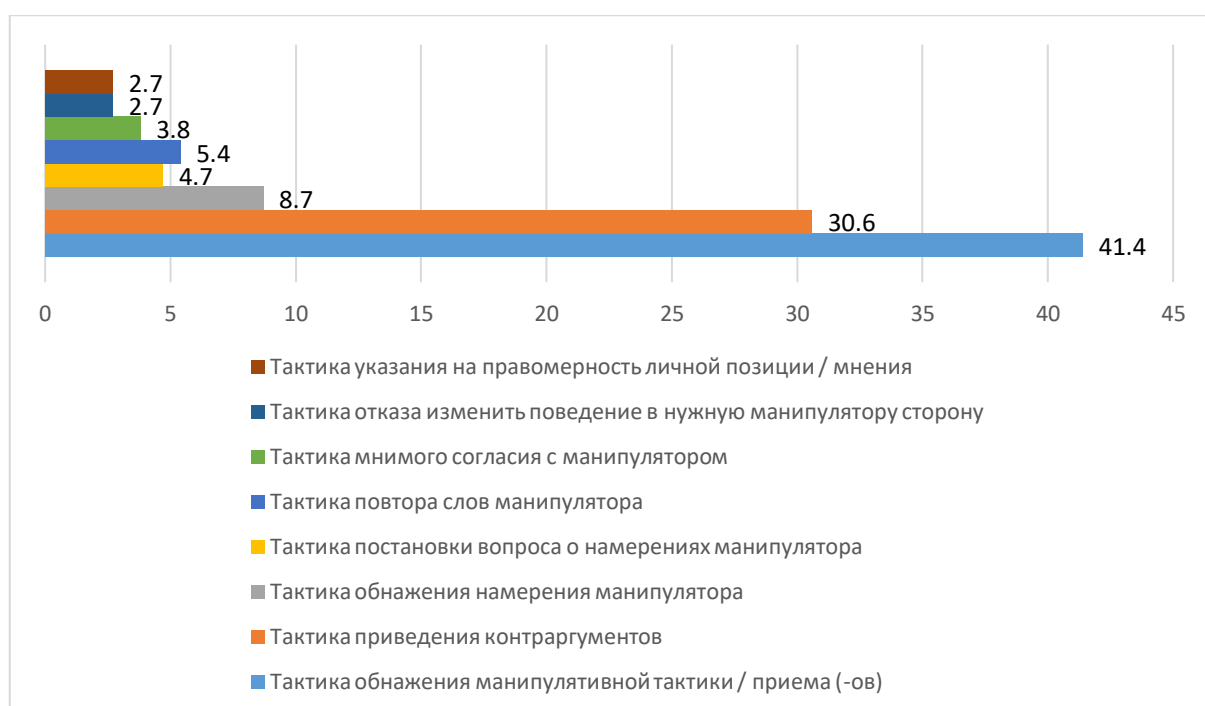
Субстратегия речевого контрманипулятивного сопротивления реализуется при помощи следующих речевых тактик, обличающих манипулятора:

- а) тактика обнажения намерения манипулятора,
- б) тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора,
- в) тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов),
- г) тактика приведения контраргумента(-ов),

д) тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону.

Высокая частотность использования в русскоязычных видеоблогах субстратегии контрманипулятивного сопротивления обусловлена интенцией блогеров убедить аудиторию (подписчиков) в манипулятивном поведении оппонента и тем самым склонить ее к своему мнению. Наиболее частотными являются тактика обнажения манипулятивной тактики и/или приема(-ов) (112 употреблений тактик, или 41,4 % от общего числа употреблений тактик) и тактика приведения контраргументов (83 употребления тактики, или 30,6%). Менее частотны тактика обнажения намерения манипулятора (23 употребления тактики, или 8,7%), тактика постановки вопроса о намерении манипулятора (13 употреблений тактики, или 4,7%), тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону (7 употреблений тактики, или 2,7%), тактика мнимого согласия с манипулятором (10 употреблений тактики, или 3,8%), тактика повтора слов манипулятора (15 употреблений тактики, или 5,4%) и тактика указания на правомерность личной позиции / мнения (7 употреблений тактики, или 2,7%) (см. ниже диаграмму 2).

Диаграмма 2. Частотность употребления контрманипулятивных речевых тактик (в %)

2.1.1 Тактика обнажения намерения манипулятора

Тактика обнажения намерения манипулятора заключается в обличении скрытой манипулятивной цели путем ее вербализации.

Например, видеоблогер С. Павлов обличает манипулятивное намерение А. Навального вывести на несанкционированный митинг как можно больше своих подписчиков и при этом не нести ответственности за то, что арестованным участникам придется выплачивать штрафы. Рассмотрим более подробно речевое поведение А. Навального и коммуникативную ситуацию разоблачения манипулятора.

После митинга на официальном сайте А. Навального публикуется текст: *«После митингов 26 марта к нам за помощью обратилось более 750 человек. Все они получили юридическую помощь от наших неутомимых юристов, большинство уже прошло апелляцию по вынесенным постановлениям. А это значит, что можно готовить и подавать жалобы в ЕСПЧ. Эта работа также активно ведется. Но также это значит, что наступило время оплачивать штрафы. <...> Сейчас для оплаты необходимо около 1.2 млн рублей. <...> Для одного 15–20 тысяч — много. Для всех нас — просто сброситься по 50–100 рублей и собрать на штрафы всем. Давайте так и делать»* [40]. (Источник выплаты компенсации оказывается известен участникам митинга уже после его проведения – добровольный взнос.)

Видеоблогер С. Павлов устно комментирует этот текст следующим образом: *«В конце той недели Навальный написал на своем сайте (показывает скриншот с сайта А. Навального со статьей под названием «Оплачиваем штрафы вместе») / оплачиваем штрафы вместе // Смысл все тот же // Один за всех и все за одного // Поэтому гоните еще денег // <...> Ведь он (А. Навальный. – П.М.) играет на самых светлых и благородных чувствах молодых людей // Один за всех и все за одного // Разве плохой лозунг? // Очень хороший // Помочь единомышленникам / попавшим в беду // Разве плохо? // Наоборот / очень даже похвально // Так почему бы не воспользоваться этим благородством? // И люди*

платят / тратят деньги // <...> А. Навальный провел очередную перепись и отлично на этом всем пропиарился // [18]. Влогер указывает на иррациональный характер аргументации (...он играет на самых светлых и благородных чувствах) и истинное намерение политика («пропиариться»). В качестве речевого маркера используются конструкции, указывающие на манипулятивные действия политика: *он играет на... чувствах* (обнажение манипулятивной тактики); *А. Навальный... пропиарился* (обнажение манипулятивной цели).

Другой влогер Р. Романов комментирует видеоролики и новости с различных сайтов о том, как переизбранный президент Венесуэлы Николас Мадуро поздравляет пустую площадь. В комментарии Р. Романов говорит о манипулятивной цели их авторов дискредитировать Н. Мадуро путем убеждения аудитории в том, что у него крайне мало сторонников: **«Сейчас я вам расскажу как в современном мире создают политические фейки для дискредитации политиков самого высокого уровня / и приплетают туда конечно высокие технологии // <...> Сразу после выборов в латиноамериканских СМИ и соцсетях стали распространять вот это видео / где вновь избранный президент Николас Мадуро идет на пустой площади** (показывает видео, в котором Николас Мадуро идет по площади и машет в пустоту, видеозапись сопровождается звуковая дорожка приветственных ликований толпы, вдали на площади висит разноцветная ткань – синего и бордового цвета) // <...> **Политические аналитики / эксперты и пропагандисты правильных ценностей сразу объяснили это видео следующим образом // Разноцветная ткань / это хромакеи / технические приспособления / на которые потом на постобработке видео прифотошопят людей и массовую поддержку президента // Такую точку зрения распространяли не только оппозиционеры в Венесуэле и ТВ каналы на Коста-Рике / но и претендующие на инсайды и звания главных экспертов в политике разные анонимные Telegram-каналы у нас в стране** (показывает скриншоты с новостью о Н. Мадуро на пустой площади с Telegram-каналов «Методичка» и «Минправды», а также посты со страниц «ВКонтакте»

с аналогичной новостью) // <...> Короче все сошлись во мнении / что Мадуро настолько непопулярен / что ему с помощью «AfterEffects» (программа для обработки видео. – М.П.) приходится рисовать массовую поддержку // <...> И почему хромакеи / которые должны быть единой цельной стеной / состоят из разных лоскутов? // И тут я вспомнил / что мне это кое-что напоминает // Ах да / ведь это цвета национального флага Венесуэлы // <...> Вот и все расследование / никакой это не хромакей / а самые простые украшения для митингов и концертов // <...> А на оригинальном видео с Мадуро скорей всего была заснята репетиция массового мероприятия // <...> **Вот так самое обычное видео при нужной интерпретации использования технических терминов можно превратить в такую занимательную фейк-историю с хромакеями»** [43]. Как видим, видеоблогер разоблачает манипулятивную технологию создания фейковых новостей, используя в том числе тактику обнажения намерения манипулятора. На контрманипулятивное намерение указывает речевой маркер «я расскажу, как создают фейки», сигнализирующий о субстратегии прямого сопротивления манипулятору.

Как видим, для реализации тактики обнажения манипулятора характерно использование контрманипулятивных маркеров.

2.1.2 Тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора

Тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора – это тактика, которая указывает на наличие манипулятивного намерения или ставит под сомнение открытость истинной цели. Продемонстрируем эту речевую тактику на примерах.

Блогер С. Павлов обращает наше внимание на видеоролик на канале «Хватит молчать!», в котором говорится о планах ввести в России во время активного движения на автомагистралях плату за проезд через перекрестки как очередной сбор властями денег с граждан. В видеоролике проводится аналогия с другой ситуацией: «Точно так же как и с мусорной реформой / счет в

квитанции увеличился / и кто-то даже платит // А новенькие мусороперерабатывающие заводы не появятся //» [45]. Комментирующий эти слова С. Павлов использует стратегию опровержения бездоказательного утверждения оппонента, включающую, помимо тактики приведения контраргументов, тактику постановки вопроса о намерениях манипулятора: *«Ну это не совсем так // В прошлом году началось строительство Красносулимского межмуниципального экологического отходоперерабатывающего комплекса в Ростовской области // На Петербургском экономическом форуме было подписано соглашение о строительстве мусороперерабатывающего завода и мусоросортировочных станций в Ярославской области // В Московской области еще в прошлом году начался второй этап строительства мусоросжигательного завода // В начале этого года (2019 года. – М.П.) на Камчатке запущен первый высокотехнологичный мусороперерабатывающий комплекс // (показывает скриншоты статей с новостями о строительстве упомянутых сооружений) Да / это очень мало / этого недостаточно // Но зачем говорить / что ничего не появится? // [22].*

Анализируемая тактика представлена также в речи видеоблогера А. Шария, посвященной выступлению А. Навального. Декларируемая в речи (открытая) цель А. Навального – убедить аудиторию, что показатель ВВП России упал за время правления В. Путина; скрытая – дискредитировать Владимира Путина в преддверии президентских выборов в марте 2018 года. А. Шарий в противостоянии манипулятору использует тактику постановки вопроса о намерениях манипулятора (вопрос «Как вы думаете, почему?»), намекая на преследование А. Навальным скрытой цели.

А. Навальный: *«А вот теперь внимание / график (показывает гистограмму, отображающую показатель роста ВВП за 2007 год и за 2016 год, рядом крупным шрифтом написано «– 1,3%») // Это вообще главный график / объясняющий все происходящее в стране // <...> Это рост ВВП / то есть всей экономики страны за последние 10 лет // И мы видим / что за последние 10 лет ВВП сократился на 1,3% // То есть 10 лет заседаний / совещаний / инвестпрограмм /*

экономических форумов / надувания щек / огромных рекордных цен на нефть и сокращение ВВП на 1,3%! //»

А. Шарий: «Он показывает с 2007 по 2016 годы / показывает падение 1,3 // Он не показывает график почему-то (имеется в виду график динамики роста ВВП за каждый год. – М.П.) // Как вы думаете почему? // Уже догадались? / Или еще не догадались?//» [55].

Видеоблогер С. Павлов обращает внимание на цель сопоставления телеведущей «Первого канала» катастрофического положения больниц в Украине с ситуацией в России. Фрагмент речи телеведущей: *«Так сейчас выглядит положение дел здравоохранения Украины // Показатели вакцинации на уровне Нигерии // Вспышки смертельно опасных инфекций / которых в цивилизованных странах нет более полувека // <...> В профильном министерстве разводят руками / денег нет даже на жизненно важные лекарства»*. В ее речи используются бездоказательные утверждения (субтезисы) и манипулятивный прием генерализации – не названы конкретные лица в министерстве.

С. Павлов комментирует: *«Казалось бы / какое нам вообще дело до украинских больниц? // Почему именно про Украинские надо так долго рассказывать? // Расскажите про белорусские или про финские // Тоже ведь соседи // <...> Но тогда давайте показывать в сравнении / у этих соседей / у тех // А теперь у нас посмотрим / и сравним // Хотя нет / тогда может не в нашу пользу получится» [24].* Видеоблогер задает вопрос о намерении манипулятора (*Почему именно про Украинские надо так долго рассказывать?*) и дает возможный ответ на него, указывая на перенос телеведущим внимания российской аудитории с проблем российских больниц на украинские.

Подобным образом С. Павлов обращает внимание аудитории на намерение другой телеведущей. Она рассказывает о том, что российские пенсии вложат в нефтяную промышленность Саудовской Аравии: *«Зарубежные инвестиции конечно хорошо / <...> но у меня вопрос / с пенсионерами за чей счет собственно*

банкет? // Поделятся? //» С. Павлов, указывает на ее манипулятивное намерение: «В чем смысл таких вопросов? // Панику раздуть? //» [29].

Материал показывает, что особенностью употребления тактики постановки вопроса о намерениях манипулятора является использование открытых вопросов о манипулятивной цели (со словами «почему», «зачем», «для кого» и «как»), которые могут предваряться фразой «*Как вы думаете...*».

2.1.3 Тактика обнажения манипулятивной тактики и/или приема(-ов)

Тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) представляет собой тактику, называющую и/или описывающую (характеризующую) тактику и/или прием(ы) манипуляции. Данная тактика является наиболее часто употребляемой видеоблогерами (41,4% от общего употребления манипулятивных тактик). Используются речевые маркеры: словосочетание *разберем миф*, а также речевые конструкции, указывающие на действия манипулятора, в том числе имеющие резюмирующий характер: *Х вешает лапшу / предлагает поверить* и т.п.

Будем придерживаться разграничения тактики и приема манипуляции, предложенного Г.А. Копниной, которая пишет: «Манипулятивная речевая тактика – такое речевое действие, которое соответствует определенному этапу в реализации той или иной стратегии и направлено на скрытое внедрение в сознание адресата целей и установок, побуждающих его совершить поступок, выгодный манипулятору. Под манипулятивным приемом понимаем способ построения высказывания или текста, реализующий ту или иную манипулятивную тактику» [Копнина, 2010, с. 49].

Обнажение тактики искажения фактов представлено, например, в речи видеоблогера С. Павлова. Он комментирует статью, размещенную на сайте «Русская семерка» (<https://russian7.ru/post/kak-podrostki-iz-podmoskovnogo-sela-s/>), о подвиге четырех подростков, которые зимой 1941 года в прямом бою отразили нападение немцев на подмосковную деревню. Статья сопровождается фотографией 4-х подростков, увешанных оружием с боеприпасами, на фоне

мазанок (строение из глины, сырцового кирпича или тонкого дерева, обмазанного глиной). Комментируя публикацию, С. Павлов разоблачает манипулятора, указывая на искажение («подтасовку») им фактов ради создания новости, которая привлечет к себе внимание, из непроверенной информации, избежав при этом необходимости нести ответственность.

С. Павлов: *Во-первых / у них немецкое оружие и куча неизрасходованных патронов // Во-вторых / на заднем плане мазанки // Где вы в Подмоскowie мазанки видели? // Эта история даже в Википедии упоминается / и даны аж две ссылки // Правда обе эти ссылки неработающие / что опять же дискредитирует всю эту версию // У этой фотографии есть совсем другая история // Это сборщики трофеев с хутора Синеоковский / Сталинградская область (показывает скриншот с идентичной фотографией с сайта «Военный альбом») // Слева направо Сережа Землянский / Шура Величенко / Шура Иващенко и Володя Пономарчук // Об этом была статья в газете «Крестьянская жизнь» №3 от 18 января 2013 года (показывает скриншот статьи «Синеоковский в 1943 году») <...> Но тут получается / что у этих сталинградских ребят как бы **отбирают их историю** / а ведь они тоже рисковали жизнью / собирая трофеи // <...> Думаю / это стоит того / чтобы помнили и их имена // А иллюстрируя историю про оборону села фотографией сборщиков трофеев рассказчики дают повод для критики / так же как и неработающие ссылки в Википедии // [10].*

В статье «Про зверства советских “освободителей” в Европе...». О. Чеславский дискредитирует советскую власть и Красную Армию, предпринимая попытку убедить аудиторию в том, что красноармейцам разрешались и даже поощрялись жестокие действия (грабеж и изнасилование) по отношению к немецкому народу. Он пишет следующее: «Командир 153-й стрелковой дивизии Елисеев объявил войскам в начале октября 1944 г. Мы идем в Восточную Пруссию. Красноармейцам и офицерам предоставляются следующие права:

1. Уничтожать любого немца

2. *Изъятие имущества*

3. *Насилование женщин*

4. *Грабеж*

5. *Солдаты РОА в плен не берутся. На них не стоит тратить ни одного патрона. Их забивают или растаптывают ногами» [46].*

С. Павлов указывает на бездоказательность утверждений автора, используя в речи контрманипулятивный маркер «разберем миф», сигнализирующий о прямом сопротивлении манипулятора: *«Сегодня **разберем еще один миф** / про централизованную политику советского руководства по уничтожению мирного немецкого населения и поощрению насилия // Тема очень популярна в соцсетях // Ссылаются часто на книгу Иоахима Гоффмана «Сталинская истребительная война» // <...> Разумеется / **никаких доказательств Гоффман не приводит** // Ссылается он главным образом на показания немецких офицеров / то есть **предлагает нам поверить на слово заинтересованной стороне** //» [25].* Отметим использование фразы, маркирующей намерение манипулятора (*предлагаем нам поверить на слово*).

Ведущий видеоблога «Политика сегодня» О. Неретин указывает на паралогическую уловку в речи А. Навального, которая основана на отклонении от закона противоречия. А. Навальный так характеризует деятельность А. Б. Усманова: *«Еще очень интересно / про Усманова / мне бы хотелось сказать // Он же там в своем заявлении сказал / что Навальный преступник / перешел красную черту / а я такой прекрасный человек / создаю сотни тысяч рабочих мест и я даю миллионы на благотворительность // Какой наглый мерзавец! // **Ни одного рабочего места он не создал!** // <...> **Он недоплачивает своим рабочим / он недоплачивает налоги**».* Используются тактика речевой агрессии (*Какой наглый мерзавец!*) и тактика бездоказательного обвинения. О. Неретин следующим образом анализирует эту речь А. Навального: *«Отдельно хочется отметить то / как Навальный противоречит сам себе / <...> // **Сначала он говорит о том / что якобы Алишер Усманов не создал ни одного рабочего места <...> а потом тут же через пару секунд заявляет / что своим рабочим***

он якобы недоплачивает // <...> Каким же рабочим Усманов недоплачивает / если ни одного рабочего места по вашим словам он не создал / Алексей? // [42].

Используется тактика указания на противоречие в аргументации манипулятора (обнажения паралогического манипулятивного приема).

Рассмотрим еще один пример. На канале «Pravda GlazaRezheta» (<https://www.youtube.com/user/pravdaglazarezhet/about>) размещен видеоролик, в котором ведущий утверждает, что В. Путин подписал только законопроект о пенсионной реформе, а сам закон не подписывал, так как не захотел брать на себя ответственность за последствия: *«Ведь Путин его не подписывал / нет ни одного доказательства этому // Я даже готов заплатить сорок тысяч тому / кто покажет мне подписанный Путиным данный закон // (показывает сорок тысяч рублей аудитории) Деньги я коплю на оборудование / но ради такого дела могу и подождать // <...> Почему президент его не подписал? // Он просто не хочет брать на себя ответственность / в случае чего-либо / а случаи бывают разные».* Цель речи: дискредитация В. Путина как президента РФ. На ее манипулятивный характер указывают тактика надевания маски «борца за правду в ущерб себе» (*Деньги я коплю на оборудование / но ради такого дела могу и подождать*), тактика бездоказательного повтора информации (*Ведь Путин его не подписывал...*; в форме вопроса: *Почему президент его не подписал?*) и тактика ложной аргументации, состоящей в преподнесении высказывания о намерениях другого человека (прием «чтения в сердцах») в качестве аргумента. Тем самым устанавливаются желательные для манипулятора причинно-следственные связи.

Видеоблогер С. Павлов обнажает одну из манипулятивных тактик ведущего – тактику ложной аргументации, основанной на имплицитном приеме «не следует» (если не могут принести документ с подписью, то это не значит, что президент его не подписывал): *«Но ведь он может подписать какой-нибудь незначительный указ / за который не будет никакой ответственности / и опубликовать его с подписью / тогда вы рискуете лишиться своих денег <...> / но вы этого не боитесь / потому что точно знаете / что этого не будет // Объясняю почему / потому что вы знаете вот об этом // Инструкция по*

делопроизводству в Администрации Президента / пункт 4.7 // (показывает скриншот отрывка текста с сайта «КонсультантПлюс» и зачитывает его) <...> *То есть ты теоретически можешь пойти в архив и увидеть там указ с правильной печатью // Никто тебе его не принесет / надо идти самому // Но ты же туда не пойдешь / поэтому и трясеешь деньгами перед камерами // Вы знаете про эти правила / но вешаете лапшу своим подписчикам»* [28]. Резюмирующий характер носит маркер, указывающий на манипулятивное намерение оппонента, обнажающий это намерение: *Вы ... вешаете лапшу.*

В другом видеоролике мы видим, как С. Брекотин обнажает манипулятивный прием бездоказательных утверждений о неэффективном управлении экономикой страны, используемый В. Миловым с целью дискредитации российской власти. В. Милов говорит: *«Никакого эффекта // Экономика уже больше 10 лет не растет // Да / то есть они вбухивают из бюджета / а оно ничего не растет //»* [38]. Комментарий С. Брекотина включает в себя как тактику обнажения манипулятивного приема В. Милова, так и тактику приведения контраргументов: *«Они берут внутренний валовый продукт России / номинированный в долларах // И тут действительно / как бы ВВП России в 2018 году равен / формально даже меньше / ВВП России в 2008 году // И ни тебе кризиса 2009 не замечают / ну вернее забывают / ни тебе падение курса рубля в 2014 году // А зачем? // Это ж в их картину мира не ложится // <...> Экономика не измеряется в долларах по номиналу // Экономисты / господин Милов / даже специально ввели показатель ВВП по ППС / чтоб немного более объективно оценивать размер экономики // И тут о чудо! // Рост есть!* (показывает скриншот графика «ВВП по расходам (текущий ППС)» с обозначенным ростом) *// Но зачем ведь использовать точные термины? //»* [4]. Риторический вопрос является резюмирующим высказыванием о манипулятивном намерении.

Тактика обнажения манипулятивного приема может быть обличена в форму уточняющего вопроса. Задается вопрос о каких-либо деталях, не сообщаемых в высказывании. Приведем примеры. Представитель Радио Свободы задает

проходим вопрос: «Почему власти препятствуют избирательной кампании Алексея Навального?» еще до того, как официально был объявлен список кандидатов в президенты, в который А. Навальный не был включен. С помощью косвенного высказывания внедряется мысль: «Власти препятствуют проведению избирательной кампании А. Навального». Используется манипулятивная тактика создания ложных причинно-следственных связей: если А. Навальный проводит избирательную кампанию, значит, он является кандидатом в президенты на выборах 2018 года. Вот как комментирует эту коммуникативную ситуацию С. Павлов: *«И ещё одно видео с канала Радио Свобода / тоже относится к теме // Свобода задавала проходим вопрос / «Почему власти препятствуют избирательной кампании Алексея Навального?» // Видимо / имеются в виду проблемы с его избирательными штабами // Обычно в этом месте начинаются споры // Навальный не имеет права избираться / у него судимости // Другая сторона возражает / да он был осуждён по сфабрикованному делу / это дело и есть препятствие со стороны власти // Подождите / друзья / а что / избирательная кампания уже началась? // Навальный уже официально зарегистрирован кандидатом? // <...> Но если он не кандидат и нет ещё никакой кампании / то на что он деньги собирает? // А если его не регистрируют / то как он деньги возвращать будет? // Или сторонникам можно не возвращать?»* [7]. Используя вопросы уточняющего характера о том, был ли уже А. Навальный на тот момент официальным кандидатом в президенты, С. Павлов подводит аудиторию к ответу «нет», указывая тем самым на манипулятивную тактику опережения событий (в НЛП он называется «приемом программирующей номинации»). Уточняющий характер имеют вопросы о том, на что А. Навальный собирал деньги у своих сторонников, не будучи кандидатом.

Приведем еще один пример комментария С. Павлова, но уже к речи А. Навального. А. Навальный, используя тактику бездоказательного утверждения и тактику умалчивания точных цифр, говорит, что определенное количество россиян за то, чтобы начать скидывать атомные бомбы на Европу и США: *«Да у нас вон / скока-то / двузначное количество процентов населения людей /*

*которые считают / что нужно немедленно начать атомные бомбы скидывать на Европу / США и на все на свете». С. Павлов разоблачает манипулятора, используя тактику обнажения приема манипулятора в форме вопросов об источнике информации: «**Вот откуда у него это двузначное количество процентов? // Кто проводил исследования? // Может ВЦИОМ или «Левада Центр»?»** [19].*

Статью на сайте «Цензор.нет» с названием «Контрразведка СБУ задержала друга Моторолы, Гиви и Захарченко – полковника ВДВ Российской Федерации Гратова» (манипулятивная цель: разжигание конфликта между Украиной и Россией путем создания «фейковых» новостей с непроверенной информацией) С. Павлов комментирует следующим образом: (зачитывает название статьи) «**Контрразведка СБУ задержала друга Моторолы / Гиви и Захарченко / полковника ВДВ Российской Федерации Гратова // Российский полковник ВДВ? // Вот это добыча! // Только у меня вопрос // Почему на сайте «Стратегии Приднестровья» в его биографии говорится / что он проживает в Приднестровье с 56 года?** (показывает скриншот с биографией В. Гратова, где указано, что он проживает с 1956 года в МССР-Приднестровье) // **Служил там же //»** [35]. Используется вопрос, ставящий под сомнение достоверность информации, подаваемой манипулятором.

С. Павлов обнажает манипулятивный прием бездоказательного утверждения, используемый также блогером «Быть Или». Тактика обнажения оформлена в виде вопроса с повтором тезиса манипулятора и сопровождается последующими контраргументами.

Быть Или: «**Или может что на наши СМИ тотальная цензура //»** (показывает отрывок из речи В. Познера: «*То есть упоминание Навального / не то что пригласить Навального / а упоминание Навального было убрано //»*).

С. Павлов: «**Нельзя про Навального говорите?** // (далее приводит отрывки из теленовостей с упоминанием А. Навального) <...> **Тотальная цензура // Даже упоминать нельзя //»** [8].

Тактика обнажения манипулятивной тактики умолчания источника информации применяется А. Шарием в видеокomentarии к манипулятивной речи А. Навального.

А. Навальный использует тактику дискредитации В. Путина, оформленную с помощью бездоказательных утверждений о наличии «хитрого замысла», желания «обмануть и использовать» школьников для повышения явки избирателей, отсутствии «настоящих выборов»: *«Школьники / для вас я записываю это видео / потому что именно вам по хитрому замыслу Путина отводится важнейшая роль на этих президентских выборах // <...> Но вот как раз-таки есть хитрая схема о том / как вас обмануть и использовать // <...> Смотрите / это решение Московской областной избирательной комиссии // (показывает лист бумаги с текстом издалека, текст полностью не показывает) <...> Но я не сомневаюсь / что подобные штуки будут делать по всей стране / поэтому скорее всего затронут всех // Бумажка эта говорит о том / что одновременно с перевыборами Путина 18 марта по всей Московской области пройдет школьный референдум // И все школьники с 1 по 11 класс смогут участвовать в нем и выразить свое мнение по самому животрепещущему для школьников вопросу // <...> И любой нормальный школьник будет конечно голосовать против того / чтобы учиться по субботам // <...> Вот в этом весь и смысл / заманить вас на референдум голосованием по такому вопросу // Это такой хитрый план путинских чиновников // <...> Раз настоящие выборы это полная липа / на них никто не хочет идти / значит нужно затаячить школьников на такой референдум // А вместе со школьниками конечно придут родители // <...> Цель этого референдума одна / сделать так / чтобы 18 марта вы повысили явку избирателей //».*

А. Шарий комментирует эту речь А. Навального, указывая на бездоказательность его утверждений: *«Что это за кусочки сфотографированные?»* (имеется в виду то, что А. Навальный показывает своей аудитории фрагменты документа. – М.П.) *// Где решение? // Почему Алексей вот так говорит / у меня есть решение? //* (имитирует то, как А. Навальный

показывает документ издали, не показывая полный текст) *Есть решение? // Покажи // На твоём сайте я вижу бумажку скаченную / в которой можно написать все что угодно //»* [57]. Блогер указывает на использование А. Навальным тактики умолчания источника информации.

Таким образом, тактика обнажения манипулятивных тактики и/или приема оформляется, как правило, с помощью вопросительных высказываний, способствующих диалогичности общения.

2.1.4 Тактика приведения контраргумента(-ов)

Тактика приведения контраргумента(-ов), или тактика контраргументации, – это тактика, направленная на опровержение слов манипулятора путем приведения встречного аргумента или аргументов. Отметим, что, приводя тот или иной контраргумент, видеоблогеры обычно показывают аудитории источник информации, подтверждающий их контраргумент: они демонстрируют скриншот статьи с сайта либо показывают фрагмент какого-либо видеоролика.

Тактика приведения контраргументов занимает второе место по частотности употребления после тактики обнажения манипулятивной тактики и/или приема(-ов): ее частотность составляет 30,6% от общего употребления всех тактик. Рассмотрим ее на примерах.

На портале Dialog.ua (https://www.dialog.ua/ukraine/179019_1558215929) опубликована статья, направленная на дискредитацию российской власти путем представления ее в роли оккупанта полуострова Крым. В этой статье читаем: *«Подвиг – это еще и проявить солидарность со своим народом, живущим на оккупированной территории, и почтить память соотечественников, погибших во время сталинского геноцида. Такой подвиг и совершил пожилой крымский татарин, который в одном из населенных пунктов оккупированного Крыма провел одиночную акцию, передает "Диалог.UA". Несмотря на то, что возраст и здоровье позволяли мужчине ходить, только опираясь на трость, он, держа в руке крымско-татарский флаг, гордо и с достоинством провел своего рода*

одиночное шествие. Провел, не боясь ареста и осуждений. Этим своим поступком пожилой мужчина дал понять *российским оккупантам*, что им не сломить дух своего народа, который еще в августе 1991 года поддержал независимость Украины вскоре после ее объявления. <...> Этот немолодой крымчанин, решившийся *на одиночную акцию* солидарности со своим народом – тому подтверждение. *И живое напоминание оккупантам, что ничего у них не выйдет, что Украина победит*». Стратегия обвинения России в оккупации Украины реализуется с применением логических уловок: вместо аргументов используются высказывания о чувствах и намерениях крымского татарина (*гордо и с достоинством провел ... одиночное шествие; не боясь ареста и осуждений*) – т.н. прием «чтение в сердцах»; трехкратный повтор бездоказательного тезиса (*провел одиночную акцию, провел своего рода одиночное шествие, решившийся на одиночную акцию*); навешивание политического ярлыка на Россию и ее народ (*оккупанты, российские оккупанты*), употребление негативно-оценочного прилагательного *оккупированный* (*оккупированная территория, оккупированный Крым*). Тактика оправдания поступка, его героизации оформляется с помощью приемов референциальной манипуляции: поступок назван *подвигом, одиночным шествием (акцией)*. Позитивная оценка подкреплена эпитетами и парцелляцией: *...гордо и с достоинством провел одиночное шествие. Провел, не боясь ареста и осуждений*.

Видеоблогер С. Павлов не только указывает на неправомерность манипулятивного приема, используемого в названной выше статье (*а в чем собственно подвиг?*), но и приводит контраргументы, обнажающие ложный тезис об одиночном митинге: *«Во-первых / а в чем собственно подвиг? // <...> При чем тут арест? // В России что / запрещен крымско-татарский флаг? // <...> В Крыму проводится день крымско-татарского флага* (показывает скриншоты с информацией с новостных сайтов и репортажи о проведении данного мероприятия) *// Преследования по национальному признаку может быть? // Но в России крымские татары официально реабилитированы* (показывает

скриншоты с информацией с новостных сайтов о вступлении в силу указа о реабилитации крымских татар)» [23].

Приведем также пример рассматриваемой тактики из речи видеоблогера Р. Романова, комментирующего рассуждения А. Навального в видеоролике о том, что количество бюджетных мест для поступающих в ВУЗы за время правления В. Путина сократилось на 9,7%, хотя сам В. Путин говорит об увеличении бюджетных мест.

А. Навальный использует стратегию обвинения президента РФ во лжи: *«В 2000 году / когда В. Путин пришел к власти / их (количество бюджетных мест. – М. П.) было почти 587 тысяч // (показывает график роста и падения количества бюджетных мест с 2000 по 2017 год с подписью «По данным Росстата и министерства образования») Сейчас в 2017 году планируется 530 тысяч // То есть факт номер один / за время правления Путина количество бюджетных мест для поступающих в ВУЗы сократилось на 10 процентов (показывает цифру 9,7% с подписью «На столько уменьшилось число первокурсников, принятых на бюджетную основу») // Врет / отвечая почти на каждый вопрос // Врет уже 18 лет и сделал ложь главным инструментом своей политики»* [39]. Используются тактика ложной аргументации (из графика, который показывает как рост, так и падение, делается вывод только о падении бюджетных мест), тактика умолчания (нет объяснений числовым данным) и тактика бездоказательных утверждений обвиняющего характера со стилистическим повтором негативно-оценочного предиката «врет» и субъективным высказыванием о намерениях политика (*сделал ложь главным инструментом своей политики*).

Комментарий Р. Романова к речи А. Навального содержит указание на одну из манипулятивных тактик (*Навальный умалчивает одну очень важную вещь // Количество бюджетных мест в вакууме является абсолютно бесполезным показателем*), далее используется контраргументация, включающая ссылку на источник информации: *«Навальный умалчивает одну очень важную вещь // Количество бюджетных мест в вакууме является абсолютно бесполезным*

показателем / который примерно как совокупный ВВП страны описывает почти ничего // <...> **На сайте Росстата ежегодно публикуется так называемый Российский статистический ежегодник / где публикуется почти вся статистика по стране / и там содержатся темы / связанные и с ВУЗами / и с высшим образованием** (показывает скриншот сайта Федеральной службы государственной статистики, раздел «Образование») // <...> **Берем статистику Навального по бюджетным местам // Далее из статистического ежегодника и открытых источников берем данные по количеству выпускников //** (показывает скриншот статистической таблицы «Выпуск обучающихся образовательными организациями») **Обратите внимание / что число выпускников имеет тренд к уменьшению из года в год // Далее считаем / какой процент выпускников может претендовать на бюджетные места // Для этого берем количество бюджетных мест и делим на абсолютное количество выпускников // А теперь обратите внимание // В 2000 году бюджетных мест хватало только на 40 процентов выпускников / в 2005 на 43 процента / в 2013 на 67 / а в настоящее время (показывает 2017 год) на все 86 процентов // То есть стать студентом за эти 17 лет стало почти в два раза проще // <...> Получается / что количество бюджетных мест для выпускников равно как и вероятность поступления в ВУЗ из года в год только возрастала / а количество бюджетных мест на одного студента увеличилось более чем в два раза за последние 17 лет» [44].**

В оформлении контраргументации участвуют предикаты во множественном числе (*берем, считаем, делим*), которые создают эффект совместного расследования ведущего и его аудитории.

Описываемую тактику использует также блогер С. Брекотин. Он анализирует речи видеоблогера с псевдонимом «Быть Или», направленные на дискредитацию В. Путина. «Быть Или» использует тенденциозный подбор цитат (из интернет-издания ТАСС): «*Все же помнят про 25 миллионов рабочих мест? //* (показывает фрагмент видео, в котором В. Путин говорит: «Поэтому шансы на то / что мы создадим 25 миллионов рабочих мест есть и они великие // Надо

напряженно работать над реализацией этой задачи»/!) *Обещание / конечно неплохое // Но реальность такова / что за последнее время число рабочих мест в России сократилось почти на 7 миллионов / об этом пишет ТАСС //* (показывает скриншот статьи «Бизнес-омбудсмен: число рабочих мест в России сократилось на 6,8 миллионов за три года» на сайте «ТАСС»))

С. Брекотин отмечает, что люди могут выдавать себя за экспертов (*Один эксперт сказал / второй эксперт повторил*), при этом не владея истинной информацией, и приводит ряд контраргументов в пользу своего утверждения: *«Бытя прикладывает скрин с сайта ТАСС / где утверждается что в России сократилось число рабочих мест // Один эксперт сказал / второй эксперт повторил // <...> При этом у зрителей Быти не возникает вопроса / почему в видео опубликованном 24 июня 2018 года используется статья за 2016 год //* *<...> Но если неожиданно пойти на сайт Госкомстата / оказывается / что у нас количество рабочих мест все последние годы активно росло //* (показывает скриншот таблицы «Численность занятых в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации на сайте Федеральной службы государственной статистики) *Если быть точным / то с 65,07 миллионов рабочих мест до 72,14 миллионов // То есть выросло на 7,07 миллионов с 2000 года по состоянию на 2017 год //*» [3].

С. Павлов использует тактику приведения контраргументов в ответ на манипулятивные утверждения видеоблогера Д. Иванова (Камикадзе Ди) о том, что Россия являлась агрессором в войне 1812 года и что действующий президент РФ намеренно допускает искажение информации, связанной с историей России. Д. Иванов использует манипулятивный прием бездоказательных утверждений и тактику обвинения российской власти во лжи: *«Сегодня хочу поговорить об исторических событиях начала девятнадцатого века между Россией и Францией // Что меня на это сподвигло? // Невероятное количество исторической лжи / которое льется с федеральных каналов / от самого Путина / от людей Путина // <...> Не лез Наполеон в Россию / не лез! // <...> Когда в 14 году в результате интервенции вошли в Париж //*». С. Павлов, переспрашивая,

акцентирует внимание на манипулятивном приеме манипулятора и далее приводит свой контраргумент (: «*В результате чего вошли в Париж? // В результате интервенции? // А может в результате ответного похода в результате вторжения Наполеона в Россию? // Там он просто до этого на Россию напал // Ну вдруг забыли //*» [31]).

В зарубежных публикациях для наименования речевых действий блогеров, опровергающих непроверенные факты, используется термин fact-checking (проверка фактов) [Wu, 2014; Ciampaglia, 2015; Rashkin, 2017], но коммуникативный статус этого явления определяется по-разному: как «жанр» [Graves, 2016, с. 9], «новый стиль журнализма» [Там же, с. 10] и «способ критики» [Там же, с. 25]. Л. Грейвс пишет следующее: «Факт-чекинг совмещает в себе традиционные средства составления отчетов и приверженность объективности вместе с аннотационным, критическим стилем, ассоциирующимся в первую очередь с блогерами» [Там же, с. 10], «в широком смысле проверка фактов относится к любому анализу, который публично ставит под сомнение конкурирующую точку зрения» [Там же, с. 25]. Ввиду неопределенности коммуникативного статуса факт-чекинга мы предпочитаем говорить о тактике контраргументации. Как видим, тактика приведения контраргументов активно используется в политических видеоблогах для разоблачения манипуляции.

2.1.5 Тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону

Тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону – это отрицательный ответ на просьбу или требование манипулятора совершить то или иное действие. Для нее характерны речевые конструкции с отрицанием.

Названная тактика используется С. Павловым в ответ на речь Д. Иванова. Видеоблогер Д. (Камикадзе Ди) Иванов говорит об отсутствии у него желания прислушиваться к критическим замечаниям С. Павлова и пытается дискредитировать тех, кто выступает с критикой в его адрес и обвинениями в фальсифицировании информации. Д. Иванов заявляет: «*Потому что у меня нет*

никакого желания вводить мою аудиторию в мысль оскорбительную для меня / что я фальсифицирую факты // **Идите к черту те** / кто думает / что я фальсифицирую факты //». На прием речевой агрессии С. Павлов отвечает так: «**А вот не пойдём!** // Потому что Камикадзе и тогда соврал / и снова врет // Вот / например пост в его группе "Вконтакте" "Сатира без позитива" // (зачитывает пост) У проходной Синарского трубного завода в Каменске-Уральском висит баннер "Работай без зарплаты" // И примечание самого Камикадзе / Даже я на секунду задумался / а не фотошоп ли? // Нет / не фотошоп / просто Россия // Тысячи лайков и сотни репостов тех / кто даже на секунду не задумывался // А надо было бы задуматься чуть больше / чем на секунду // <...> // Это была Всероссийская акция "Неделя без турникетов" // День открытых дверей по старому / и на завод приходили школьники и студенты» [12]. Тактика отказа изменить поведение (в ней используется предикат-отрицание *не пойдём*) предшествует тактике приведения контраргументов.

Другой видеоблогер с псевдонимом «Быть Или» выпускает видеоролик, имеющий характер ответа на очередной критический обзор С. Павлова, который приводит опровергающие аргументы на утверждение Быть Или о том, что при В. Путине уровень жизни в России лучше не стал, в том числе по уровню преступности, который, по словам Быть Или, равен уровню латиноамериканских стран. В своем видеоролике Быть Или обращается к С. Павлову с речью, в которой используются манипулятивная тактика апелляции к чувству вины и тактика бездоказательного обвинения: «**Слушай / вот скажи честно / тебе не стыдно?** // Тебе же здесь жить / твоим детям // Ну ты и твои коллеги такими роликами просто **топите страну**» (Быть Или в продолжении своего видеоролика объясняет, почему С. Павлов и его коллеги журналисты топят страну: из-за того, что своими опровергающими роликами разжигают войну; называет их лжецами и преступниками (эта часть видеоролика не была включена С. Павловым в его обзор). – М.П.) [37]. С. Павлов отвечает: «**Ваше не стыдно** // Это же не я передергиваю и брешу / что роста нет / ничего не изменилось / не я таблички подправляю под свою концепцию» [20]. Объект манипуляции

отказывается ставить себя в позицию виноватого, используя тактику отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону.

2.2 Субстратегия речевого контрманипулятивного маневрирования и реализующие ее тактики

Субстратегия контрманипулятивного речевого маневрирования – это совокупность тактик, преследующая задачи не разоблачения манипулятора, а уклонения от его воздействия путем привлечения внимания адресата к манипулятивным речевым действиям без его прямого разоблачения и тем самым предоставления адресату возможности более критического осмысления ситуации. В проанализированном нами материале не представлены речевые единицы, которые можно было бы квалифицировать как контрманипулятивные маркеры, сигнализирующие об этой стратегии, однако их роль могут выполнять языковые особенности оформления тактик.

Субстратегия речевого маневрирования, включает следующие тактики:

- а) тактика повтора слов манипулятора,
- б) тактика мнимого согласия с манипулятором,
- в) тактика указания на правомерность личной позиции / мнения.

2.2.1 Тактика повтора слов манипулятора

Тактика повтора слов манипулятора представляет собой произнесение вслед за манипулятором его же слов/высказываний с целью привлечь к ним внимание аудитории, поставить их под сомнение. Так, например, А. Шарий повторяет некоторые слова А. Навального, обращая внимание аудитории на отсутствие у этого политика внятной программы действий.

А. Навальный: *«В стране ни черта не работает / они проверяют и проверяют // Что проверяют? // Я отменю эти проверки на следующий день // (слышатся воодушевленные возгласы публики) <...> Нет проблем их отменить*

вообще! // **Я сокращу** их количество в 500 раз! // <...> **Я разгоню** к чертовой матери Роскомнадзор // Он вообще не нужен!». Как основная используется тактика обещаний, необходимость которых не аргументирована, что нарушает постулат релевантности. Тезис (*В стране ни черта не работает*) носит генерализованный характер (по типу «все мужики сволочи») и подкрепляется псевдоаргументом, оформленным с помощью манипулятивного приема «неопределенного референтного индекса»: *они проверяют и проверяют*.

А. Шарий комментирует эту речь следующим образом: «*Короче / я понял // Я разгоню / я сокращу / <...> // По ходу / на самом-то деле / Алексею надо сказать / я одолжу денег и найму наконец-то себе экономистов и юристов / которые будут писать мою программу / которой у меня по сути нет // Я одолжу эти деньги / и вы поможете мне в этом // Школьники / пришлите мне денег //*» [47].

С. Павлов использует тактику повтора слов манипулятора в следующей коммуникативной ситуации. А. Навальный в выступлении на митинге в Новосибирске утверждает, что за последние 10 лет в Новосибирской области не было построено ничего такого, благодаря чему жители этой области могут стать богаче и жить лучше (манипулятивная цель – дискредитация власти путем убеждения людей в ее бездействии): «*Что в Новосибирской области построили за последние 10 лет? // <...> Наверное / завод какой-то / что-то сделали? // Предприятие какое есть? // Что такое появилось / благодаря чему мы можем стать богаче / можем жить лучше? // Ничего*». С. Павлов комментирует: «*Что в Новосибирской области построили за последние 10 лет? // Спрашивает Навальный / и отвечает / ничего // За 10 лет ничего не построили*». И далее в своей речи переходит к контраргументации: «*Только в семнадцатом году в Новосибирской области построено вот это // (приводит скриншоты с различных новостных изданий) Новосибирский электродный завод открыл новую линию // Кока-кола запустила производство в Новосибирске // В области налажено производство модульных конструкций // Открылся первый в России завод волоконно-оптических трансиверов //*» [17]

В комментируемой С. Павловым статье «110 млн. жизней загублено большевиками с 1917–1959 г. (Научное обоснование)» [41] М. Налимов утверждает, что общие потери населения России с 1917 по 1959 год составили 110 млн. человек. Данная цифра, по словам автора, была получена из точных научных расчетов. Манипулятивная цель статьи: дискредитация советской власти, представление Ленина и Сталина в роли тиранов, допустивших смерть большого количества людей. С. Павлов следующим образом комментирует эту статью: «*Михаил Налимов / координатор всероссийского оргкомитета "За вынос Ленина!" // <...> Кстати эта статья широко по сети разошлась (показывает скриншот поиска данной статьи в поисковике Google) Расчет простой*». Далее показывает скриншот статьи и зачитывает фрагмент ее текста):

«а) Численность населения России в 1917г. в границах до 17 сентября 1939 г. был, а 143,5 млн.

б) Естественный прирост населения за 1919–1939 годы нормально должен быть 64,4 млн.».

С. Павлов обращает внимание на такой факт: «**Ключевое слово здесь "Нормально должен быть"**» и читает дальше:

«в) Механический прирост населения в 1940 году, вследствие присоединения к СССР новых территорий 20,1 млн.

г) Прирост населения за 1940-59 гг. в современных границах нормально должен быть 91,5млн.»

С. Павлов повторяет слова, используемые манипулятором в тактике бездоказательных утверждений: «**Опять нормально должен быть**» [6].

С помощью тактики повтора видеоблогер ставит под сомнение слова манипулятора.

2.2.2 Тактика мнимого согласия с манипулятором

Тактика мнимого согласия с манипулятором – это тактика, которая заключается в использовании слов, словосочетаний или фраз, создающих

видимость согласия с манипулятором. О данной тактике сигнализируют слова и речевые обороты: *да, конечно, без сомнения, согласен, все понятно, вот в чем дело.*

Так, например, А. Шарий выражает согласие с авторами (А. Навальным и Д. Ивановым (Камикадзе Ди)) видеороликов, которые заявляют о накрутке просмотров и «лайков» у блогеров, по их мнению, работающих на Кремль, в число которых входит и сам А. Шарий.

А. Навальный использует тактику бездоказательных утверждений, в языковом оформлении которых содержится прием «неопределенного референтного индекса» (кто «мы» и что «все»?): *«И я честно скажу / я не понимаю / зачем вы забываете все мои комментарии вопросам / поддерживаешь ли ты Камикадзе // Ну конечно я его поддерживаю / естественно я его поддерживаю / абсолютно правильные вещи он говорит // И мы видим это все».* А. Шарий комментирует: *«Да / конечно // Без сомнения / с этими вещами не поспоришь // Теперь воруют просмотры»* [59]. Используются маркеры *да, конечно, без сомнения.*

Д. Иванов, утверждая, что администрация Кремля накручивает «лайки» на канале А. Шария, переходит к тактике речевой агрессии. С помощью программы, считающей «лайки», показывает аудитории, как у видеоролика А. Шария начислялись «лайки» за его видео, и говорит: *«Пять тысяч / одиннадцать тысяч лайков // Какое же ты ничтожество / Толя».* А. Шарий мнимо соглашается: *«Согласен // Я абсолютное ничтожество».* Оппонент продолжает: *«Какой ты никчемный / господи!».* А. Шарий не возражает: *«Да сто процентов!»* (слова произносятся с той же спокойной интонацией) [56]. В речи А. Шария отметим наличие таких контрманипулятивных маркеров, как *согласен, да.* Д. Иванов считает видеоролики А. Шария «прокремлевскими», то есть поддерживающими политику президента В. Путина.

А. Навальный использует манипулятивную тактику самопохвалы с целью ухода от ответа на поставленный вопрос (*«Я отлично ориентируюсь в цифрах»*).

К. Собчак: Вы знаете сколько сейчас Россия тратит в процентах от ВВП на здравоохранение? //

А. Навальный: Я знаю / Ксения / все // Я отлично ориентируюсь в цифрах // (самой цифры не произносит. – М. П.)

А. Шарий комментирует сказанное А. Навальным, выражая мнимое согласие с ним: *«Конечно знает! // Он же не стал бы писать в своей программе то / чего не знал // Он не стал бы с такой уверенностью рассказывать про увеличение в два раза / если бы он не знал // Два раза от чего // Конечно знает! //»* [58]. Повтор тактики мнимого согласия создает кольцевую композицию ответа-возражения.

Рассмотрим также комментарий С. Павлова на видеоролик журналиста М. Шевченко [36], в котором говорится о том, что Россия продает газ Китаю в несколько раз дешевле, чем своим же гражданам (цель статьи – дискредитация российской власти). М. Шевченко использует т.н. «манипуляцию числами»: *«Но это не источник денег // Откуда же они берут деньги / товарищи? // А я вам скажу откуда // В Китай газ продается за 80 копеек за кубометр / а российскому населению / в Иркутской области например / пять двадцать»* [30]. С. Павлов с притворной одобряющей интонацией произносит фразы (они же выступают маркерами) *«Вот в чем дело», «Все понятно»* и переходит к контраргументации: *«Россиянам газ продают в шесть-семь раз дороже / чем китайцам // Вот в чем дело // Вот откуда берутся нефтегазовые доходы // За счет самих же россиян // Все понятно // Если не проверять // <...> По данным / которые публиковал сам Китай / известно / что российский газ для Китая стоил 236 долларов за тысячу кубометров (показывает скриншот статьи «Почем газ для Китая: Россия бьет США и по СПГ» с сайта eadaily.com) // Получается 23 цента за кубометр // Умножаем на курс доллара / который был в тот момент / и выходит у нас около 15 рублей // То есть примерно втрое больше / чем для Иркутской области»* [32].

Как видим, тактика мнимого согласия может использоваться в качестве переходной к контрастному переключению тактики, то есть предшествовать переключению на субстратегию речевого сопротивления.

2.2.3 Тактика указания на правомерность личной позиции / мнения

Тактика указания на правомерность личной позиции / мнения – это тактика, состоящая в указании на то, что другая позиция является правомерной и/или оправданной. В речевом оформлении данной тактики участвуют речевые обороты *«иметь (на это) право», «это (чье-либо) право»*.

Например, А. Навальный в своем видеоролике негативно высказывается о решении К. Собчак участвовать в выборах президента России в 2018 году, использует т.н. «нагруженный язык» (метафоры *кремлевская игра*, эпитеты *омерзительной, посмешище*): *«Насколько я понимаю / все-таки она похоже приняла решение даже не выдвигать свою кандидатуру / а участвовать в этой довольно омерзительной кремлевской игре под названием «Давайте притащим на выборы такого / такое вот либеральное посмешище»*. А. Шарий в ответ указывает на правомерность участия К. Собчак в выборах: *«Может Кремль оплатил / может Госдеп / кто знает / но ведь люди имеют на это право»*. И далее А. Навальный говорит: *«Зарабатывает она деньги совсем не на том / что она просто из некой семьи получает / но и пусть бы там зарабатывала // Вот я бы хотел / чтобы она там осталась / а не зарабатывала на избирательных компаниях»*. А. Шарий отвечает с использованием той же тактики: *«Это ее право опять-таки // Это ее право»* [54].

А. Навальный также негативно высказывается о сторонниках В. Путина – российских хоккеистах А. Овечкине, П. Буре и И. Ковальчуке, пытаясь их дискредитировать с помощью тактики негативно-оценочного снижения образа: *«Начнем с инициатора / прославленного Александра Овечкина // Овечкин провозгласил свою преданность Путину давно // Вот посмотрите / футболки с ликом президента / чехольчики / видеопоздравления»*. А. Шарий указывает на

правомерность позиции хоккеистов: «*Опять-таки / ну и что? // Ну он не имеет право на это или что?*» [48].

Блогеры в речевой контрманипуляции, как правило, указывают на правомерность не собственной позиции, а позиции того человека, которого они защищают.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Выявлено, что для политических видеоблогов наиболее характерна субстратегия прямого контрманипулятивного сопротивления, на что указывает преобладание составляющих ее тактик (88,1 %). Реже (в 11,9 %) используется субстратегия контрманипулятивного речевого маневрирования, направленная на уклонение от манипулятивного воздействия путем привлечения внимания адресата к манипулятивным речевым действиям без его прямого разоблачения и тем самым предоставления адресату возможности критического осмысления ситуации.

Высокая частотность использования в русскоязычных видеоблогах субстратегии контрманипулятивного сопротивления обусловлена интенцией блогеров убедить аудиторию (подписчиков) в манипулятивном поведении оппонента и тем самым склонить ее к своему мнению. Наиболее частотными являются тактика обнажения манипулятивной тактики и/или приема(-ов) (41,4 % от общего числа употреблений тактик) и тактика приведения контраргументов (30,6%). Менее частотны тактика обнажения намерения манипулятора (8,7%), тактика постановки вопроса о намерении манипулятора (4,7%), тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону (2,7%), тактика мнимого согласия с манипулятором (3,8%), тактика повтора слов манипулятора (5,4%) и тактика указания на правомерность личной позиции / мнения (2,7%).

В речи на субстратегию речевого сопротивления указывают контрманипулятивные маркеры *разберем миф; я расскажу, как создают фейки*.

Субстратегия контрманипулятивного речевого сопротивления в русскоязычных видеоблогах реализуется с помощью тактик: 1) тактики обнажения намерения манипулятора, которая направлена на обличение скрытой манипулятивной цели путем ее вербализации; 2) тактики постановки вопроса о намерении манипулятора, указывающей на наличие манипулятивного намерения или ставящей под сомнение открытость истинной цели; 3) тактики обнажения манипулятивной тактики и/или приема(-ов), которая называет и/или описывает (характеризует) тактику и/или и прием манипуляции; 4) тактики приведения контраргументов, в которой идет представление опровергающих тезисы манипулятора фактов; 5) тактики отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону, в которой используется отрицательный ответ на просьбу или требование манипулятора совершить то или иное действие.

В качестве контрманипулятивных маркеров в тактике обнажения манипулятивной тактики и/или приема(-ов) широко используются речевые конструкции, указывающие на действия манипулятора: *X играет на чувствах / противоречит сам себе / вешает лапшу / предлагает поверить / никаких доказательств не приводит / предлагает поверить на слово / (что-либо) не показывает / выдает (что-либо) за (что-либо) / хочет пробудить (что-то) / наврал* и т.п. Речевым маркером тактики отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону выступает отрицательная частица «не» в сочетании с глаголами, обозначающими желаемые для манипулятора действия. Выявлены речевые контрманипулятивные маркеры тактики постановки вопроса о намерениях манипулятора: *Но зачем говорить, что...?; Как вы думаете почему?; Почему именно про (что-либо) надо так долго рассказывать?* Для тактики обнажения намерения манипулятора характерны такие речевые маркеры, как *X (кто-либо) пропирарился / добивается (чего-либо); превращает (что-либо) в фейк-историю.*

Субстратегия контрманипулятивного маневрирования реализуется с помощью следующих тактик: 1) тактика повтора слов манипулятора, которая заключается в произнесении вслед за манипулятором его же слов/высказываний

с целью привлечь к ним внимание аудитории; 2) тактика мнимого согласия с манипулятором, которая предполагает использование слов / словосочетаний для создания видимости того, что с манипулятором соглашаются или принимают его точку зрения с целью привлечения внимания к определенным словам манипулятора; 3) тактика указания на правомерность личной позиции / мнения, вербализующая право оппонента иметь собственную позицию / мнение. Для тактики мнимого согласия с манипулятором характерны слова: *да, конечно, без сомнения, согласен* и др.; тактике указания на правомерность личной позиции / мнения свойственны фразы *иметь (на это) право, это (чье-либо) право*.

Анализ собранного материала по преобладающей стратегии позволяет выделить особую разновидность политического видеоблога – контрманипулятивный видеоблог, который определяется нами как тип политического видеоблога, в котором блогер, используя как вербальные, так и невербальные (мимика, интонация, жесты, видео и аудиоряд) способы, стремится нейтрализовать влияние какого-либо манипулятора на широкую интернет-аудиторию.

ГЛАВА 3. РЕЧЕВАЯ СИНТАКТИКА В КОНТРМАНИПУЛЯТИВНОМ СЦЕНАРИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВИДЕОБЛОГА

3.1. Контрманипулятивный коммуникативный сценарий и речевая синтактика: определение и соотношение понятий

В литературе существует термин коммуникативный сценарий, который понимается как свернутая когнитивная модель (схема) речевого поведения, хранящаяся в долговременной памяти [Шляхов, 2008, с. 27–28]. Этот термин может быть использован для описания феномена речевой контрманипуляции.

Политические видеоблоги строятся по определенному **контрманипулятивному сценарию**, под которым мы понимаем **подготовленный и реализованный детальный план (схему) нейтрализации манипуляции с использованием как вербальных, так и невербальных (мимика, жесты, видео и музыкальный ряд) способов воздействия**. В данном исследовании мы не анализировали невербальную сторону контрманипулятивного сценария.

Видеоблогеры, как правило, включают видеоряд и продолжают свою речь. В единичных случаях при включении видеоряда использовались такие фразы и выражения, как *Х. написал, стал распространять, показывает (что-то), прикладывает (что-то); и ещё одно видео, вот пост в группе; берем (что-то), считаем (что-то); если пойти на (какой-то) сайт* и т.п. Например: *Навальный написал...; В латиноамериканских СМИ и соцсетях стали распространять вот это видео...; Об этом была статья в газете....; И ещё одно видео с канала «Радио Свобода»...; Берем статистику Навального...; Бытя прикладывает скрин с сайта ТАСС...; Но если неожиданно пойти на сайт Госкомстата / оказывается.....; Вот / например пост в его группе.....*

В некоторых научных работах отмечается, что коммуникативные / речевые тактики в тех или иных ситуациях общения могут находиться в определенной последовательности. Так, «своеобразные последовательности тактик»,

используемых членами жюри в телепроекте «Голос» в ситуации согласия / отказа, А.С. Герасимова называет «вариантами коммуникативного синтаксиса» [Герасимова, 2016, с. 12]. В ее работе встречаются также сочетания «стратегический коммуникативный синтаксис» [Там же, с. 73] и «коммуникативный синтаксис тактик» [Там же, с. 108]. Исследователь не дает дефиниций этим понятиям, но замечает, что обозначение «своеобразный коммуникативный синтаксис» «...условно и не сводится к понятию "коммуникативный синтаксис", введенному Г.А. Золотовой [Там же, с. 91].

Идея описания последовательностей используемых в речевом общении тактик нам кажется перспективной, однако для их характеристики предлагаем использовать сочетание «синтактика тактик» («тактическая синтактика»), поскольку считаем, что термин «синтактика» более точно отражает суть описываемого явления, по сравнению с термином «синтаксис». Исходя из значения термина «синтактика» («отношения между знаками во временной последовательности в коммуникативном процессе, в частном случае – в речевой цепи» [Русский язык. Энциклопедия, 1998, с. 162]), **контрманипулятивной речевой синтактикой мы называем последовательные отношения между речевыми тактиками, используемыми в ситуации сопротивления манипулятору.**

В русскоязычных политических видеоблогах в рамках одной коммуникативной ситуации встречаются последовательности речевых тактик (от двух до трех), характерных для разных субстратегий. Наиболее частым является взаимодействие двух тактик речевого контрманипулятивного воздействия (64% от общего употребления тактик). Последовательности тактик могут быть строгими, т.е. четко закрепленными (обозначаются знаком =>), и нестрогими (их факультативная последовательность обозначена знаком <=>).

Нестрогая речевая синтактика свойственна использованию тактик: тактика обнажения тактики и/или приема манипулятора <=> тактика приведения контраргументов; тактика повтора слов манипулятора <=> тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов). Приведем примеры.

Тактика обнажения тактики и/или приема манипулятора <=> тактика приведения контраргументов

Тактика обнажения приема манипуляции как предшествует тактике приведения контраргументов, так и следует за ней.

С. Павлов в своем видеоблоге показывает скриншоты публикаций, размещенных на нескольких сайтах украинских СМИ, о закрытии Крымского моста, цель которых – дискредитация российской власти: *«Украинские СМИ / что интересно со ссылкой на российские / сообщают / что уже с 1 мая движение по Крымскому мосту будет перекрыто // (показывает скриншот статьи «Крымский мост будет закрыт: стали известны громкие подробности» с сайта украинских новостей <https://replyua.net>) На протяжении всего лета по Крымскому мосту будет запрещен проезд грузовых автомобилей массой более 12 тонн // (показывает скриншот статьи «Крымский мост закрывают: в России сообщили о важной проблеме» с сайта украинских новостей <https://politeka.net>) Новая проблема с Крымским мостом / детали конфуза // (показывает скриншот статьи «У россиян случилась новая проблема с Крымским мостом: детали конфуза» с сайта <https://glavred.info>) <...> Глюпые москали запустили версию о выжидаемой чрезвычайно сильной жаре в Крыму // (показывает скриншот статьи «У россиян новая проблема с Крымским мостом: детали «непоняток» с сайта украинских новостей <https://vesti-ua.net>)».* Как видим, в заголовках статей используется речевая тактика умолчания (умалчиваются источники информации, а также объект запрета проезда по мосту), которая реализуется с помощью разных приемов: приема «неопределенного референтного индекса» (*Крымский мост закрывают*), приема референциальной манипуляции (*глюпые москали*).

С. Павлов в процессе опровержения информации, подаваемой украинскими СМИ, использует сначала тактику обнажения одного из манипулятивных приемов (использование неподтвержденной, т.е. бездоказательной, информации), а затем тактику приведения контраргумента в виде цитаты из первоисточника: *«А теперь немного официальной информации / а не слухов // Она нам все прояснит // Заходим на сайт «Автодора» и читаем // (показывает скриншот статьи*

«Ограничения движения в период возникновения неблагоприятных природно-климатических условий» с сайта <http://rosavtodor.ru>) «В летний период ограничение вводится для тяжеловесных транспортных средств при их движении по федеральным автомобильным дорогам с асфальтобетонным покрытием при значениях дневной температуры воздуха свыше 32 °С путем внесения в специальное разрешение записи следующего содержания: «при введении временного ограничения в летний период движение разрешается в период с 22.00 до 10.00». После цитирования он продолжает: «Делается это в соответствии с федеральным законом от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» <...> **Еще раз / ограничения касаются всех дорог федерального значения / всех // И ограничивать собираются не на все лето / а только когда температура выше 32 // мост тут вообще ни при чем //**» [16].

Следующая речевая ситуация демонстрирует обратную последовательность тактик, в которой тактика приведения контраргументов предшествует тактике обнажения тактики / приема манипулятора. В ней С. Павлов комментирует посты с нескольких сайтов о том, что животные (в данном случае лисы), по словам авторов, спасаясь от пожаров, выходят к людям за едой, чтобы выжить, так как из-за дыма в лесу они не могут дышать и добывать себе пищу. Таким образом, данные сайты дискредитируют российскую власть, утверждая, что она не тушит пожары, вследствие чего голодные животные вынуждены спасаться и выходить к людям.

С. Павлов: «История с горящей тайгой переходит в новую фазу // Теперь придумали новый ход / звери спасаются из леса и приходят к людям за едой // (зачитывает пост на сайте «ВКонтакте» в группе «Znak.com») "Дикие животные просят у людей пропитания // В их лесу не только нечего есть / но и нечем дышать // Сибиряки бросают им / что есть с собой / сникерсы // Хотя это / конечно / экономически невыгодно" // <...> **Голодуха у зверей может быть от чего угодно // от холодного лета / от засухи / от затяжной весны и так далее /**

а не только от пожаров // И они и раньше выходили к человеческому жилью // Те же лисы выходили к людям и раньше // (показывает скриншоты статей с различных сайтов с новостями о том, что лисы выходят из лесов к людям) В разное время года / и тоже про пожары не говорится // <...> А нам преподносят это как нечто такое / чего раньше не было // <...> А может это просто потому / что не было тогда еще соцсетей и групп-фейккометов типа "Science наука" / которые берут фотографии из Калифорнии и Австралии и выдают их за фотографии из Сибири // (показывает скриншот поста в группе «Science|Наука» на сайте «Вконтакте» с изображениями обгоревшего зайца и овцы) Для разоблачения манипуляции С. Павлов использует тактику приведения контраргументов (голодуха у зверей может быть от чего угодно; и они и раньше выходили к человеческому жилью) с последующей тактикой обнажения тактики умолчания (а нам преподносят это как нечто такое / чего раньше не было). В примере также раскрывается технология подтасовки фактов (берут фотографии из Калифорнии и Австралии и выдают их за фотографии из Сибири) [13].

Последовательность «тактика приведения контраргумента => тактика обнажения манипулятивного приема» используется С. Павловым в комментарии на новость, прозвучавшую в нескольких СМИ, о том, что В. Путин поднял зарплату себе и премьер-министру Д. Медведеву на 4,3%: *«Чуть ли не все мировые СМИ посчитали своим долгом сообщить нам вот такую новость // (зачитывает заголовки статей из различных новостных интернет-изданий) BBC / Путин повысил зарплату себе и Медведеву // Президент России в свой день рождения / 7 октября / поднял зарплату себе и премьер-министру на 4,3% // Радио Свобода / Путин повысил зарплату себе / Медведеву и Шойгу // Медуза / Путин повысил зарплаты себе и Медведеву // Форбс / Путин в свой день рождения повысил зарплату себе и Медведеву // <...> Те же РИА Новости за несколько дней до этого опубликовали следующую новость // (показывает скриншот статьи с сайта и зачитывает новость) "Зарплаты двух миллионов работников бюджетной сферы вырастут с 1 октября на 4,3%, соответствующее*

распоряжение было подписано премьером РФ Дмитрием Медведевым в марте. В таком же размере повысятся оклады судей и военнослужащих. Индексация затрагивает работников федеральных казенных, бюджетных и автономных учреждений, а также работников федеральных госорганов и гражданского персонала воинских частей" // *То есть на 4,3 % повысили зарплаты двум миллионам бюджетников / а все эти честные и неподкупные **подают дело так / как будто Путин и вправду повысил только себе** //*. В речи С. Павлова используется речевой маркер обнажения тактики намеренного искажения информации (*подают дело так / как будто...*) [27].

Приведем пример, в котором тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) «окольцовывает» тактику приведения контраргументов. Эту последовательность тактик использует С. Павлов для противодействия манипуляции Л. Соболь, которая с целью дискредитации В. Путина утверждает отсутствие в стране программы по утилизации и переработке бытовых стеклянных отходов. В комментарии С. Павлов указывает на бездоказательность речи Л. Соболь и приводит контраргумент: *«Нет такой программы // Ну Люба Соболь же про нее ничего не знает / поэтому нет // А вот это что? (показывает скриншот документа «Государственная программа Российской Федерации “Охрана окружающей среды” на 2012–2020 годы») // Государственная программа Российской Федерации / Охрана окружающей среды на 2012-2020 годы // И в этой программе предусмотрено строительство мусоросортировочных станций для сортировки и переработки твердых бытовых отходов // И эту программу даже начали внедрять на практике (показывает скриншоты статей об установке контейнеров для отдельного сбора мусора с различных сайтов) // Может не так быстро / как хотелось бы / но Соболь-то в своей передаче сказала / что такой программы вообще нет //»* [21].

Тактика повтора слов манипулятора <=> тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов)

С. Павлов использует тактику повтора слов манипулятора с целью привлечь к ним внимание аудитории с последующим уточняющими вопросами, комментируя ролик видеоблогера с канала «Pravda GlazaRezhnet». В этом ролике утверждается, что президент РФ владеет огромной суммой денег, на которую Россия могла бы жить безбедно 10 тысяч лет, то есть используется стратегия дискредитации В. Путина.

«Pravda GlazaRezhnet»: «Уставный капитал фонда 750 квадриллионов рублей // Эту сумму даже не представить / более 15 нулей // Вы сами можете в этом убедиться //».

С. Павлов: «Эту сумму действительно не представить / поэтому давайте убедимся // На сайте Федеральной налоговой службы действительно есть сведения о юрлице "Международный благотворительный фонд "Рюриковичи от родства Августа Кесаря"» // (показывает скриншот с сайта ФНС России с информацией о данном фонде) И таки да! // У этого фонда восемнадцатизначная сумма в графе "Уставный капитал" // <...>»

*«Pravda GlazaRezhnet»: «Если разделить эту немыслимую сумму на каждого гражданина России / то у каждого окажется по 5 миллиардов // <...> Даже не знаю что сказать // Такие огромные суммы // На эти деньги страна может безбедно жить 10 тысяч лет // **И все это принадлежит явно не тому / на кого записано // И кто это? // Действительный хозяин России или это деньги Путина? //».***

Видеоблогер использует тактику бездоказательных утверждений. С. Павлов, в свою очередь, повторяет его слова (**И все это принадлежит**) и использует тактику обнажения приема бездоказательных утверждений, облеченную в форму уточняющих вопросов: *«Вот парень нашел восемнадцатизначную сумму // Как он там сказал? // **И все это принадлежит // А что «это»? // Что именно принадлежит этому Рюриковичу? // Ну или там Путину //»** [26].*

В следующем примере Ю. Гудыменко дискредитирует СССР в лице Сталина, пытаясь выставить Германию в роли жертвы агрессии Сталина. Для этого он использует манипулятивный паралогический прием неправомерной постановки в один ряд Сталина и Гитлера: *«Он **выклянул право оставить себе захваченные на пару с Гитлером Литву / Латвию / Эстонию / часть Польши** //»*.

С. Павлов повторяет слова манипулятора (*Захваченную на пару с Гитлером Литву / Эстонию*) и обличает паралогический прием манипулятора, задавая два уточняющих вопроса, что побуждает зрителей усомниться в правомерности утверждений манипулятора: *«Захваченную на пару с Гитлером Литву / Эстонию // <...> Где можно услышать или почитать / как Сталин клянул Прибалтику? // Ссылочки будут? // Прибалтика вообще-то до войны уже была в составе СССР / что кстати признавали и на западе //»* [33].

С. Павлов применяет то же сочетание тактик в ответ на манипулятивное противопоставление Украины России, используемое В. Зеленским. Политик стремится убедить аудиторию в том, что граждане Украины, в отличие от России, живут в свободной стране. Для реализации данной цели В. Зеленский использует тактику бездоказательных утверждений с использованием слов-лозунгов: *«Но отличие Украины, в частности, заключается в том, что мы, украинцы, имеем в своей стране свободу слова, и свободные СМИ, и интернет»*. С. Павлов повторяет за В. Зеленским его слова (*Свободный интернет*) и задает несколько уточняющих вопросов, обличая манипулятивный прием В. Зеленского: *«Свободный интернет? // А что там с блокировкой социальных сетей? // (Показывает скриншот статьи «В Украине просят отменить блокировку “ВКонтакте”») Уже отменили? // Журналисты из тюрем и иммиграции уже вернулись? // Громкие убийства журналистов / Бузины / Шереметы полностью расследованы? //»* [14].

Продемонстрируем обратную последовательность рассматриваемых тактик в следующем примере.

Видеоблогер А. Шарий использует тактику обнажения манипулятивной тактики умолчания информации в речи А. Навального (*ну просто забыл*), а также

тактику повтора слов манипулятора для привлечения внимания аудитории к бездоказательному ответу А. Навального (*Эти законы антиконституционные*) на вопрос ведущего на радио «Эхо Москвы». А. Навальный говорит, что у него есть право баллотироваться в президенты РФ и перечисляет критерии, по которым он подходит на этот пост, со ссылкой на конституцию РФ. Однако он не говорит про еще один главный критерий, о котором ему напоминает ведущий.

А. Навальный: *«Для того / чтобы Кремлю торпедировать нашу избирательную кампанию / они говорят / что я не имею права баллотироваться // В конституции / вот в этой самой плохонькой конституции четко написано / что баллотироваться в президенты может человек / которому больше 35 лет // Вроде мне больше // Который дееспособен // Вроде как я пока дееспособен / и не находится в местах лишения свободы // К счастью я сейчас на радиостанции «Эхо Москвы» / поэтому имею право баллотироваться и буду баллотироваться //».*

А. Шарий: *«А / еще кое-что там / ну просто забыл да бывает такое // Но когда ему напоминают он парирует просто //».*

Ведущий: *«Ну существуют еще и законы Российской Федерации / где в частности говорится / о наличии судимости у кандидата // У вас такая судимость имеется //».*

А. Навальный: *«Эти законы антиконституционные //».*

А. Шарий: *«Вот и все // Эти законы антиконституционные //» [53].*

Существование четко закрепленных отношений между тактиками позволяет выявить контрманипулятивные стратагемы в рамках названных выше стратегий. Перейдем к их рассмотрению.

3.2 Контрманипулятивные речевые стратегемы

3.2.1 Контрманипулятивные речевые стратегемы бинарного типа

В русскоязычном политическом видеоблоге контрманипулятивные речевые стратегемы бинарного типа состоят из двух тактик, характерных для субстратегии прямого речевого сопротивления, либо из двух тактик, одна из которых свойственна субстратегии речевого маневрирования, другая – речевого сопротивления (в этом случае мы имеем стратегему гибридного типа), это такие стратегемы, как:

- тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика постановки вопроса о намерении манипулятора;
- тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика обнажения намерения манипулятора;
- тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора => тактика обнажения намерения манипулятора;
- тактика повтора слов манипулятора => тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов).

Проиллюстрируем каждую из стратегем.

Тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика постановки вопроса о намерении манипулятора

А. Шарий комментирует видеоролик А. Навального о даче В. Путина. Манипулятивную цель А. Навального видим в дискредитации В. Путина путем убеждения аудитории в том, что у президента РФ есть дорогостоящая дача, на территории которой находятся также дом прислуги/гостиница. О существовании этой дачи, по мнению А. Навального, президент умалчивает: *«Итак / вот мы подлетаем к тому самому острову «Лодочный» // (показывает видеосъемку с квадрокоптера, который подлетает к нескольким зданиям на острове среди деревьев) Сейчас мы над соседним полуостровом / и тут сразу среди леса видно большое жилое здание / это скорее всего дом прислуги или гостиница //».*

А. Навальный использует манипулятивную тактику бездоказательных утверждений, говоря о доме прислуги или гостинице. А. Шарий, комментируя слова А. Навального, использует тактику обнажения манипулятивного приема бездоказательных утверждений, выраженную в форме вопроса (*С чего он взял / что это дом для прислуги?*), после чего задает вопрос о намерениях манипулятора (*почему он это сказал?*): **«С чего он взял / что это дом для прислуги? // Вот просто есть у вас какое-то предположение / почему он это сказал? //»** [52].

Тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика обнажения намерения манипулятора

А. Шарий обнажает паралогический прием А. Навального, который использует утверждение, противоречащее его собственным словам, сказанным несколькими минутами ранее. Навальный пытается дискредитировать российскую власть, продвигая тезис, что власть поступает нечестно, не давая права митингующим собираться для мирных протестов: *«Ну мы убедились / что даже на не самых лучших площадках / к нам люди приходят // Именно поэтому нам щас не дают никаких согласований //»*.

После обнажения приема А. Шарий использует тактику обнажения намерения манипулятора (*Алексей таким образом подогревает интерес к своей собственной персоне*): **«Ну как же не дают если вот вроде как дают? // Почему не дают? // <...> Алексей таким образом подогревает интерес к своей собственной персоне //»** [51].

Проследим последовательность контрманипулятивных тактик, используемых далее С. Павловым: *«Обратите внимание на то / как они объединили в один пункт чиновников и всех силовиков // <...> А если его все-таки разбить? // Основной объем расходов на социальную сферу / 36 процентов // На оборону 29 // На национальную экономику 14 (показывает скриншот статьи «Бюджет РФ на 2018 год и на плановый период 2019–2020 гг. Досье» с данными с сайта «ТАСС») // То есть вот в этих 37 процентах / которые нам показал Милов / 29 процентов это оборона / а все остальные силовики плюс чиновники 8 процентов // Так можно / знаете / объединять как хочешь // Кого с кем угодно*

// Например оборона плюс образование с медициной 36 процентов // Социальная сфера плюс оборона 65 процентов //» [11]. Используются тактика обнажения паралогического манипулятивного приема (они объединили в один пункт чиновников и всех силовиков), обличенная также в форму вопроса (А если его все-таки разбить?) и тактика использования контраргументов (Основной объем расходов на социальную сферу / 36 процентов // На оборону 29 // На национальную экономику 14). Интересно отметить, что тактика обнажения приема манипуляции используется еще раз после тактики приведения контраргументов (Так можно / знаете / объединять как хочешь).

Как видим, С. Павлов вначале обличает манипулятивный прием, задавая аудитории вопрос (*А вот это что?*), затем приводит контраргумент (*в этой программе предусмотрено строительство мусоросортировочных станций для сортировки и переработки твердых бытовых отходов // И эту программу даже начали внедрять на практике*), опровергающий тезис манипулятора, и завершает обнажением манипулятивного приема умолчания (*но Соболь-то в своей передаче сказала / что такой программы вообще нет*).

Тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора => тактика обнажения намерения манипулятора

А. Шарий использует данную стратегию, комментируя спор между А. Навальным и К. Собчак в одном из выпусков видеоблога «Навальный LIVE» перед выборами президента РФ в 2018 году. Спор шел о том, говорила К. Собчак А. Навальному или не говорила о предложении ей денег за выдвижение на пост президента. А. Навальный в обоснование невозможности сотрудничать с К. Собчак приводит два тезиса, один из которых является утверждением о факте (*Ты рекламировала водку и черную икру*), второй представляет собой оценочное суждение (субтезис) о том, что в президенты не может выдвигаться человек, который рекламировал черную икру, то есть психологическим аргументом, апеллирующим к чувствам недовольства, негодования. А. Шарий два раза использует тактику постановки вопроса о намерении манипулятора (*Как вы думаете / зачем он говорит именно про черную икру?; Но почему же черная*

икра?), обращая перед этим внимание на повтор информации о рекламе черной икры, затем тактику обнажения его намерения «сыграть» на чувствах аудитории и тем самым вызвать негативное отношение к К. Собчак (*Ярость они и хотят пробудить // Они хотят пробудить вот это вот низменное желание*).

А. Навальный: *«Я нигде до выборов не говорил эту историю / нигде публично не рассказывал // Ты приехала ко мне домой / в два часа ночи // Это был последний наш с тобой разговор до этой встречи за несколько месяцев / там за месяц до того / как ты объявила / и дословно сказала мне и ей (жене А. Навального. – М.П.) сидя и распивая чай // Мне предлагают огромные деньги за выдвижение //».*

К. Собчак: *«Это неправильно / ты сейчас врешь // Я сказала совершенно не так / и ты знаешь / что это не так // Это неправда //».*

А. Навальный: *«Я знаю / что это чистая правда / ты лжешь в каждом своем слове // <...> Ты рекламировала водку и черную икру // Я не хочу / чтобы оппозиция была связана / и она не может быть связана с кандидатом в президенты / который в ходе избирательной кампании / Господи / где это можно было в мире увидеть! / рекламирует черную икру // <...> Сказала бы про Кирилла Шамалова // Про Кирилла Шамалова ты говорила сколько раз? // <...> нужно было говорить про Путина / а ты об этом не говорила! // Нужно было критиковать его коррупцию / не говорить Путин плохой //».*

А. Шарий: *«Все // Здесь Алексей начал говорить / о ком именно должна была говорить Ксения Собчак / кого именно она должна была критиковать // Конкретно должна была критиковать зятя Путина // <...>».*

А. Навальный: *«Я не хочу работать в организации / у которой лидер оппозиции постит рекламу черной икры //».*

А. Шарий: *«Опять черная икра! // Как вы думаете / зачем он говорит именно про черную икру? // Именно черная икра //».*

К. Собчак: *«Смотри сколько раз ты повторил про черную икру // Посмотри сколько раз ты повторил про шикарные виллы Овечкина и прочих поддержавших Путина / хотя ты знаешь / что эти спортсмены / они не поддерживают наши с*

тобой взгляды / но эти люди заработали эти виллы // Это не вороватый чиновник / который купил что-то в Майами / это спортсмены // Они реально много зарабатывают // <...>».

А. Шарий: **«Но почему же черная икра? // А вы не догадались? // Собчак объясняет //».**

К. Собчак: **«И черную икру ты произносишь здесь специально / и ты знаешь сам специально / что это просто популизм / но ты делаешь это идя на поводу у людей / как бы которые специально / понимаешь / ты специально как бы низменное в людях / вот на черную икру чтобы они среагировали //».**

А. Шарий: **«Именно поэтому он и показывал особняки Овечкина и прочих / чтобы разбудить вот эту внутреннюю / черное вот это // <...> **Ярость они и хотят пробудить // Они хотят пробудить вот это вот низменное желание //».****

В данном примере отметим использование контрманипулятивного маркера (они хотят пробудить низменное желание) [56].

Тактика мнимого согласия => тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов)

А. Шарий использует тактику мнимого согласия с манипулятором с последующей тактикой обнажения одной из манипулятивных тактик, а именно тактики безосновательных обещаний, используемой А. Навальным в адрес В. Путина: **«Дорогой Владимир Владимирович Путин / что это у вас нет конструктива / а не у нас? // <...> Потому что наши требования к вам / вашей семье и вашему окружению / **Перестаньте воровать!** // Очень конструктивно! // Потому что коррупция препятствует экономическому росту // Коррупция делает реформы невозможными // Коррупция просто / ну / снижает зарплаты людей // <...> Мы предлагаем реформу / которая сделает судей независимыми / а судей честными //».** Для реализации цели А. Навальный использует тактику бездоказательного обвинения, оформленную с помощью побудительного высказывания со скрытым утверждением-импликатурой (**Перестаньте воровать!**), прием «нагруженного языка». Контрманипулятивный

характер имеет тактика мнимого согласия А. Шария: *«Конструктив? // Коструктив! // Популизм? // Ни в коем случае! //»* [49]. Тактика безосновательных обещаний обнажается словом «Популизм»: позже в видеоролике А. Шарий демонстрирует аудитории, как он заходит на сайт А. Навального и смотрит, что написано в его предвыборной программе о судебной реформе, далее он зачитывает три предложения, которые там есть: *«Судебная реформа / это главный приоритет // Без нее не будет ни одной другой реформы и ничего не будет работать // Мы сделаем судей уважаемыми и действительно независимыми //»*. Больше никакой информации о том, как будет реализована данная реформа, на официальном сайте А. Навального нет.

Приведем еще один пример анализируемой последовательности тактик. В. Милов говорит об увеличении загрязнения воздуха в России угольными электростанциями без приведения фактов, свидетельствующих об этом: *«Видно / что вот здесь очень высокая корреляция городов с загрязненным воздухом / регионами где добывается уголь и преимущественно сжигается на электростанциях // <...> Если бы угольные станции платили за всю эту землю по рыночным ценам / ну они бы просто разорились //»*. Видеооблогер С. Брекотин комментирует его речь, используя последовательность тактик, вначале мнимо соглашаясь с ним, и затем обличая манипулятивный прием бездоказательных утверждений в форме уточняющего вопроса: *«Ну конечно / если платить за отвалы / то все / кирдык сразу // Аргументированное утверждение // Можно какие-то экономические расклады под это утверждение? //»* [1].

Таким образом, нами выявлены четыре типа строгой речевой синтактики, образующие контрманипулятивные речевые стратегемы бинарного типа: тактика обнажения приема манипулятора => тактика обнажения намерения манипулятора; тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика постановки вопроса о намерении манипулятора; тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора => тактика обнажения намерения манипулятора; тактика мнимого согласия => тактика обнажения приема манипулятора. Как видим, тактики прямого сопротивления являются завершающими.

3.2.2 Контрманипулятивные речевые стратегии тернарного типа

Во взаимодействии трех контрманипулятивных тактик также отмечается строгая последовательность в отношениях: тактика повтора слов манипулятора => тактика приведения контраргументов => тактика обнажения намерения манипулятора; тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика использования контраргумента(-ов) => тактика обнажения намерения манипулятора; тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика повтора слов манипулятора => тактика указания на правомерность личной позиции/мнения. Рассмотрим каждую из названных последовательностей.

Тактика повтора слов манипулятора => тактика приведения контраргумента(-ов) => тактика обнажения намерения манипулятора

С. Павлов последовательно использует три тактики для сопротивления манипуляции ведущего видеоблога «Pravda GlazaRezheta». В этом видеоблоге представлена тактика ложной аргументации: она основана на софистической уловке: вывод не следует из приведенных двух аргументов, один из которых ложный. Видеоблогер канала «Pravda GlazaRezheta» использует данную тактику для дискредитации российской власти, пытаясь внедрить в сознание адресата умозаключение, апеллирующее к чувству страха; обвиняет российских судей в тщеславии: *«Зачем правительству вооружать судей? // Упростить им механизм получения оружия и снимать с них ответственность за пользование этим оружием? // <...> В документах указано / что оружие и патроны будут выдавать для самообороны // Только вот интересно от кого? // От нас / простых людей? // <...> А представьте теперь их с оружием // Пистолет им дали // Отстранять их пьяных от управления автомобилем запретили // Делай что хочешь //».*

Контрманипулятивный ответ С. Павлова заключается в повторе слов манипулятора (*Запретили отстранять пьяных*) и привлечении к ним внимания зрителя с последующим приведением контраргумента и завершающим обнажением намерения манипулятора: *«Запретили отстранять пьяных / это он просто врет // Этот фейк запускали когда-то / но он не взлетел / потому что быстро разоблачили // (показывает скриншот с сайта «КонсультантПлюс» с выдержкой о том, что «При наличии достаточных оснований полагать, что судья или прокурор, управляя транспортным средством, находится в состоянии опьянения, сотрудник в целях обеспечения безопасности других лиц принимает меры к прекращению дальнейшего движения транспортного средства до устранения условий, препятствующих дальнейшему движению транспортного средства») Но ради лайков почему не повторить то / что уже давно опровергнуто? // Зачем разбираться в законе / если можно хайпануть? // <...> Он разбирает отмененные пункты закона //»* [15]. Мы наблюдаем переход от тактики повтора слов манипулятора к субстратегии речевого сопротивления, маркированной словами *«этот фейк...»* и включающей тактику приведения контраргумента (ссылка на нормативный документ) и тактику обнажения намерения манипулятора, оформленную с помощью риторических вопросов.

Тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика использования контраргумента(-ов) => тактика обнажения намерения манипулятора

Данная последовательность речевых тактик используется С. Павловым для противостояния манипуляции, содержащейся в нескольких новостных постах в социальной сети «ВКонтакте», в которых дискредитируют российскую власть путем внедрения тезиса: благоустройством города занимаются только для высокопоставленных персон, а не для обычных граждан.

С. Павлов говорит: *«Например / группа "Science Наука" / казалось бы у них должны быть только проверенные научные факты // А вот нет / поди ж ты // опубликовали вот такую картинку // (зачитывает заголовок поста) "В Торжке на мосту перед приходом патриарха Кирилла положили асфальт / а потом его*

сняли / как только патриарх уехал // Умом Россию не понять" // <...> А кто-нибудь знает / почему фотография обрезанная? // И в углу виден краешек какого-то щита // А потому что если это щит показать целиком / то пропадает весь искрометный юмор // (показывает необрезанную картинку с щитом, на котором написано: "Внимание! На мосту уложено временное технологическое покрытие. Соблюдайте осторожность при движении")

Покрытие-то на мосту временное / технологическое // <...> Руководитель ГУП "Торжокское дорожное ремонтно-строительное управление" Дмитрий Богатов также объяснил / что покрытие было временным // (показывает скриншот статьи "В Торжке объяснили, зачем снимают уложенный к приезду патриарха асфальт" на сайте "РИА Новости" и зачитывает отрывок) "Асфальт был уложен специально к приезду патриарха. Ожидался большой наплыв паломников, и поэтому надо было сделать дорогу оперативно. Все работы были бесплатны для местного бюджета, это была спонсорская помощь" // Еще раз / асфальт укладывали не сколько для патриарха / сколько для паломников / которых ожидали в городе // То есть вроде как все для людей / а сам мост вообще-то на капитальном ремонте // К тому же делалось это не за бюджетные деньги / а за спонсорские / но это уже не так смешно / и на такой новости много "лайков" не соберешь // <...> И «хайпа» не будет верно? //» [9].

В приведенном тексте С. Павлов использует тактику обнажения приема манипулятора (*А кто-нибудь знает / почему фотография обрезанная?*), затем тактику приведения контраргументов (*Покрытие-то на мосту временное / технологическое; покрытие было временным; асфальт укладывали не сколько для патриарха / сколько для паломников / которых ожидали в городе; делалось это не за бюджетные деньги / а за спонсорские*), после этого следует тактику обнажения намерения манипулятора (*на такой новости много «лайков» не соберешь // <...> И «хайпа» не будет верно?*).

Тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика повтора слов манипулятора => тактика указания на правомерность личной позиции/мнения

А. Шарий комментирует ситуацию подачи А. Усмановым в суд на А. Навального, который в своем видеоблоге публично заявил, что А. Усманов отсидел в тюрьме за изнасилование. А. Навальный при этом ссылается на книгу, в которой якобы об этом написано, но цитаты не приводит и саму книгу аудитории не показывает. На этот факт и указывает видеоблогер А. Шарий, обнажения манипулятивную тактику бездоказательных утверждений, нарушение в речи А. Навального закона противоречия (*А книга где?; ты же с книги подчерпнул данную информацию / какой сайт?*). Далее А. Шарий использует тактику повтора слов манипулятора (*У меня нет никаких подтверждений кроме книжки*), привлекая внимания к ним и побуждая зрителя усомниться в достоверности информации. Завершающей становится тактика указания аудитории на правомерность их личной позиции / мнения о том, кому верить (*Это лично ваше мнение кому верить*).

А. Навальный (обращается с речью к А. Усманову): *«Анализируя вашу биографию / я опираюсь на конкретный письменный источник // <...> **История про изнасилование / это книга** // <...> То / что вас посадили в советские времена за махинации / это медицинский факт / вы сами этого не отрицаете //»* (показывает видеофрагмент с речью с А. Усманового).

А. Усманов: *«Я шесть лет / в отличие от тебя (обращается к А. Навальному. – М. П.) отсидел в тюрьме //»*.

А. Навальный: *«То / что среди обвинений было изнасилование / рассказывает нам бывший посол Великобритании в Узбекистане Крейг Мюррей //»*.

А. Шарий комментирует диалог: *«А книга где? // У него появилась книга на столе / я че-то не вижу? //»*.

А. Навальный: *«И насколько я знаю / лично на посла Мюррея вы в суд ни разу не подавали // А я прямо сейчас захожу на сайт посла и читаю там... //»*.

А. Шарий: *«Стоп / стоп! // Какой еще сайт посла? // <...> А где книга? // Алексей / да ты же с книги подчерпнул данную информацию / какой сайт? //»* (включает фрагмент видео с речью А. Навального).

А. Навальный: *«История про изнасилование / это книга посла Великобритании в Узбекистане тех времен // <...> (зачитывает заголовок статьи с сайта экс-посла Крейга Мюррея) Алишер Усманов / это злобный бандит / преступник / ракутир / торговец героином и человек / обвиненный в изнасиловании //» <...>*

А. Шарий: *«Алексей Навальный наврал / он не вычитал информацию с книги <...> // Книга да? //»* (показывает фрагмент более раннего видео с речью А. Навального про книгу посла)

А. Навальный: *«У меня нет никаких подтверждений / кроме этой книжки / но книжке я вполне доверяю //»*

А. Шарий: *«У меня нет никаких подтверждений кроме книжки // Можно ли это понять как то / что я подчерпнул эту информацию из книжки и других подтверждений кроме книжки у меня нет? // Ну да / мы же оба правильно понимаем русский язык? //».*

А. Навальный: *«Я не знаю что там было // кто кого насиловал или не насиловал // Но давайте подумаем / Алишер Бурханович / кому мы скорей должны поверить? // Вам / очевидному мошеннику и лжецу / или бывшему послу Великобритании? //».*

А. Шарий: (обращаясь к аудитории. – М.П.) *«Это лично ваше мнение кому верить //»*

В речи А. Шария используется контрманипулятивный маркер (*Алексей Навальный наврал*) [50].

Таким образом, контрманипулятивные речевые стратагемы тернарного типа в проанализированном нами материале всегда включают тактику обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов), которая стоит либо в начале, либо в конце последовательности тактик.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Политические видеоблоги строятся по определенному коммуникативному сценарию, который включает в себя демонстрацию манипулятивного материала (как правило, это фрагменты видеороликов) и речевую синтактику, то есть продуманную последовательность тактик речевой контрманипуляции. Речевая синтактика представлена двумя типами: строгим типом (есть фиксированная последовательность речевых тактик) и нестрогим (не прослеживается четкая закономерность в расположении речевых тактик).

Нестрогий тип синтактики представлен сочетаниями: тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) \Leftrightarrow тактика приведения контраргументов; тактика повтора слов манипулятора \Leftrightarrow тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов). Тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) может как предшествовать тактике приведения контраргументов или тактике повтора слов манипулятора, так и следовать после одной из этих тактик.

Реализации строгой речевой синтактики нами предложено именовать речевыми контрманипулятивными стратагемами.

В русскоязычном политическом видеоблоге используются следующие контрманипулятивные стратагемы бинарного типа: тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) \Rightarrow тактика обнажения намерения манипулятора; тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) \Rightarrow тактика постановки вопроса о намерении манипулятора; тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора \Rightarrow тактика обнажения намерения манипулятора; тактика мнимого согласия \Rightarrow тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов).

В сочетании трех тактик строгие отношения характерны для следующих цепочек (контрманипулятивные речевые стратегии тернарного типа): «тактика повтора слов манипулятора \Rightarrow тактика приведения контраргументов \Rightarrow тактика обнажения намерения манипулятора»; «тактика обнажения манипулятивной тактики / приема (-ов) \Rightarrow тактика приведения контраргументов \Rightarrow тактика

обнажения намерения манипулятора»; тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика повтора слов манипулятора => тактика указания на правомерность личной позиции/мнения.

Таким образом, речевая контрманипулятивная стратегия характеризуется как строгой, так и нестрогой речевой синтактикой, при этом завершающей в ней чаще является тактика, свойственная субстратегии прямого речевого сопротивления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено лингвистическому описанию стратегии контрманипулятивного речевого воздействия, используемой в русскоязычных политических видеоблогах.

Речевая контрманипуляция представляет собой стратегию речевого воздействия, направленную на нейтрализацию манипулятора с помощью прямого речевого противостояния (сопротивления) ему и/или речевого маневрирования.

В политических видеоблогах она осуществляется с помощью двух субстратегий:

1) субстратегии контрманипулятивного речевого сопротивления, представляющей собой совокупность речевых тактик, направленных на разоблачение манипулятора путем обнажения (вербализации) манипулятивной цели и/или приема(-ов) или опровержение его слов;

2) субстратегии контрманипулятивного речевого маневрирования, состоящей в уклонении от влияния манипулятора путем привлечения внимания адресата к манипулятивным речевым действиям без его прямого разоблачения и тем самым предоставления адресату возможности более критического осмысления ситуации.

Характерной особенностью речевой контрманипуляции в русскоязычном контрманипулятивном видеоблоге является наличие контрманипулятивных маркеров – речевых единиц, выполняющих функцию актуализации намерения контрманипулятора в пределах той или иной применяемой им речевой субстратегии или тактики, сигнализирующих об этом намерении. Для субстратегии прямого контрманипулятивного сопротивления характерны маркеры типа *разберем миф; я расскажу вам, как создаются фейки*; использование лексем, входящих в лексико-семантическое поле «ложь, обман»: *миф, фейк, фейк-история, фейк-новости, легенда, выдумка, брехня*. В качестве контрманипулятивных маркеров в различных тактиках широко используются речевые конструкции, указывающие на действия манипулятора (*X играет на*

чувствах / отлично пропирался / противоречит сам себе / дают повод для критики / вешает лапшу / предлагает поверить и т.п.).

Субстратегия контрманипулятивного речевого сопротивления реализуется с помощью тактики обнажения намерения манипулятора (направлена на обличение скрытой манипулятивной цели путем ее вербализации), тактики постановки вопроса о намерениях манипулятора (указывает на наличие манипулятивного намерения или ставит под сомнение открытость истинной цели), тактики обнажения манипулятивной тактики и/или приема(-ов) (состоит в назывании и/или описании тактики и/или приема(-ов) манипуляции), тактики приведения контраргумента(ов) (состоящей в приведении фактов, опровергающих тезис манипулятора) и тактики отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону (представляющей собой отрицательный ответ на просьбу или требование манипулятора совершить то или иное действие).

Субстратегия уклонения от воздействия манипулятора (речевого маневрирования) реализуется с помощью тактики повтора слов манипулятора (произнесение вслед за манипулятором его же слов/высказываний с целью привлечь к ним внимание аудитории, поставить под сомнение их достоверность), тактики мнимого согласия с манипулятором (использование слов / словосочетаний для создания видимости того, что с манипулятором соглашаются или принимают его точку зрения с целью привлечения внимания к его словам, выражения негативного отношения к ним) и тактики указания на правомерность личной позиции / мнения (вербализация факта, что позиция / мнение другого является правомерным, несмотря на стремление манипулятора доказать обратное).

Наиболее частотными в политических видеоблогах являются тактика обнажения манипулятивной тактики / приема(-ов) (41,4% от общего употребления тактик) и тактика приведения контраргументов (30,6%). Реже используются тактика обнажения намерения манипулятора (8,7%), тактика постановки вопроса о намерении манипулятора (4,7%), тактика повтора слов манипулятора (5,4%), тактика мнимого согласия с манипулятором (3,8%), тактика отказа изменить

поведение в нужную манипулятору сторону (2,7%), тактика указания на правомерность личной позиции / мнения (2,7%). Таким образом, субстратегия контрманипулятивного сопротивления используется чаще субстратегии контрманипулятивного маневрирования, поскольку составляющие ее тактики преобладают в процентном отношении и составляют 88,1% от общего употребления контрманипулятивных тактик.

В политических блогах используются речевые контрманипулятивные стратегемы – такие реализации контрманипулятивной стратегии, которые характеризуются строгой последовательностью в расположении речевых тактик, позволяющей объекту манипуляции оптимальным образом нейтрализовать влияние манипулятора.

Выявлены следующие речевые контрманипулятивные стратегемы, характерные для политического видеоблога:

- тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика постановки вопроса о намерении манипулятора;
- тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика обнажения намерения манипулятора;
- тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора => тактика обнажения намерения манипулятора;
- тактика мнимого согласия => тактика обнажения манипулятивной тактики / приема (-ов);
- тактика повтора слов манипулятора => тактика приведения контраргументов => тактика обнажения намерения манипулятора;
- тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика приведения контраргументов => тактика обнажения намерения манипулятора;
- тактика обнажения манипулятивной тактики/приема(-ов) => тактика повтора слов манипулятора => тактика указания на правомерность личной позиции/мнения.

Выделение генеральной преобладающей контрманипулятивной стратегии в видеоблоге позволяет говорить о существовании особого типа политического видеоблога, который может быть назван контрманипулятивным. Исследование показывает, что для русскоязычных контрманипулятивных политических видеоблогов характерна субстратегия прямого контрманипулятивного сопротивления, что подтверждает как частотное преобладание ее тактик, так и их завершающая позиция в контрманипулятивных стратегемах. Этот факт связан с намерением блогеров не только развенчать манипулятора, но и привлечь на свою сторону аудиторию.

Перспективу научных исследований составляет изучение контрманипулятивных речевых тактик в других жанрах политической коммуникации (ток-шоу, теледебаты), в том числе в сопоставительном аспекте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова, Е. Е. Детский сегмент видеоблогосферы: структура, функции и влияние на социализацию: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Абросимова Евгения Евгеньевна. – Нижний Новгород, 2018. – 160 с.
2. Акерлоф, Дж. А. Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана / Дж. А. Акерлоф, Р. Дж. Шиллер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 320 с.
3. Анисимова, Т.В. Современная деловая риторика: учеб. пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2004. – 432 с.
4. Антонова, А. В. Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: реципиентоцентрический подход: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Антонова Анна Владимировна. – Самара, 2011. – 386 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая энциклопедия, 1998. – С. 136–137.
6. Бабитова, Л. В. Языковые средства репрезентации американского политического блог-дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Бабитова Лариса Вячеславовна. – Пятигорск, 2017. – 215 с.
7. Балахонская, Л. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования: учеб. пособие / Л. В. Балахонская, Е. В. Сергеева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 352 с.
8. Баранов, А. Н. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы / А. Н. Баранов // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 3 (17). – С. 9–36.
9. Баранов, А. Н., Паршин, П. Б. О метаязыке описания визуализацией текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2018. – Вып. 17, № 3. – С. 6–15.
10. Баребина, Н. С. Когнитивный аспект контраргументации [Электронный ресурс] / Н. С. Баребина // Вестник Иркутского государственного

лингвистического университета, 2012. – № 17. – С. 73–90. Режим доступа: http://elibrary.ru/download/elibrary_17657253_10645120.pdf (дата обращения: 20.02.2019).

11. Баребина, Н. С. Микро и макроуровень контраргументации (на материале академического и политического дискурса) / Н. С. Баребина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2011. – № 16. – С. 108–115.

12. Баукин, А. В. Манипулирование сознанием: опыт социально-философского анализа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Алексей Вадимович Баукин. – Москва, 2007. – 119 с.

13. Безменова, Н. А. Проблемы эффективности речи в перспективе неориторики / Н. А. Безменова // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 152–161.

14. Бережная, Т. М. Современная американская риторика как теория и практика манипулирования общественным сознанием: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. / Татьяна Михайловна Бережная. – Москва, 1986. – 211 с.

15. Бессонов, Б. Н. Идеология духовного подавления / Б. Н. Бессонов. – М.: Мысль, 1971. – 295 с.

16. Бирштейн, Б. И. Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточных культурах / Бирштейн Б.И., Боршевич В.И. // Рефлексивные процессы и управление, 2002. – Т. 2. № 1. – С. 27 – 44.

17. Богачева, Е. А. Политическое манипулирование в условиях электоральных кампаний: на примере Ставропольского края: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Елена Александровна Богачева. – Ставрополь, 2006. – 287 с.

18. Бубнова, Н. А. Ключевые слова социального словаря как инструмент речевого воздействия и манипуляции сознанием в аналитической публицистике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бубнова Наталья Александровна. – Москва, 2012. – 224 с.

19. Быков, А. А. Анатомия терминов: 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник / А. А. Быков. – Москва: ЭНАС, 2008. – 190 с.
20. Быкова, О. Н. К вопросу о языковой манипуляции в средствах массовой информации // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Науч.-методич. бюл. / Краснояр. гос. ун-т; под. ред А.П. Сквородникова. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998. – С. 18–22.
21. Быкова, О. Н. Языковое манипулирование общественным сознанием: Методическая разработка и рабочая программа для студентов заочного отделения юридического факультета / О. Н. Быкова. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999. – 64 с.
22. Быкова, О. Н. Опыт классификации приёмов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / Краснояр. гос. ун-т; под. ред А.П. Сквородникова. Вып. 1(9). – Красноярск, 2000. – С. 42–53.
23. Васильева, В. В., Коммуникативный сценарий призыва в массмедийном поликодовом тексте: проявления экстремистского высказывания / В.В. Васильева, Л.Р. Дускаева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. – Т. 12. № 3. – С. 395–405. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30714049_92991769.pdf (дата обращения: 21.01.2020)
24. Владимирова, М. Б. Трансформация массового сознания под воздействием СМИ (на примере российского телевидения): монография / М. Б. Владимирова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 144 с.
25. Воеводин, А. И. Стратагемы — стратегии войны, манипуляции, обмана. Красноярск: "КЛАРЕТИАНУМ", 1998. – 105 с.
26. Волков, В. Антиманипулятор / В. Волков, С. Соколов. – М.: ОГНИ, 2005. – 72 с.
27. Вусик, А. Л. Речевая манипуляция – вид языкового воздействия в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / А. Л. Вусик // Сборник

материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». – 2015. – Режим доступа: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw5/vusik.html> (дата обращения: 12.02.2020).

28. Герасимова, А. С. Коммуникативная стратегия оценивания и ее тактики в телешоу: на примере вокального телепроекта "Голос" : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Герасимова Анастасия Сергеевна. – Омск, 2016. – 239 с.

29. Гласс, Л. Вербальная самозащита / Л. Гласс. – М: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»; 2004. – 330 с.

30. Голев, С. Н. 5 правил здорового общения (Анти-манипуляция) [Электронный ресурс], 2014 – Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/24955/> (дата обращения: 20.02.2019)

31. Голубева, Т. М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Голубева Татьяна Михайловна. – Нижний Новгород, 2009. – 174 с.

32. Горбачев, А. А. Манипулирование электоратом в избирательном процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Горбачев Антон Александрович. – Москва, 2011. – 204 с.

33. Горностаева, Ю. А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горностаева Юлия Андреевна. – Красноярск, 2018. – 191 с.

34. Горошко, Е. И. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиа сервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) / Е. И. Горошко, Л. В. Павлова // Жанры речи. – 2015. – № 1 (11). – С. 122–136.

35. Горячев, А. А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горячев Алексей Александрович. – Санкт-Петербург, 2010. – 296 с.

36. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – М., 1985 – С. 217–237.

37. Грачев, В. Г. Информационно-психологическая безопасность личности: теория и технология психологической защиты: автореф. дис. ... д. психол. наук: 19.00.12 / Грачев Георгий Васильевич. – Москва, 2000. – 56 с.
38. Грачев, В. Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / В. Г. Грачев, И. К. Мельник. – М.: Изд-во РАН, 1999. – 230 с.
39. Григорчук, Т. Зверская манипуляция: в бизнесе и в жизни / Т. Григорчук, Д. Бурхаев, А. Сардаров. – М.: Феникс, 2008. – 320 с.
40. Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. – М.: Добросвет, Изд-во «КДУ», 2011. – 232 с.
41. Дацюк, С. А. Коммуникативные стратегии // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс], 2006. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (дата обращения: 20.01.2019).
42. Дегтярева, Л. М. Речевое воздействие текстов памяток правоохранительных органов на население: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Дегтярева Людмила Михайловна. – Ростов-на-Дону, 2008. – 187 с.
43. Дейк, Тён А. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.
44. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
45. Демченков, С. А. Видеоблоги как разновидность новых медиа: проблема типологии / С. А. Демченков, А. С. Заднепрянская // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, 10 апреля 2015 г. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 58–60.
46. Денисюк, Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно–прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елена Викторовна Денисюк. – Екатеринбург, 2003. – 200 с.

47. Детинко, Ю. И. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография / Ю. И. Детинко, Л. В. Куликова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 168 с.
48. Дзялошинский, И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии: монография / И.М. Дзялошинский. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.
49. Диасамидзе, Л. Р. Способы конструирования гендерной идентичности в интернет-дискурсе: на материале англоязычных и русскоязычных текстов политических сетевых дневников (блогов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Диасамидзе Любовь Романовна. – Тюмень, 2010. – 224 с.
50. Дик, А. О. Обман как средство манипуляции: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Дик Анна Олеговна. – Пятигорск, 2011. – 160 с.
51. Доценко, Е. Л. Механизмы психологической защиты от манипулятивного воздействия: дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.01. / Е. Л. Доценко. – Москва, 1993. – 162 с.
52. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
53. Дудина, М.Г. Умозаключения как средство речевого воздействия в тексте: На материале текстов рекламы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Марина Григорьевна Дудина. – Москва, 2000. – 183 с.
54. Дюбуа, Ж. и др. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон. — М.: Прогресс, 1986. — 392 с.
55. Елева, В. И. Манипулирование массовым политическим сознанием: Анализ репрезентации проявлений, разновидностей и технологий: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Валерий Иванович Елева. – Ростов-на-Дону, 2003. – 176 с.
56. Ермаков, Ю. Я. Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия / Ю. Я. Ермаков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 203 с.

57. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Марина Ростиславовна Желтухина. – Москва, 2004. – 358 с.
58. Залегдинова, А. Р. Коммуникативные стратегии и тактики в дискурсивном пространстве ток-шоу: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Залегдинова Айгуль Рустамовна. – Казань, 2013. – 22 с.
59. Зенгер, Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. ТТ. 1, 2. М: Изд-во Эксмо, 2004. – 512 с., 1024 с.
60. Зуйкина, К. Л. Особенности политической коммуникации в блогосфере России и США: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Зуйкина Кристина Львовна. – Москва, 2017. – 162 с.
61. Иванова, Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Юлия Михайловна Иванова. – Волгоград, 2003. – 137 с.
62. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
63. Иссерс, О. С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
64. Казакова, О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте / О. А. Казакова. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – 200 с.
65. Карабекян, Д. С. Манипулирование в задаче коллективного принятия решений: дис ... канд. эконом. наук: 08.00.13 / Карабекян Даниел Самвелович. – Москва, 2012. – 171 с.
66. Карамова, А. А. Современный политический дискурс: конец XX - начало XXI вв.: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Карамова Айгуль Айратовна. – Уфа, 2013. – 411 с.
67. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2009. – 447 с.

68. Карасик, В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.
69. Карымшакова, Т. Г. Лингвистические технологии речевого воздействия в медицинском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Карымшакова Татьяна Геннадьевна. – Улан-Удэ, 2016. – 198 с.
70. Кириллов, А. Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями / А. Г. Кириллов // Жанры речи. – 2017. – № 2 (16). – С. 260–267.
71. Кириллова, Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категории // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2012. – С. 26–33.
72. Князева, И. В. Манипуляция общественным сознанием: сущность, исторические формы, трансформация: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Князева Ирина Васильевна. – Воронеж, 2011. – 167 с.
73. Кожедуб, Н. В. Просодическая реализация убеждения как одного из видов речевого воздействия в судебной речи: экспериментально–фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кожедуб Наталья Владимировна. – Нижний Новгород, 2009. – 249 с.
74. Колесникова, Э. Введение в теорию риторики / Э. Колесникова. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 160 с.
75. Колмогорова, А. В. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: Опыт параметризации / А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, Ю. А. Талдыкина // Политическая лингвистика. – № 4(58), 2016. – С. 194-199.
76. Колокольцева, Т. М. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) / Т. М. Колокольцева // Жанры речи. – 2016. – №2. – С. 96–104.

77. Комисарова, Т. С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе: на материале речей Г. Шрёдера: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Комисарова Таисия Сергеевна. – Орёл, 2008. – 250 с.
78. Копичникова, А. П. Манипулирование мнением и поведением российского электората: Политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Анастасия Павловна Копичникова. – Москва, 2005. – 184 с.
79. Копнина, Г. А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения / Г. А. Копнина // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2 (16). – С. 7–19.
80. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 4-ое изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 176 с.
81. Королев, Н. О. Политическое манипулирование в процессе коммуникации власти и общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Королев Никита Олегович. – Саратов, 2013. – 22 с.
82. Крысько, В. Г. Секреты психологической войны / (цели, задачи, методы, формы, опыт) / В. Г. Крысько. – Минск: Харвест, 1999. – 448 с.
83. Кудимова, О. С. Риторические стратегии воздействия на массовую аудиторию в политическом блогинге: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Кудимова Ольга Сергеевна. – Москва, 2019. – 202 с.
84. Кузин, А. В. Манипуляция в структуре социального взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Кузин Александр Викторович. – Великий Новгород, 2012. – 168 с.
85. Кулешова, О. Д. Роль фоносемантики в речевом воздействии / О. Д. Кулешова // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 186–199.
86. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. / Э.В. Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
87. Куликов, В. Н. Психология внушения: учебное пособие / В. Н. Куликов. – Иваново, 1978. – 79 с.

88. Куликов, В. Н. Контрсуггестия и воспитание / В.Н. Куликов // Взаимосвязь убеждения и внушения в педагогическом процессе, 1976. – №1 – С. 50–58.
89. Курцева, З. И. Речевой поступок и речевой этикет // Проблемы современного образования. – 2013. – № 1. – С. 6–15.
90. Кучеренко, К. В. Речевое манипулятивное воздействие в политической коммуникации: на материале выступлений испанских политиков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кучеренко Ксения Владимировна. – Москва, 2013. – 179 с.
91. Лебедева, Н. М. Социальная психология аккультурации этнических групп.: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Надежда Михайловна Лебедева. – Москва, 1997. – 310 с.
92. Левин, Р. В. Механизмы манипуляции: защита от чужого влияния / Р. В. Левин. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 432 с.
93. Леденева, С. Н. Методы психолингвистической оценки эффективности речевого воздействия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Леденева Светлана Николаевна. – Москва, 2004. – 185 с.
94. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 244 с.
95. Леонтович, О. А. Метод дискурс-анализа / О. А. Леонтович // Дискурс–Пи. 2015. – № 2 (19). – С. 185–187.
96. Леонтьев, А. А. Психолингвистическая модель речевого воздействия / А. А. Леонтьев // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации; отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1974. – С. 34–43.
97. Леонтьев, А. А. Вступительное слово от редактора / А. А. Леонтьев // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики; отв. ред. А. А. Леонтьев. – М.: Наука, 1972. – С. 5–6.
98. Литвак, М. Психологическое айкидо: учебное пособие / М. Литвак. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 224 с.

99. Лушиков, В. А. Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов / В. А. Лушиков, М. В. Терских // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2018. Т. 4, № 14. – С. 57–75.

100. Любимова, А. А. Языковые аспекты воздействия на общественное сознание: На сопоставительном материале средств массовой информации конца XX - начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Анна Александровна Любимова. – Москва: 2006. – 240 с.

101. Магера, Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование: На материале региональных предвыборных плакатов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Сергеевна. Магера. – Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2005. – 18 с.

102. Малышев, Д. А. Коммуникативные стратегии и тактики презентации политика в теленовостях: на примере материалов Первого канала, НТВ и РЕН ТВ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Малышев Дмитрий Андреевич. – Москва, 2016. – 25 с.

103. Мальцева, В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации: на примере юридического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мальцева Валентина Александровна. – Челябинск, 2011. – 256 с.

104. Мачина, А. А. Манипулирование сознанием посредством информационной системы: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01. / Анна Александровна Мачина. – Москва, 2003. – 154 с.

105. Мендыгалиева, А. А. Дискурсивные технологии речевого воздействия на сознание обывателя в жанре рекламы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мендыгалиева Алия Аскарровна. – Иркутск, 2011. – 19 с.

106. Мищук, О. Н. Речевое воздействие и самопрезентация: на материале публичных выступлений: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мищук Оксана Николаевна. – Тула, 2013. – 230 с.

107. Михалева, О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Леонидовна Михалева. – Иркутск, 2004. – 289 с.

108. Михальская, А. К. Русский язык. Риторика. 10-11 классы: учебник для общеобразоват. учреждений филол. профиля. — 6-е изд., стереотип. — М.: Дрофа, 2011. — 491 с.
109. Навасартян, Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лариса Гагиковна Навасартян. — Саратов, 2017. — 172 с.
110. Надеина, Т. М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Михайловна Надеина. — Москва, 2004. — 428 с.
111. Назаре-Ага, И. Они играют на ваших чувствах! Психологическая защита от манипуляторов / И. Назаре-Ага. — СПб.: Питер, 2014. — 272 с.
112. Найденов, О. Ю. Прагматические аспекты оптимизации речевого воздействия печатных средств массовой коммуникации: На материале торговой рекламы в российских печатных изданиях: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Олег Юрьевич Найденов. — Москва, 2000. — 172 с.
113. Непряхин, Н. 101 совет по противодействию манипуляциям / Н. Непряхин. — М.: Альпина Паблишерз, 2014. — 66 с.
114. Нешева, Т. В. Коммуникативно-прагматический потенциал слов-аргументаторов. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Владимировна Нешева. — Иркутск, 2008. — 190 с.
115. Никифорова, Э. Ш. Стратегии коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Эльмира Шавкатовна Никифорова. — Тюмень, 2013. — 222 с.
116. Нуриджанов, А. Э. Технологии манипуляции в системе управления персоналом современных бизнес-организаций России: (на примере Республики Башкортостан) / А. Э. Нуриджанов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 33. — С. 108–111.
117. Осипова, А.А. Как противостоять манипуляциям (аудиокнига) [Электронный ресурс] — М.: Студия АРДИС, 2010. Режим доступа:

<https://mp3goo.ru/download/алла-осипова-как-противостоять-манипуляциям-аудиокнига/> (дата обращения: 18.01.2019).

118. Пак, Е. М. Жанрообразование в сетевых СМИ: технологические и творческие факторы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Пак Екатерина Максимовна. – Санкт-Петербург, 2014. – 258 с.

119. Панкратов, В. Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство / В. Н. Панкратов. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 208 с.

120. Панкратов, В. Н. Психотехнология управления людьми. Практическое руководство / В. Н. Панкратов. – Издательство Института Психотерапии, 2004. – 294 с.

121. Паршин, П. Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности / П. Б. Паршин // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М.: Издательство международного института рекламы, 2000. – С. 53–74.

122. Петренко, М. С. Видео челлендж и видеоблоги как инструменты манипуляции // «Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития» Материалы Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 26–28 апреля 2017 г.) / под ред. И. В. Архиповой, 2017. – С. 189-193.

123. Петренко, В. Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики / В. Ф. Петренко // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 18–31.

124. Пирогова, Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования / Ю.К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. – С. 209–227.

125. Пирогова, Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте / Ю. К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 543–553.

126. Помырляну, Н. А. Речевое воздействие: способы, типы и приемы / Н. А. Помырляну // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – №3 – С. 71–78.

127. Поршневу, Б.Ф. Контрсуггестия и история / Б.Ф. Поршневу // Сборник «История и психология» – М.: «Мысль», 1972. – С. 7–35.

128. Потапова, А. А. Фонетические средства оптимизации речевого воздействия / А. А. Потапова // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 199–210.

129. Пую, Ю. В. Социально-философские основания антропологии манипулирования: диссертация ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Пую Юлия Валерьевна. – Санкт-Петербург, 2010. – 372 с.

130. Радевич, В. В. Стратегическая организация манипулятивной коммуникации в рамках речевого жанра «нигерийское письмо»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Радевич Валентина Владимировна. – Красноярск, 2014. – 194 с.

131. Рогожина, С. М. Интонационные конструкции как средство реализации когерентности монологического дискурса: на материале британских видеоблогов: диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Рогожина Светлана Михайловна. – Москва, 2012. – 201 с.

132. Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М: Добросвет, 1997. – 600 с.

133. Рубанова, О. А. Средства усиления речевого воздействия при выражении значения побуждения: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Андреевна Рубанова. – Ростов–на–Дону, 2006. – 184 с.

134. Руськина, Е. Н. Формирование психологической защиты от манипулятивных воздействий у школьников: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.07 / Руськина Екатерина Николаевна. – Саратов, 2009. – 23 с.

135. Сальникова, Н. В. Национально-культурная риторика политического дискурса: на материале публичных выступлений Р. Рейгана и М.С. Горбачева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сальникова Нина Валерьевна. – Ставрополь, 2011. – 21 с.

136. Сарычев, О. В. Средства политической игры в контексте культурологического и деятельностного подходов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск № 1, 2009. – С. 51–59.

137. Седов, К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.

138. Седов, К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 7–38.

139. Семенов, С. Большие продажи без компромиссов и оправданий. Система эффективных продаж по телефону и на встречах / С. Семенов. – М.: Альпина Пабlishер, 2018. – 277 с.

140. Сергеева, З. Н. Институционализация манипулятивных практик российской политической элиты: дис. ... канд. соц.наук : 22.00.04 / Сергеева Зоя Николаевна. – Новосибирск, 2013. – 243 с.

141. Сидоренко, Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию / Е. В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2004. – 256 с.

142. Сидорков, С. В. Функционально-семантические аспекты языковой стратагемности: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Сергей Васильевич Сидорков. – Краснодар, 1997. – 160 с.

143. Сиркия, Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) / Н. П. Сиркия // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Том. 10. № 2–2. – С. 164–170.

144. Сковородников, А. П. Языковое насилие в современной российской прессе / А.П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого

общения: науч.-методич. бюл. / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сквородникова. Вып. 2. – Красноярск–Ачинск, 1997. – С.10–15.

145. Сквородников, А. П. Язык информационно-психологической войны: стратегии, тактики и приемы // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.]; под ред. проф. А.П. Сквородникова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – С. 63–152.

146. Степкин, И. Р. Речевое воздействие: проблема понимания инокультурного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Игорь Радиевич Степкин. – Москва, 2001. – 161 с.

147. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия: учебное издание / И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.

148. Субботина, Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и в человеке: дис. ... д. филос. наук: 09.00.11 / Надежда Дмитриевна Субботина. – Улан-Удэ, 2002. – 399 с.

149. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Юлия Ринатовна. Тагильцева. – Екатеринбург, 2006. – 251 с.

150. Таирова, М. Р. Семантико-синтаксические особенности оценки как манипулятивного средства: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Таирова Марина Рифатовна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 19 с.

151. Тарасов, Е. Ф. Предисловие к коллективной монографии / Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 3–4.

152. Текутьева, И. А. Жанрово-тематическая классификация видеоблогинга / И. А. Текутьева // Медиасреда, 2016. – С. 107–113.

153. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Перевод с кит. В.В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000. – 192 с.

154. Тропина, Н. И. Функционирование глагола как средства речевого воздействия в публицистике (в материалах на международные темы): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Нинелла Ивановна Тропина. – Москва, 1985. – 201 с.

155. Федорова, Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения [Электронный ресурс] / Л. Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46–50. – Режим доступа: <http://www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1991-6.pdf> (дата обращения: 20.02.2019).

156. Филатов, А. В. Основы распознавания и противодействия манипуляции сознанием (вводный курс) / А. В. Филатов. – Калининград: МО «Сенте», 2006. – 198 с.

157. Фокина, М. А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе: на материале блогов политиков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Фокина Маргарита Андреевна. – Нижний Новгород, 2017. – 199 с.

158. Харебова, Е. Н. Экспликация массового сознания в политическом интернет-дискурсе / Е. Н. Харебова // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. – 2016. – Вып. 4 (36). – С. 83–91.

159. Хачецукова, З. К. Лингвориторические параметры советского официального дискурса периода Великой Отечественной войны: на материале передовых статей газеты «Правда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зарема Кушуковна Хачецукова. – Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 23 с.

160. Хобракова, Л. М. Стратегии речевого воздействия в бизнес-планах компаний США: Анализ дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Людмила Матвеевна Хобракова. – Иркутск, 2003. – 186 с.

161. Цветков, О. М. Политическое манипулирование: Природа и особенности в различных типах политических систем: дис. ... канд. филос. наук: 23.00.03 / Олег Михайлович Цветков. – Москва, 1996. – 150 с.

162. Чайкин, В. Н. Формы манипулирования в негосударственных организациях с признаками деструктивных культов в Российской Федерации: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Чайкин Владимир Николаевич. – Нижний Новгород, 2011. – 184 с.

163. Чапаева, Е. О. Коммуникативная ситуация возмущения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Елена Олеговна Чапаева. – Иркутск, 2010. – 173 с.
164. Черепанова, И. Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики / И. Ю. Черепанова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 213 с.
165. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: учеб. пособ. / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 136 с.
166. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: Учебное пособие / В. Е. Чернявская. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 208 с.
167. Шамгунова, Т. А. Стратегемы и их применение в конкурентной борьбе // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. – Вып. 6. – С. 267–274.
168. Шевченко, В. М. Коммуникативное воздействие как технология преодоления противодействия расследованию / В. М. Шевченко // Вестник Новгородского государственного университета. 2012. – № 70. – С. 80–82.
169. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: ИТДК «Гнозис», 2004. – 326 с.
170. Шейнов, В. П. Искусство управлять людьми / В. П. Шейнов. – Мн.: Харвест, 2004. – 512 с.
171. Шейнов, В. П. Как управлять другими. Как управлять собой (Искусство менеджера) / В. П. Шейнов. – Минск: Амалфея, 1996. – 384 с.
172. Шейнов, В. П. Манипулирование и защита от манипуляций / В. П. Шейнов. – СПб.: Питер, 2014. – 304 с.
173. Шейнов, В. П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования) / В. П. Шейнов. – Мн.: Харвест, 2004. – 816 с.
174. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Шелестюк Елена Владимировна. – Челябинск, 2009. – 304 с.
175. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Монография. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Шелестюк. – М.: «Флинта», «Наука», 2014. – 344 с.

176. Шерковин, Ю. А. Убеждение, внушение и пропаганда / Ю. А. Шерковин // Вестник Московского университета. Серия журналистика и социальная психология. – 1969. – №5. – С. 28–42.

177. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М.: Мысль, 1980. – 326 с.

178. Шипова, А. В. Манипулирование сознанием и его специфика в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Анна Владимировна Шипова. – Ставрополь, 2007. – 156 с.

179. Шихалиева, У. К. Механизмы и технологии манипуляции в культуре [Электронный ресурс] / У. К. Шихалиева // Аналитика культурологии. Электронное научное издание. Аналитика культурологии / ТГУ им. Г. Р. Державина. 2014. № 28. Режим доступа: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/1869-механизмы-и-технологии-манипуляции-в-культуре.html> (дата обращения: 30.01.2020)

180. Шишлянников, А. Статус — оружие антиманипулятора! Антиманипуляции, часть 4 [Электронный ресурс], 2011. URL: <http://manipulyat-see.net/coaching/chtivo/protivostoyanie-manipulyaciyam/status-oruzhie-antimanipulyatora-antimanipulyacii-chast-4/> (дата обращения: 20.01.2018).

181. Шунейко, А. А. Механизмы коммуникативного воздействия: учеб. пособие / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. – 247 с.

182. Шунейко, А. А. Сценарий информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2010. Т. 2. № 1. – С. 58–64. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_14316318_81820046.pdf (дата обращения: 18.01.2020)

183. Щипицина, Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: монография / Л. Ю. Щипицина; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования

«Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова». – Архангельск: Поморский ун-т, 2009. – 236 с.

184. Эдмюллер, А. Техники манипуляции: Распознавание и противодействие / А. Эдмюллер, Т. Вильгельм. – М.: СмартБук, 2011. – 131 с.

185. Baron, M. The Mens Rea and Moral Status of Manipulation // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – PP. 98–121.

186. Barnhill, A. What Is Manipulation? // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – PP. 51–73.

187. Braiker, H. Who's Pulling Your Strings?: How to Break the Cycle of Manipulation and Regain Control of Your Life. / H. Braiker. – The McGraw-Hill Companies, 2004. – 260 p.

188. Buss, D. M. Tactics of manipulation / D. M Buss, D. S. Higgins, K. Lauterbach, M. Gomes // Journal of personality and social psychology, Vol. 52, №6. – 1987. – PP. 1219–1229.

189. Cave, E. M Unsavory Seduction and Manipulation // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – PP. 176-201.

190. Ciampaglia, G. L. et al. Computational fact checking from knowledge networks [Электронный ресурс] / G. L. Ciampaglia, P. Shiralkar, L. M. Rocha, J. Bollen, F. Menczer, A. Flammini // PloS one. – 2015. – Т. 10. – №. 6 – Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0128193#sec004> (дата обращения: 20.02.2019).

191. Dillard, J.P. Goals-Plans-Action Theory of Message Production: Making Influence Messages. In: Engaging Theories in Interpersonal Communication: Multiple Perspectives. Edited by: Leslie A. Baxter & Dawn O. Braithwaite, 2008. – PP. 65–76.

192. Dillard, J.P., Segrin, C. & Harden, J.M. (1989). Primary and secondary goals in the interpersonal influence process. Communication Monographs, № 56, 1989. С. 19–38.

193. Goodin, R.E. Manipulatory politics / R. E. Goodin. – Yale U.Pr. New Haven; L., 1980. – 250 p.
194. Graves, L. Deciding what's true: The rise of political fact-checking in American journalism / L. Graves. – Columbia University Press, 2016. – 320 p.
195. Long, T. R Information Manipulation and Moral Responsibility // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – PP. 151–176.
196. Manne, K. Non-Machiavellian Manipulation and the Opacity of Motive // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – PP. 221–247.
197. Mills, C. Manipulation as an Aesthetic Flaw // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – PP. 135–151.
198. Rashkin, H. et al. Truth of varying shades: Analyzing language in fake news and political fact-checking / H. Rashkin, E. Choi, J. Y. Jang, S. Volkova // Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – 2017. – C. 2931–2937.
199. Riker, W.H. The art of Political Manipulation / W. H. Riker. – Yale U.Pr. New Haven, L., 1986. – 156 p.
200. Vlachos, A., Riedel, S. Fact checking: Task definition and dataset construction // Proceedings of the ACL 2014 Workshop on Language Technologies and Computational Social Science. – 2014. – PP. 18–22.
201. Wood, A. W. Coercion, Manipulation, Exploitation // Manipulation: Theory and Practice. Ed. by C. Coons and M. Weber. – Oxford University Press, New York, 2014. – PP. 17–51.
202. Wu, Y. et al. Toward computational fact-checking / Y. Wu, P. K. Agarwal, C. Li, J. Yang, C. Yu // Proceedings of the VLDB Endowment. – 2014. – T. 7. – №. 7. – C. 589-600.
203. Yokoyama, O.T. Disbelief, Lies and Manipulations in a Transactional Discourse Model / O. T. Yokoyama // Argumentation. – 1988. – №2. – P. 133–151.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

204. Быков, А. А. Анатомия терминов: 400 сло
205. вообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник / А. А. Быков. – Москва: ЭНАС, 2008. – 190 с.
206. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск.: Харвест, 1998. – 660 с.
207. Головин, С.Ю. Словарь психолога-практика / С. Ю. Головин. – Минск.: Харвест, 2005. – 976 с.
208. Демьянков, В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная деятельность // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996. – С. 51–52.
209. Завьялова, О. Н. Речевое (языковое) манипулирование // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 567.
210. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Справочное издание. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
211. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
212. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
213. Русский язык. Энциклопедия / гл.ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – 703 с.
214. Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. – М.: «Флинта», «Наука», 2009. – 432 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ РЕЧЕВЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Aftershock.news (Брекотин С.) Как Россия травит людей углем и не развивает зеленую энергетику | Разбор [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=veZjKpH-NiU>

2. Aftershock.news (Брекотин С.) Ложь и манипуляции Андрея Малахова на России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=mHrzRQSTkkU&list=PLAmS5ukVn20teLoRHTXvm4V39IS49vZ8s&index=4&t=257>

3. Aftershock.news (Брекотин С.) Ложь и манипуляции канала "Быть или" [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=omHTxM8g6TA>

4. Aftershock.news (Брекотин С.) Подельник Навального спалился на лжи | Макроэкономика в России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=iIjS9OFLTTU>

5. Aftershock.news (Брекотин С.) Пожары России, разбор хайпов и последствий | Гарсия Берналь накидывает [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ay7ukZ_Pmog

6. ANNA NEWS (Павлов С.) 110 млн. жизней загублено большевиками (Научное обоснование) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=3eMszrM99Cs&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=71

7. ANNA NEWS (Павлов С.) Антифейк: Чемпионат по переобуванию в воздухе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=u7vxb8aktfo>

8. ANNA NEWS (Павлов С.) Быть разоблачителем или казаться разоблачителем? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FbFz0bUgLsg>

9. ANNA NEWS (Павлов С.) В Торжке сняли асфальт, как только патриарх уехал [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=yg5f29CofNs>

10. ANNA NEWS (Павлов С.) Вернем парням их имена [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=-kdAYc_POFI

11. ANNA NEWS (Павлов С.) Владимир Милов – будущий министр Навального [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=WUKgYWSLjHI&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=376&t=0s

12. ANNA NEWS (Павлов С.) Всероссийская акция «Работай без зарплаты» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=fzTXkMJ5nk0>

13. ANNA NEWS (Павлов С.) До чего Путин зверей довел [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ORF7NKKR2iE>

14. ANNA NEWS (Павлов С.) Зеленский посоветовал Путину не тратить время на выдачу паспортов России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=LECBKQCdq4s&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=20

15. ANNA NEWS (Павлов С.) Караул! С судей сняли ответственность за применение оружия! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=JRNtPuR8V9w>

16. ANNA NEWS (Павлов С.) Крымский мост будет закрыт [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=DcV6q5MJDvE&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=37

17. ANNA NEWS (Павлов С.) Молодой человек солгал [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=FzWol_TdKGI

18. ANNA NEWS (Павлов С.) Навальный: «10000 евро каждому задержанному? Сами платите!» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Cd3ZPMSXjLI>

19. ANNA NEWS (Павлов С.) Навальный: значительная часть россиян считает, что нужно бомбить Европу [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=qcQCXi7av7E&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=431&t=0s

20. ANNA NEWS (Павлов С.) Наш ответ каналу «Быть или». Часть 2 - Военные преступники из Анна Ньюс [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=nOdxtkAZJv0>

21. ANNA NEWS (Павлов С.) Они там к выборам готовятся или фейки стряпают? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=yEb3KcZ7e6I&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=423&t=0s

22. ANNA NEWS (Павлов С.) Платные перекрёстки [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=rIsvulfY6ug&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=26

23. ANNA NEWS (Павлов С.) Подвиг крымского татарина [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=vwBXqKPntbw&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=7

24. ANNA NEWS (Павлов С.) Положение больниц катастрофическое — ни лекарств, ни вакцин, нечем накормить больных [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=4h-Ert-TjUk>

25. ANNA NEWS (Павлов С.) Про «зверства» советских освободителей в Европе [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=S9FPZY8WOIM&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=78

26. ANNA NEWS (Павлов С.) Простой блогер нашел 750 квадриллионов, которые украли у россиян! [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=8ERxRBLAvsE&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=399&t=0s

27. ANNA NEWS (Павлов С.) Путин повысил зарплату себе и Медведеву [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YEZdGMclCA>

28. ANNA NEWS (Павлов С.) Разоблачение прокремлёвского разоблачителя. 2 Часть. Путин не подписывает законы! [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=jTPcLUqMr6Y&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=44

29. ANNA NEWS (Павлов С.) Российские пенсии уйдут в Саудовскую Аравию [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=8ПВBalhs_A

30. ANNA NEWS (Павлов С.) Российские подлодки вышли из строя в Сирии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Xy28tXZMEOM>

31. ANNA NEWS (Павлов С.) Россия проиграла войну (часть 1) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=B7POv6NoP2Y&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=374&t=0s

32. ANNA NEWS (Павлов С.) Россиянам по 26 миллионов за газ! [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=0mFXjaGMZ34&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=49

33. ANNA NEWS (Павлов С.) Русский миф: сколько Сталин получил за войну? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=IZ98SNZr9PU&list=PLG_Py6mTH5ZDsD9DXt9pg20giLInNVJaB&index=10

34. ANNA NEWS (Павлов С.) Сталин и Гитлер встречались во Львове [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=KX4-qjnVoeQ>

35. ANNA NEWS (Павлов С.) Урожай пленных генералов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=xP-du466iXQ&t=3s>

36. The Best News on YouTube (Шевченко М.) Шевченко: Российский газ в Китай за 80 копеек, а россиянам за 5 рублей!!! Как называется такая власть? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=eGkaMMcbJrk>

37. Быть Или. Меня РАЗОБЛАЧИЛИ! Ответ ANNA news! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=m1368LLPTxA&t=2s>

38. Навальный LIVE. Что будет, если Путин останется: мифический рост экономики и немифический рост нищеты и поборов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=966z18yIB0I&t=2805s>

39. Навальный А. Как Путин девочку обманул [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=cgRe5Gx2h2Q&t=110s>

40. Навальный А. Оплачиваем штрафы вместе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://navalny.com/p/5466/>

41. Налимов М. 110 млн. жизней загублено большевиками с 1917-1959 гг. (Научное обоснование) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nalimov-michael.livejournal.com/108228.html?utm_source=fbsharing&fbclid=IwAR1mc5Vf4093suYdAfcJDDIH8YNpXjwHiYpCq4yUviboT3j4WLOLshzdXzg

42. Неретин О. Шарий подал в суд – Навальный в шоке! [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=e3Lh132fPq8>

43. Романов Р. АНТИФЕЙК: Президент Венесуэлы на пустой площади [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-PhFjApIryM&list=PLomz-jm6CgAVanQRkJ5TgMNYXqmB6-C7p&index=80>

44. Романов Р. Навальный разоблачил вранье Путина [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=IhyFfMNimtM&list=PLomz-jm6CgAVanQRkJ5TgMNYXqmB6-C7p&index=183>

45. Хватит молчать! ПЛАТНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ в России - новый налог! [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=iesrgSr_vmM

46. Чеславский О. Про «зверства» советских освободителей в Европе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fakeoff.org/war/pro-zverstva-sovetskikh-osvoboditeley-v-evrope>

47. Шарий А. Всех посадить и разогнать [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AA2x-N61iBQ>

48. Шарий А. Коммунистическая партия Навального [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oKGZa9pshto>

49. Шарий А. Конструктив Навального [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ThM9AW7mPAQ>

50. Шарий А. Навальный все объяснил [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Oc9bAxNAGt8&t=12s>

51. Шарий А. Навальный и Великая Октябрьская Революция [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FETdMOgndhk>

52. Шарий А. Навальный. Дача Путина. Фактаж [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=XauLLioqnUo>

53. Шарий А. Навальный о свободе слова, бедности и проч. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=HYS62aIQuSM>

54. Шарий А. Навальный. Собчак. Я тебя, конечно, очень уважаю... [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=SXpgYYO9myQ&t=21s>

55. Шарий А. Навальный: правила манипуляции [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=rzKjaskdQao>

56. Шарий А. Навальный, Собчак, разрыв [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=4vyTwD6lGc8>

57. Шарий А. Обращение к школьникам Навального [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Y3lBDzR6h8k&t=617s>

58. Шарий А. Секретная цифра Навального [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=yuSwTEcbtDs>

59. Шарий А. Шарий – похититель просмотров [Электронный ресурс] –
Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=n7SLCqvY1E>